

ГЕОРГИЙ

ИВАНОВ

ЧЕРНЫЙ КОЛАУН

странные
новеллы

РАССКАЗЫ —
УЖАСЫ

ДЕТЕКТИВ

БИБЛИОТЕЧКА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ МИСТИКИ

Георгий Иванов

ЧЕРНЫЙ КОЛДУН

Рассказы-ужасы
Странные новеллы
Детективная повесть

Редакционно-издательский отдел
Донецкого областного управления по печати

1993

ББК 84Р7

И 20

Иванов Г. А.

И 20 Черный колдун: (Рассказы-ужасы) — Донецк

Редакционно-издательский отдел областного управления
по печати, 1993. — 136 с.

ISBN N 5—7707—4241—0

В очередной книге Георгия Иванова «Черный колдун» помещены девять оригинальных новелл и повесть. Они написаны живо, увлекательно, их развязки неожиданны.

По мысли автора силы добра не всегда торжествуют в этом непонятном мире потерянных ожиданий и надежд.

ББК 84Р7

Издание осуществлено за счет средств автора.

ISBN 5—7707—4241—0

© Г. Иванов, 1993

Вы держите в руках новую книжку Георгия Иванова с интригующим названием.

Автор и на этот раз не обманул ожидания читателей и по-прежнему верен избранному пути, продолжая исследовать проблемы иррационального.

Недавнее атеистическое прошлое нашего государства, монополизировавшее воспитание всего населения, сформировало у многих людей соответствующее диалектико-материалистическое мировоззрение, против которого автор ничего не имеет против, уважая любую философскую концепцию. Однако литератор считает, что в реальной действительности может быть представлена и принципиально противоположная позиция, сформированная на платформе мистицизма, предлагая читателю самостоятельно решать вечный вопрос, что в бытии первично: материя либо сознание.

В предлагаемом сборнике оригинальных произведений прослеживается ряд направлений, базирующихся на сверхъестественном.

Новеллы «Вор» и «ДЦП» невольно подводят к мысли, что реально возможно посмертное наказание человека за допущенные грехи в земной жизни.

Нелишне, считает автор, знать, что в мире имеются люди, способные приносить зло, прибегая для этого к услугам магии («Черный колдун», «Вурдулак» и др.).

Возможно, рассказы «Проделки нечистой силы» и «Проклятие императора Максимилиана» помогут читателю по-иному посмотреть на, казалось бы, столь привычный мир, ощутить его изумительную неповторимость, многообразие, уникальность.

В антиреалистическом «Человеке-телефоне» в каких-то строках можно узнать себя. Ведь хотелось же нам бескорыстно творить добро, и было желание почувствовать себя на месте большого начальника и, может быть, оказаться на его месте? А кто не пробовал свои силы в искусстве и в литературе? Теперь же эти мечты в своем большинстве напоминают о себе лишь в грустных грезах...

Отдельно от всех новелл стоит повесть «Судья и палач», где писатель, однажды создав образ талантливого сотрудника уголовного розыска Вонави, в своих книгах и отдельных публикациях развивает всегда актуальную в художественной литературе тему борьбы с преступностью. Предлагаемая повесть, несмотря на свою принадлежность к детективному жанру, где действие происходит в наши дни, несколько отлична от всех предшествующих тем, что она, как по сюжету, так и по композиции, вполне вписывается в «Библиотечку приключенческой мистики».

Все новеллы и повесть читаются с большим интересом, они написаны увлекательно, с необычными фабулами, практически непрогнозируемыми финалами. Они достойно пополнят коллекцию любителей этого жанра.

Между прочим, произведения Георгия Иванова заказала Библиотека конгресса США.

ЧЕРНЫЙ КОЛДУН

Равва, подруга моей дочери Адды, выходила замуж. Хлопот же в этой связи немало пришлось испытать и мне — в нашем довольно просторном доме постоянно появлялись приятели подруги: молодые врачи-коллеги. Поэтому моя жена и Адда буквально не отходили от кухонной плиты, где пеклись сдобные булочки с вишневым и малиновым вареньем, заваривался чай и кофе — по желанию гостей. Я не люблю шума и суеты, связанных с появлением гостей, и поэтому очень обрадовался, когда узнал, что Равва и Адда пошли получать платье невесты, которое было заказано у надомного портного — хромого, горбатого, маленького человечка по имени Берри.

Это был добрый сигнал, и он для меня означал, что через несколько дней состоится свадьба и тогда количество постоянных визитеров заметно поубавится. И это меня радовало.

Дело в том, что я профессиональный гадалщик и теперь вам становится понятным: чае- и кофепитие знакомцев Адды являлось лишь предлогом. Они обращались ко мне с одними и теми же просьбами — предсказать судьбу также точно, как и Равве. Именно ей я предрек не только дату выхода замуж, но и указал имя, возраст, профессию и темперамент суженого. Но если уж говорить все как оно есть, то это занятие я оставил лет восемь тому назад и начал заниматься литературным трудом, который богатым человеком не сделал, но и умереть с голоду не позволял.

Равва и Адда пришли от портного очень быстро, без свадебного платья и очень расстроенные. По крайней мере дочь я никогда не видел такой подавленной.

— Папа, — еле выговорила это слово Адда, — дрожа мелко всем телом, словно она сильно продрогла, — папа, произошло нечто ужасное и трагическое.. нужен немедленно твой совет...

Говоря эти слова, она несколько раз оглянулась, а лицо ее было белее только что выпавшего экологически чистого снега. Равва вообще не могла ничего говорить. Она, широко раскрыв глаза, только кивала головой, подтверждая этим жестом истинность информации подруги. Как я понял, их обеих объединял сильнейший страх.

— Рассказывай, — решительно потребовал я у Адды, легонько поглаживая ее по темным волнистым волосам, опускавшимся до пояса, — но предварительно идите на кухню и выпейте по стакану холодной воды из крана, а я тем временем приготавливаю карты. Как я сообразил, без них нам не обойтись.

Они ушли. Я полез в письменный стол и достал из него игральные карты. Они у меня особые, выделанные из пергамента и им, если верить семейному преданию, не менее трехсот пятидесяти лет. Они достались мне от отца, а тому от своей матери, а той также от матери, а уж ей от моего прапрадеда, который их смастерил из телячьей кожи по всем правилам магии. Теперь этот секрет навсегда утерян, а те карты, которыми пользуются гадалки, приобретенные в киосках за небольшую сумму денег, гроша, на мой взгляд, ломаного не стоят.

Теперь читателю и вовсе все ясно: я выходец из семьи особого свойства и направленности. Однако Адду я не стал учить гаданию, потому что пришел к выводу — нет ничего хуже, чем заглядывать в будущее. Ведь я могу и ошибиться, но высказанная однажды информация для клиента является программой и поэтому он будет следовать ей. Это одно. И еще один момент. Деликатный. Вдруг карты покажут, что человек должен умереть от рака легких на тридцатом году жизни? Скажите, вот лично вы, хотели бы об этом знать? То-то... а обманывать людей, пришедших ко мне на сеанс, я не имею права. Вот и думай теперь, есть ли смысл гадать? Но такие пророчества, как кто и когда выйдет замуж, я выдавал в устной форме знакомым либо по их ходатайствам тем, за кого просили. Иногда составлял заключения о выгодности сделки, целесообразности коммерческой командировки, указывал наиболее благоприятные дни для любви и работы. И такое случалось: не советовал лететь самолетом и — как в воду глядел, он попадал в аварию; не выходить замуж за такого-то. И точно: подлецом первостатейным оказывался претендент на руку и сердце дамы и очень плохо заканчивал.

Вы скажете, так это же замечательно давать такие прогнозы. Да, отвечу я. Конечно. Но ведь большинство обращается совсем по иному поводу — чем болеть буду я, мои дети, родители, муж и в каком возрасте мы все поумираем; могу ли в такой день или месяц похитить то-то и там-то; изменяет ли мне жена (муж) и так далее. По нравственным нормам профессиональной этики магов заказ клиента — закон. Гадальщик не имеет права отказать ему и, что еще хуже, обмануть. В нашем деле правда важнее всего...

Вернулись девочки. Они немного успокоились, но все равно было видно, что подруги сильно расстроены и удручены.

Когда они уселись напротив меня за столом, на котором уже лежала колода карт, я предложил дочери левой рукой снять с нее несколько картонок и дать их мне. Адда выполнила требование. Я посмотрел на нижнюю карту. Она обозначалась «дамой пик». Мое сердце дрогнуло — хуже не бывает, то был знак большой и непоправимой беды.

— Говорите, — сказал я, тасуя колоду и раскладывая карты в три стопки по особому ключу — каждую третью, потом каждую седьмую, а остаток, который меньше семерки — по одной.

— Случилось, папа, вот что, — проговорила Адда, потирая пальцами рук свои виски. — Мы пришли в условленное время к портному, но в комнате никого не было и удивились, потому что в ней всегда находился сам мастер либо его жена. Тогда мы уселись на стулья и начали рассматривать комплект журналов мод, который лежал на журнальном столике. Прошло минут пятнадцать. Через стену мы отчетливо слышали голоса: мужской, женский и ребенка. Казалось, они о чем-то договаривались, а ребенок плакал и умолял, но о чем — разобрать было совершенно невозможно, да мы и не ставили перед собой такой цели. Мало ли... всякое может быть... но вот входит в примерочную супруга портного. Она взволнована и растеряна. Увидя нас, говорит, что нам лучше придти через пару часов. У ее мужа приключился сильный сердечный приступ и он едва ли не при смерти. Равва и я, следуя врачебному долгу, сказали, чтобы она вызывала карету «скорой помощи», а мы тем временем проведем необходимые мероприятия, пригодные для купирования сердечного приступа. Однако женщина вдруг прищурила свои большие глаза и сказала, что не позволит прикасаться к ее больному мужу и уж лучше пусть он умрет,

нежели произойдет то, что мы проникнем в комнату к больному. К нему она нас ни за что не пустит. Я подумала, и подумала очень нехорошо по этому поводу: может, она специально спровоцировала у него приступ, желая таким образом убить невзрачного мужа. Она женщина еще видная из себя, привлекательная, а портной низок ростом, горбат, сед и стар. В общем, здесь Равва и я единомышленники. Поэтому мы, невзирая на то, что эта взбалмошная дама физически препятствовала нам, все же проникли в запретную комнату и увидели там такую картину: на толстой широкой струганной доске находился распятый младенец, уже мертвый, а ужасный портной препарировал ему грудную клетку с левой стороны, и нам показалось, что его цель была достать у него сердечко. Его лик был страшен и он в возбуждении стонал, выпуская изо рта длинную тягучую черную слюну. Нам почудилось, что портной ликовал и радовался своим страшным манипуляциям. Внезапно, увидя нас, он очень рассердился и грозно закричал: «А, ну-ка, подойдите ко мне, мои миленькие и славненькие девочки, я вам сейчас ножиком вырежу сердечки и посмотрю, что находится в ваших маленьких животиках», — и он, не мигая, глядя на нас своими жгучими глазами, подпрыгивая и кривляясь пошел к нам навстречу, держа во рту окровавленный нож и перебирая пальцами обеих рук. И, о ужас, вместо них нам почудилось, что у него на кистях рук шевелятся десять небольших извивающихся змеек, которые высовывали свои длинные мерзкие языки. Мы стояли на месте как прикованные. Но вот Равва, очень смелый человек, решительно дернула меня за руку и быстро сказала: «Побежали!». Я, честное слово, не помню, как выскочили из дома. Но у меня в сознании прочно уселась фраза, злобно высказанная портным: «Ни одна из вас не доживет до начала новых суток! До захода солнца вы умрете, умрете, умрете!!! Мое слово крепко!». Мы еле добрались домой, а далее ты уже все видел и знаешь...

Бедные! Я никогда в жизни не встречал таких перепуганных людей. Теперь Адда и Равва с мольбой смотрели на меня. Я не стал их утешать — дорога была каждая секунда.

— Будьте дома и никуда не выходите, — приказал я. — Сейчас быстро заговорю особыми словами сырую воду и вы станете ее пить небольшими глотками через каждые десять минут, дожидаясь моего прихода, — говорил я, с сом-

нением рассматривая рисунок, который возник в результате раскладки карт.

Ничего хорошего они не сулили.

— Пойдешь к портному? — тихо спросила меня Адда.

— Да, навещу...

Я произвел необходимые действия над графином с водой и ушел, надеясь, что этим приемом смогу хоть как-то нейтрализовать последствия психической атаки, предпринятой портным в отношении Адды и Раввы. Захватив с собой «даму пик», я заторопился к дому, где жил обидчик.

В городе давно ходили слухи, что у нас проживает черный колдун и в свое время карты неоднократно указывали мне на этот факт, но я никогда не ставил перед собой цели выяснить адрес этого человека и, тем более ни разу не возникало желание пообщаться с ним. Но случай теперь поставил меня в эти условия.

Без особого труда я добрался до его дома, большого, с девяти окнами, стоявшем в глубине сада. На калитке находилась пластмассовая табличка и на ней было черной краской начертано:

«ПОРТНОЙ»
«Принимает заказы и шьет
дамскую одежду
круглосуточно и без выходных»

Я, не задумываясь, открыл калитку и вошел в дом, где меня встретила высокая дама в черном элегантном платье. Мне подумалось: «Такая жара, август, к чему это такое платье» Сервис?»

— Вы к Большу Кренановичу?

Я кивнул головой.

— Подождите, пожалуйста, его на этом стуле, а я пойду приглашу мастера. Это недолго...

Она выпорхнула в одну из дверей и скоро из нее вышел седой, с очень длинными волосами на голове, горбатый, полвижный, с резво шевелящимися пальцами на руках и проницательными, умными глазами, хозяин дома. Он, как и его жена, был одет в безукоризненно черную «тройку». Видно, этот траурный цвет господствовал здесь.

— Здравствуйте вам, — проговорил он участливым голосом, — желаете заказать любимой женщине платье? Рад буду услужить... — он наклонил набок седую голову.

— Нет, — несколько смутившись ответил я, поднимаясь со стула, — но желал бы с вами переговорить по одному чрезвычайно деликатному делу... — гнев и досада бередили мою душу.

Он озадаченно посмотрел на меня и зашевелил тонкими синими губами в размышлении.

— Отчего же, я не стану препятствовать диалогу со столь приятным человеком, — говорил он с улыбочкой, — пройдемте в мастерские. Там нам никто не помешает, — он жестом показал куда надо идти, деликатно пропуская меня вперед.

Я прошел в мастерские, оказавшимися светлой, очевидно, самой большой комнатой в доме. В ней находилось несколько швейных машин, утюжильная доска, пять или шесть манекенов, одетых в изысканные платья, стояло два стула и старенькая кушетка, на которую мы и уселись рядом.

Портной сразу сказал, что он сегодня беседует с первым клиентом и очень обрадован, что им оказался мужчина — это хорошая примета и она, несомненно, принесет ему удачу.

Выслушав его, я не стал напрасно тратить время и прямо сказал об истинной причине своего прихода к нему.

Хольм Кренанович очень удивился и повторил, что сегодня я — первый посторонний человек, с которым ему приходится беседовать, и я наверняка нечто напутал от жары, а Адде и Равве, которых он хорошо помнит и любит, помешалось, к чему так предрасположены все женщины мира. Что же касается платья Раввы, то оно готово еще с самого утра и она может забрать в любое, удобное для нее время, поскольку его небольшое предприятие работает, как видно из таблички, прикрепленной на калитке, круглые сутки. Увы произошло явное недоразумение и он очень сожалеет об этом. Заканчивая этот разговор, портной поднялся и закивал своей головой:

— Сожалею, но ничем, и это я говорю вам искренне, от всей души, не могу помочь...

Мне ничего не оставалось делать, как откланяться и уйти домой.

Настроение у меня было прескверное. Я не верил портному, но у меня не было ни единого факта, которым я мог припереть колдуна к стенке. В том, что горбун черный маг я уже ни секунды не сомневался. Вопрос для меня сейчас заключался в том, каким образом спасти от произведе-

го психического нападения Адду и Равву. И насколько серьезна та программа, которую он энергетически заложил в подкорки и их ядра моей дочери и ее подруге.

Придя к себе, я с горечью узнал от соседа, что примерно час назад Равве и Адде стало настолько плохо, что пришлось вызывать «неотложку» и отправить их в больницу. Он еще говорил что-то, но я уже не слушал его, ибо торопился к попавшим в беду девочкам.

К счастью, мне сразу удалось поймать такси и через десять минут я находился в храме целения, где в коридоре встретил свою жену. От нее я выяснил, что спустя примерно полчаса после моего ухода к портному, Адде и Равве стало настолько хорошо, что они уже смеялись и перестали пить заговоренную мной воду. Они вышли из дому встречать меня и, едва покинули пределы квартиры, как в ту же минуту потеряли сознание и привести их в чувство не удалось бригаде реаниматоров в течение двух часов. Она плакала и проклинала портного и его черные дела. У меня появилось желание насолить этой дряни. И я знал, как это сделать, хотя магия, которую исповедовал, запрещала на зло отвечать злом.

Пришли родители Раввы и мы вчетвером ждали исхода поединка между врачами и черным колдуном.

В полночь к нам вышла молоденькая женщина, заведующая реанимационным отделением и негромко сообщила печальную и горестную весть: наших любимых девочек уже нет более в живых... они погибли от неизвестного современной медицине недуга... пока неизвестного, поправилась она, но это не утешало...

Я не стану описывать процедуру скорбных похорон, минуты прощания с Аддой и Раввой, думаю, они, к сожалению, известны каждому читателю. Отмечу только то обстоятельство, что когда мою веселую, немного наивную Адду опускали в глубокую, отвратительную и мерзостную могилу, то я дал самому себе самую страшную присягу отомстить черному колдуну. Эту клятву я повторил на кладбище дважды: когда доченьку засыпали глиной, а затем землей и в тот момент, когда мы — жена, я, родственники, печальные и удрученные уходили, произнося в душах слова прощания. Между прочим, Адду и Равву похоронили рядом под тенью раскидистого клена.

Спите спокойно, мои дорогие...

Спите. Скоро, теперь думаю, очень скоро и я приду к вам...

После захода солнца, как это мне велели тринадцать черных карт, которые я одну за другой вытащил из колоды и разложил их слева направо, аккуратно слепил из цветного пластилина фигурку колдуна. Довольно высокую, примерно сантиметров тридцать. Голову сделал синей, горло голубым, бронхи, легкие, трахею, сердце — зелеными (их я поместил в то место, где они и должны находиться), желудочно-кишечный тракт — желтым (и тоже запрятал внутрь фигуры), мочеполовую систему — оранжевой, а сам скелет, мышцы — красными. Затем я осторожно оформил свое произведение в жесткий корпус — окунул на несколько секунд скульптуру в раствор алебастра и таким образом придал ей жесткость, после чего окрасил ее кровью зарезанного после девяти часов вечера петуха.

Часы показывали половину двенадцатого ночи. Осталось ждать еще полчаса.

Мне не было жалко черного колдуна. Напротив, мне не терпелось совершить, как мне представлялось, справедливое возмездие. Я знал, что за этот магический ритуал последует наказание и в мой адрес, но я надеялся на прощение. Что я успел сделать за свою жизнь? Предсказал судьбу, наверно, тысячи человекам, написал несколько книг, помо- ему, неплохих, в которых пытался утвердить в сознании читателя, задуренного официальной пропагандой материализма, о наличии другого мира, где обязательно продолжится бытие после смерти, посадил десяток деревьев. Вот, пожалуй, такой итог можно подвести за прожитые пятьдесят лет.

Вот и двенадцать.

Я взял булавку и с удовольствием вонзил ее острие в колчик статуи, представляя при этом, как корчится в муках колдуняра и в это время пронзительно зазвонил телефон. Я с неохотой поднял трубку.

— Алле, — слышался знакомый голос. — Это я, Хольм Кренанович... не кладите трубку, послушайте меня... я страдаю сейчас... очень... простите меня... простите... я сдаюсь...

Я с удовольствием выслушивал его стенания и унижения.

— Нет, портной, пощады не жди, — ответил я и добавил, — и легкой смерти тоже, и вонзил вторую булавку в то место, которое, примерно, на два пальца выше пупка и

представил, какие боли он сейчас испытывает в печени, поджелудочной железе, желудке, кишечнике.

Трубка телефона лежала рядом и мне было слышно, как портной кричал в нее:

— Прости... прости меня... я виноват перед тобой... но я не знал, что и тебе известны тайны магии... раскаиваюсь...

Я хохотал. Как это, однако, приятно знать, что твой смертельный недруг умирает... Боже, откуда это у меня? Или то дьявол руководит мной? Но месть, справедливая месть просто обязана иметь прописку в мире, чтоб, по крайней мере, другим было неповадно...

Избавь меня от мук... я никогда... слышишь, чудовище, даже я никогда не допускал подобного к своим жертвам... ты самый страшный монстр... я проклинаяю тебя...

— Ладно, проклятый колдун... пусть будет по-твоему... — и я воткнул самую длинную и острую булавку в то место, где у фигуры находилось сердце.

В телефонной трубке раздались хрипы и стоны. Портной уже не мог говорить. Но мне и без того было ясно: для него наступил конец. В живых моего врага уже нет.

Но, странное дело, я не чувствовал удовлетворения. Напротив, черная тяжесть появилась в моей груди, а в ногах и в руках были неприятные ощущения их противного похолодания. Появились рези и в кишечнике, чего у меня никогда не было.

Усталый и разочарованный, я улегся на диване, жену будить не стал. Слишком она, бедная, намаялась за эти дни. Однако сон не шел ко мне. Мне чудилось, что портной находится в комнате и наблюдает за мной своими большими пронзительными глазами. Я поднялся и включил свет.

И — о ужас!

На столе, где стояла с тремя воткнутыми булавками миниатюрная магическая скульптура портного, ее там не было... зато на ее месте находилось большое пятно алой крови... от нее поднимался пар... Пошатываясь, я вышел на кухню, взял половую тряпку и вытер ею кровь, но она, как только отнял ветошь, вновь появилась. Я только и занимался всю ночь тем, что отжимал тряпку, впитывающую со стола кровь и снова, как губкой, напityвал ее... Утро застало меня за этой ужасной работой. Я был как в угаре, чаду, дурмане, хмелю, опьянении.

Наконец, мне надоело это занятие и подумалось, что если я навещу колдуна, пусть мертвого, на дому, то этот кошмар исчезнет.

Я вымылся, но руки мои не отмывались ни мылом, ни спиртом. Красная краска никак не желала с них сходить. Совершенно расстроенный, я надел на руки легкие рукавицы и отправился к дому портного. Когда я уходил моя жена продолжала спать.

Передвигался я с большим трудом. У меня болела каждая косточка и мышца, и только мое умение снимать боль немного уменьшало страдания, но они росли с каждой минутой. Однако я надеялся на чудо—черный колдун поможет мне.., ведь я помог ему умереть по его просьбе быстро... он же и десяти минут не страдал физически...

Уже возле дома обидчика я понял, что мои магические манипуляции удалась. У калитки стояла группа стариков и старух и они негромко говорили между собой о странной смерти Хольма Кренановича. Она наступила сразу после полуночи во время разговора по телефону с неким абонентом, по всей вероятности, с заказчицей...

Неведомая сила заставила меня войти в дом. Это верно говорят, что преступника тянет к месту совершенного им тяжкого преступления. Было такое ощущение, словно нечто, теплое и упругое, толкает меня в затылок.

Покойник лежал на кушетке, на которой мы вчера вели беседу, одетый в нижнюю сорочку, строгий и величавый. Его желтое лицо выражало злобу и ненависть. Я мысленно произнес: «Прости меня, а я тебя прощаю!» — и собрался было уходить, как вдруг услышал скрипучий противный голос:

— Любуешься?

Я оглянулся. Никого, кроме нас двоих, в комнате не было. К моему ужасу портной уже не лежал! Он твердо стоял на ногах и протянув вперед руки, нетвердыми шагами пошел на меня, и я обратил внимание, что глаза у него были закрыты, он не видел меня!

— Стой! Стой, мой убийца, — скалил он зубы в страшной усмешке мертвеца. — Кому говорю: стой!

Я не выдержал испытания и, собрав свои силы, невзирая на сильнейшую боль во всем своем теле, выбежал из дома, на ходу срывая с рук перчатки, — в эти минуты мне казалось, что они были раскаленными, настолько сильно жгли мне пальцы и ладони. Ужас наполнял мою душу. Я про-

ПРОДЕЛКИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Однажды выезжал я на легковой машине за город. Рядом со мной сидело самое очаровательное существо в мире по имени Еночка. Она была прекрасна, как восход в солнечный день, и нежна, словно ветерок в полуденную жару.

Было воскресенье, а у нас обоих — выходной. На душе царствовали радость и приятный покой, а в теле — нежность. Я предвкушал несколько часов уединения с любимой девушкой на лесной полянке, которую обступают сосны-великаны и густой малинник, заросший целебной крапивой-травой. У нас на заднем сидении машины лежали шашлычница, дюжина шампуров, килограмм великолепной баранины, приобретенной вчера на рынке, не говоря о таких пустяках как лук, уксус, специи. Самой собой разумеется, что с собой имелись апельсиновые напитки, консервы, хлеб и еще кое-что для вкусного и сытного обеда.

Еночка считалась моей невестой, но фактически она была уже женой — до официальной регистрации брака оставалось ровно две недели.

Как-то сам по себе завязался неторопливый разговор. Вначале о НЛО, а затем он перекинулся на различные странности, не поддающиеся никакому объяснению с позиций здоровой логики.

Ну, например, такой случай.

Со мной работает в отделе один человек, который кончиками пальцев своих ног различает различные цвета. Всю гамму. Причем, без всякого розыгрыша. Сам видел. Ему завязывали глаза, предлагали удобнее усестся на стул и поставить ноги без обуви и носков под сиденье, а сзади него мы подсовывали под ступни листы цветной бумаги и разноцветные ткани. А тот уникум всего через пять или шесть секунд уверенно указывал какого именно цвета под ногами находится экспериментируемый материал. Мало того, мы провели и такой опыт: рисовали различные фигуры — в

основном треугольники, квадраты и трапеции. И что же? Он все их распознавал быстро и четко, ни разу не ошибаясь. О нем и газеты писали, и по телевизору демонстрировали его экстрасенсорные способности. Но вот серьезные ученые, несмотря на то, что такие были в нашем НИИ, им не интересовались.

Или такой случай Еночка поведала.

Когда она была еще школьницей, то к ним в школу приезжали с концертом певица и пианист от местной филармонии. Зрелище было скучным и неинтересным. Ученики потихоньку начали покидать актовый зал, где проходило выступление артистов. И Еночка также собиралась улизнуть, пользуясь тем, что ее классный руководитель вышел в туалет, как на сцене вдруг началось нечто невообразимое: сама по себе внезапно захлопнулась крышка черного пианино. Музыкант, думая, что произошло нелепое недоразумение, открыл ее и продолжил исполнять быструю пьесу. Но не успел он сыграть и десятка аккордов, как крышка вновь захлопнулась и пребольно ударила пианиста по ладоням. Тот громко охнул от неожиданного пассажа и вопросительно посмотрел в зрительный зал — может, кто из балбесов-учеников подстроил все это? Затем он начал подергиваться, словно его некто тряс за шиворот фрака. Ученики и учителя подумали тогда, что они видели запланированный пантомимический музыкальный номер и весело зааплодировали. Но далее произошла совершенно безобразная сцена. Пианист поднялся, сопротивляясь от нападения невидимки, и сделал боксирующее движение, однако, надо было полагать, он сразу получил сильнейший ответный удар в лицо. Он был настолько силен, что разбил артисту губы в кровь и он выплюнул на пол несколько выбитых зубов. Начался переполох. Но возникший столь неожиданно инцидент сам по себе прекратился и вздрагивающего, перепуганного исполнителя музыкальных пьес и впавшую в истерику певицу филармонии учителя увели в ожидавшую их во дворе школы машину. Преподаватель физики немедленно объяснил нам этот казус как проделки полтергейста. И я был согласен с такой экспертизой случая.

Еночка припомнила еще один эпизод, который в свое время рассказывала ее мама.

Такой.

Однажды, когда Еночкина мама была еще не мама, а обычной девушкой, учившейся в профессионально-техниче-

ском училище на повара, их группу направили в один из совхозов на уборку картофеля. И тогда в деревне произошло очень странное и необъяснимое происшествие — начали сами по себе загораться деревянные дома в определенной закономерности, которая была установлена на следующий день. Горели только те строения, которые имели в своих номерах сумму «13» — 58, 49, 58, 67, 76. Правда, возгорания были как бы шутейные, организованные понарошке, в присутствии хозяев, чтобы пламя можно было быстро и без особого ущерба погасить. Но самое неординарное в этих эпизодах было то, что дома начали загораться в одно и то же время. В жилищах, имеющих также в сумме номеров «13», пламя начинающихся пожаров не коснулось их в то время, когда хозяев не было дома, но зато, как только в домах они начали появляться, пожары сразу дали о себе знать и затем позволили очень легко себя погасить. Как объяснить это событие?

И в этом случае мы с Еночкой пришли к выводу, что происшествия были вызваны также полтергейстом.

И я восстановил в памяти похожий случай. Но в нем главным действующим лицом был не огонь, а как раз-таки наоборот — вода.

Лет пять или шесть назад на всех дверях дома, в котором я проживал, появились объявления домоуправления, отпечатанные на машинке. Они извещали жильцов о том, что такого-то числа будет отключена вода в связи с планируемым ремонтом. Поэтому всем предлагалось запастись ею впрок на сутки, что и было выполнено всеми. Но вот произошло далее удивительное событие: в момент отключения воды у всех ста семей, проживающих в нашем доме, невесть куда подевалась вода, заготовленная в ваннах, кастрюлях, ведрах, бидонах, графинах, чайниках, банках и прочих емкостях. Причем, даже тогда, когда сантехники, вроде бы, и отремонтировали водопровод, то все равно он не функционировал еще ровно двенадцать суток. Итого без воды наша пятиэтажка простояла тринадцать дней и ночей.

Мистика, да и только!

Более мы не успели ничего рассказать друг другу из этой серии, поскольку приехали в лес, на то самое место, где мы уже были в прошлое воскресенье.

Прекрасный уголок! Тихо и торжественно стоят деревья.

Распевает свою замысловатую песню певчий дрозд, спрятанный в верхушке сосны, и эпизодически подает специфический голос нежная иволга. Воздух, настоящий на хвое, вызывает самые приятные душевные чувства и вообще быть один на один в лесу с любимым человеком замечательно. Лучшего в жизни и быть не может!

Мы не спеша вылезли из машины и я поторопился к недалекому юркому ручью, где еще с весны лежали большие кучи хвороста, так нужного для костра, на котором я намеревался приготовить шашлыки. Однако едва я отошел от стоянки не более ста метров, как внезапно услышал звуки запускающегося двигателя легкового автомобиля, очень похожего на мой «Москвич». Я решил отложить свой поход к ручью и посмотреть в чем дело торопливыми шагами вернулся на место, где я припарковал машину.

Поляна довольно приличная — около четверти гектара. Для непосвященных поясню — это земельный участок диаметром примерно в 35 метров, на нем росли во множестве ромашки, колокольчики, коровяк, тысячелистник, анис. Там-сям над цветами порхали белые и желтые бабочки.

Так вот на этом участке моя машина, умело маневрируя, ехала задом на малой скорости, но самое поразительно было то, что в ней никого не было!

Мало того: наглый автомобиль наезжал прямо на Еночку, которая громко и отчаянно кричала: «Ты что, очумел! Да перестань же!» — и махала руками, увертываясь от машины.

Я, как вкопанный (удачное сравнение!), стоял на месте возле куста малины, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, да и сказать также ничего не мог — неведомая сила сковала меня, превратив в своеобразную скульптуру. По мне ползали и кусали тело черные и рыжие муравьи, не обделяли вниманием мои лицо и руки комары, пользуясь удобным для них случаем, а я только молча бесился от недоумения и злобы, с ненавистью наблюдая за всбесившимся «Москвичом».

Он, рыча, продолжал наступать на Еночку, не позволяя ей убежать, оттесняя девушку к центру поляны, и так ловко получалась езда у сумасшедшего агрегата, что такому виртуозному умению управлять машиной позавидовал бы мастер самого высокого класса. Но вот распахнулась левая дверца и в Еночку сами по себе полетели чередой: шашлычница, шампура, мясо, бутылки с напитками, консервы,

хлеб — все то, что я так заботливо приобретал в течение недели. Эти самовыщвыривания сопровождались радостным смехом, раздававшимся из моей машины. Я еще раз обращаю внимание читателя на то обстоятельство, очень странное и неестественное, что в кузове машины никого не было.

Наконец «Москвич» особыми хитроумными маневрами заставил Еночку выйти на центр поляны. Моя любовь и надежда уже ничего не говорила. Она, словно находясь под гипнозом, выполняла все, что считала нужным машина. Девушка стояла, закрыв руками свое прекрасное лицо и молчала, а вокруг нее кружила и кружила взбеленившаяся куча металла и пластмассы.

Но вот она, несколько раз чихнув выхлопными газами, нервно встрепенулась и остановилась. Образовавшуюся тишину нарушил противный фальцет:

— Хи-хи-хи! Хи-хи! Хи... — и вновь пели свои песни дрозд и иволга.

Оцепенение покинуло меня и я, пошатываясь, подошел к Еночке, которая продолжала закрывать лицо руками. От нее пахло бензином и гарью.

— Еночка! — нежно сказал я и хотел было взять ее за полные руки, которые так сладостно умели обнимать меня за шею и плечи, — любимая!

— Мерзавец! Подлец! — гневно ответила невеста и я в ту же секунду ощутил на своей щеке, искусанной комарами и муравьями, пощечину. — Видеть тебя более не желаю, — в гневе выкрикнула она и побежала в сторону дороги.

Я бросился за ней, понимая справедливость ее поступка — молодой крепкий мужчина, кандидат в мастера по боксу в полутяжелой весовой категории не сумел защитить свою даму сердца. Я собирался все-все искренне объяснить ей и попросить прощения. Однако нашему диалогу состояться было не суждено — Еночка быстренько выскочила на шоссе и ее сразу подобрала легковая машина, следовавшая в сторону города.

Обескураженный и чертовски злой, я вернулся обратно. Собрал продукты, теша себя мыслями о том, что вечером Еночка и я станем смеяться над происшествием на лесной полянке и только собрался было ехать, как к досаде обнаружил, что в баке машины нет ни грамма бензина.

Я не стану описывать, как с пустым ведром почти до захода солнца, с грустным и удрученным видом выпрашивал у проезжавших мимо счастливицков несколько литров

топлива, чтобы добраться к себе домой, и как приехал в город только вечером.

Малоинтересное занятие сообщать читателю о моих бесчисленных унижительных попытках помириться с Еночкой, не желающей совершенно со мной говорить ни на какие темы. Она не выслушала ни одного моего довода и очень скоро после того злосчастного случая вышла замуж за своего бывшего одноклассника Алерия, который был влюблен в нее еще с детского сада.

На этой грустной ноте можно было бы поставить окончательную точку и прекратить рассказ о проделках нечистой силы, если бы в конце концов не выяснилось еще одно крайне удивительное и поразительное обстоятельство.

Сейчас поведаю о нем.

С того дня, как Еночка навсегда оставила меня, прошло тринадцать лет. Я обзавелся семьей и жил, как и живут миллионы семей — и не хорошо и не плохо, с каждым годом вспоминая о Еночке все реже и реже. Свою машину я продал в следующее воскресенье и с тех пор более никогда не садился за руль. Ее поведение я объяснил для себя так: в результате рассказов моих и Еночки образовалась концентрация низких биоэнергетических полей, они и реализовали себя в подобном эпизоде.

Так вот о Еночке.

Все же я с ней встретился. И разговорились. О том, о сем повели мы свой безликий диалог и я, все же не утерпев, рассказал ей о своем как бы окаменении возле куста малины.

Она внимательно посмотрела мне в глаза и сказала:

— Поклянись, что ты мне говоришь правду...

Что ж, стыдно в этом признаться, но я в ту минуту поклялся самой страшной клятвой, на которую я был тогда способен. Еночка, не мигая, смотрела на меня и наконец произнесла:

— А знаешь, ведь за рулем «Москвича», наезжающего на меня задом, я видела тебя! Лицо желтое, глаза блестят — и идиотский, радостный смех... а с каким наслаждением ты швырял в меня продукты...

Я все понял и сказал:

— Все равно прости меня...

— Прощаю, — и она поцеловала меня в щеку.

Мы договорились с ней о встрече на квартире моего друга-холостяка в то время, когда он будет находиться на работе.

Ну, а рассказывать, чем занимаются мужчина и женщина, которые едва не стали мужем и женой, наедине в однокомнатной квартире, думаю, не стоит.
И так все понятно.

ВУРДУЛАК

Однажды... никак не могу отделаться от этого назойливого слова, наилучшего, на мой взгляд, чтобы читатель обратил внимание на начало повествования и продолжил чтение, понимая, что за этим многозначительным наречием может последовать любопытный сюжет.

Так вот, однажды мне довелось проводить свой отпуск в одном из санаториев. Жить две недели в храме отдыха и свободной любви предполагалось в небольшой комнате совместно с продавцом мясного отдела коммерческого магазина.

В первый день знакомства мы, как водится в домах отдыха и пансионатах, в честь знакомства слегка выпили, закусили помидорами, вареными яйцами, соленым салом и банкой рыбных консервов, оказавшихся в наших чемоданах, и разговор в такой дружеской и доверительной обстановке сам по себе перешел незаметно на такие трепетные и неясные темы как человеческая душа, пророчества, ясновидение, гипноз и иные темы, характерные для ставшей за последнее время модной парапсихологии.

За беседой незаметно подступила полночь. Надобно отметить, что приехали мы в санаторий «Сосновый бор» уже поздним вечером, поэтому и ужинать нам довелось в тех условиях, о которых читателю уже известно. Только было я собрался поведать своему новому знакомому одну таинственную историю, случившуюся со мной в детстве, на подобие той, которую ныне относят к разрядам баек о НЛО как в коридоре внезапно послышался тревожный вой маленькой собачонки, которую привезла с собой одна пожилая дама, поселившаяся как раз напротив нашего номера. Она приехала вместе с моим соседом и он пояснил мне, что они познакомились в поезде и что, возможно, могут завязаться близкие приятельские отношения.

— Не к добру это, — значительно произнес мой сосед и посмотрел мне в глаза, желая, видно, получить поддержку в своем зловещем предположении.

Совершенно упустил из вида представить своего, если так можно выразиться, сожителя. Его звали Снова и в этом году он отметил свое сорокалетие. Ростом он был высок, хорошо сложен, носил бакенбарды и небольшую изящную бородку, которую он подкрашивал басмой, из чего читатель легко сможет сделать вывод, что мой собеседник был брюнет. Он широко и красиво улыбался, демонстрируя пять или шесть довольно крупных зубов, обрамленных золотыми коронками. Одет Снова на момент нашего диалога был в голубой шерстяной спортивный костюм, а приехал он также в спортивном костюме, но только коричневого цвета и пояснил мне, что с молодости занимается штангой и не оставил это доброе и полезное дело и по сей день.

Теперь я расскажу немного о себе. Мне было на два года больше, чем Снову. По профессии биолог, работал в одном сельскохозяйственном институте по специальности, обучая студентов этой науке. Но поскольку мой курс начинался со второго семестра, то заведующий кафедрой разрешил мне отсутствовать на службе, тем более, что путевка досталась бесплатно — ею наградили за мою небольшую научную работу по безусловным рефлексам у свиноматок в период вскармливания ими помета поросят. Вообще-то мне причиталась денежная премия, но из-за отсутствия у института финансов профком выдал путевку в дом отдыха.

— Кто его знает, — уклончиво ответил я, — для одних добро таковым и является, но для иных оно становится злом.

— Как это так? — иронически поинтересовался Снова, — разве может такое быть?

— Может, — убедительно и авторитетно ответил я, любясь собой. — обязательно может! Слушай. Такой элементарный пример. Замужняя женщина имеет любовника. Для нее это добро или зло? Естественно, считает она, что иметь любимого мужчину очень хорошо и полезно для здоровья. А каково ее мужу? Если он ничего не ведает о шашнях супруги, то в этом случае для него измена также добро — нервы целехоньки, а женщина, чувствуя вину перед ним и пытаясь неосознанно ее загладить, улучшает моральный и психологический климат в семье, одновременно совершенствуя свой эротический опыт, что тоже немаловажно для

брачных отношений. Теперь представь: информация о наличии любовника у его жены станет известна обманутому главе семьи и в этой позиции очень может случиться, что нежелательные знания обернутся для него трагедией, то есть злом, в нашем понимании этого слова.

Снова задумался на секунду, нахмурил лоб, почесал затылок и сказал:

— Возможно, ты и прав (в местах отдыха люди очень быстро переходят на «ты»), давай-ка выпьем по последней и будем укладываться на боковую. Годится такое предложение?

— Идет, — согласился я.

Мы выпили по четверти стакана теплой водки, вяло закусили свежими помидорами (был сентябрь), наскоро убрали со стола остатки еды и начали разбирать постели для ночного отдыха.

Что касается меня, то, не скрою, чрезвычайно люблю девственность белой простыни, наволочки и пододеяльника — от них веет свежестью, приятным покоем, невинностью и до безумия сладостен миг, когда тело касается чистого постельного белья. Едва я начал снимать с себя рубашку, предвкушая приятное общение с постелью, как вновь завывала собака и сразу же послышался сердитый и обескураженный голос ее владелицы:

— Цыц! Успокойся!

Пес исполнил приказ.

— Не нравится мне эта собачья тризна, — угрюмо промолвил Снова, снимая с себя трусы и майку, но заметив мое недоумение по поводу своего раздевания, добавил, неловко ухмыляясь, — привык спать в чем мать родила. Очень полезно. Хоть несколько часов в сутки тело будет свободным и находиться почти в идеальных условиях для нормального отдыха.

— Пожалуй, — согласился я, но последовать его примеру не пожелал — уж слишком был консервативен в вопросах быта.

Сон наваливался на меня так быстро, что я едва успел снять с себя верхнюю одежду и попросить соседа, чтобы тот погасил свет. Дорога, новая обстановка, сто пятьдесят граммов водки вызвали из глубин моего уставшего мозга сон, который победил меня без всяких предварительных условий.

Проснулся я от того, что Снова резко тормозил меня за левое плечо и быстро говорил:

— Просыпайся и вставай! ЧП!

— Как это так? — проговорил я спросонья, потягиваясь и зевая.

— Чрезвычайное происшествие. Внезапно ночью умерла наша соседка. Та, что с комнатной собачкой. Поднимайся, мы соседи, нужно хоть на пару секунд посмотреть...

Я не больно охоч до подобных зрелищ, но, понимая, что это обычная дань уважения к почившему человеку, имеющая определенную смысловую нагрузку, поднялся, наскоро побрился, оделся и вместе со Сновой мы прошли в номер напротив нашего. Соседку уже укладывали на носилки, оформленные в виде бесшумной тележки на резиновом ходу, и мы лишь видели контуры застывшего тела, обозначенные белой простыней. Ее собачку породы пекинес держала на руках ее взрослая дочка, а пожилой мужчина, надо полагать, супруг усопшей, печально сутулясь, стоял у распахнутой двери и вытирал клетчатым носовым платком свое узкое морщинистое лицо. Через минуту два молодых крепких санитара транспортировали тело мертвой по коридору и спустя десяток секунд они стояли у лифта и загружали его своей страшной тарой. Некоторые отдыхающие бросились к широкому окну с тем, чтобы проследить, как покойницу перенесут в санитарную машину и выяснить поедет ли ее муж с ними или же он с дочерью и собакой отправятся за ней на легковой машине, стоявшей рядом со входом в дом отдыха.

Снова и я возвратились к себе в номер и, не сговариваясь, достали из холодильника (стоял в номере) недопитую со вчерашнего вечера водку, разлили ее по стаканам, чокнулись по европейскому обычаю, выпили, кривясь и морщась напиток, закусив его ломтиком хлеба с салом и отправились в столовую на завтрак.

Весь день мы изучали дом отдыха, затем я ушел в свой номер почитать свежие газеты, а Снова, как выяснилось, не терял времени даром — познакомился с одной особой, о которой я расскажу немного ниже.

Наступил вечер.

И, как и вчера, независимо от нашего желания, образовался разговор между мной и Сновой о нечистой силе, белой магии, знахарях, колдунах, целителях. Я вспомнил примечательный эпизод из своей жизни, когда пришлось обратиться к одной деревенской бабке-шептухе, чтобы та изба-

вила меня от многих бородавок на правой руке, и только было собрался поведать эту историю в качестве иллюстрации в пользу практического применения оккультных наук, как с улицы, как раз под нашим окном, послышался тревожный, протяжный вой пса.

— Не к добру, — прокомментировал собачьи рыдания Снова и закрыл распахнутое настежь окно — мы перед сном проветривали свое незамысловатое жилище.

В ответ я пожал недоуменно плечами.

— Может и так...

Внезапно мне сильно захотелось лечь спать и я решил сегодня не рассказывать об эпизоде вышептывания в полнолуние, после захода солнца бородавок и отложил это повествование на завтра.

Снова, глядя на мои внезапные поспешные приготовления ко сну, произнес:

— Пожалуй, ты, старик, прав — пора и на боковую. К тому же нужно всегда следовать мудрому народному правилу, которое мы часто игнорируем: «Утро вечера мудренее».

В моей жизни случались архисложные ситуации, когда я, чертовски устав, укладывался в постель в течение одной — двух минут и засыпал практически мгновенно — едва голова касалась подушки. И именно такое чувство усталости обрушилось на меня в этот вечер. Я ничего не успел ответить Снову; заснул мертвецким сном, который начисто отсекает человека от реального внешнего мира.

Проснулся я так же внезапно, как и уснул. В номере было довольно темно. Я посмотрел на наручные часы, которые никогда не снимаю, разве, что в бане. Они у меня со светящимся циферблатом и показывают три часа ночи. Интересно, с чего бы это пробуждение? Может, что-нибудь съел в обед или на ужин и недоброкачественный продукт вызвал у меня такой необычный синдром скорого засыпания и столь же незапланированного пробуждения, и в этом случае сон явился своеобразной формой защиты моего организма от грядущих неприятностей? Постепенно мои глаза привыкли к темноте и я уже неплохо различал контуры стоявших в номере предметов. Но вот... хм... кровать моего соседа была пуста... это открытие неприятно поразило меня и я вначале подумал, что Снова находится в туалете. Но нет, свет из дверной щели этой специфической комнатенки не проникал и поэтому мне пришла в голову мысль, что

любитель упражнений со штангой ушел на тайное свидание к женщине, о которой он мне говорил и возлагал на нее определенные надежды, связанные с интимом. Я пролежал еще так минут пятнадцать и незаметно уснул.

Пробудился в прекрасном настроении. Быстренько соскочил на пол, удачно попав обеими ногами в удобные теплые домашние комнатные тапочки и... гм... Снова в номере не было, но, видно, он появлялся, поскольку его кровать была аккуратно застлана.

«Возможно мой сосед развлекается с дамой?» — с завистью подумал я и начал заниматься такими будничными делами как бритье, умывание, чистка зубов и прочие неинтересные вещи, что являются обязательными для всякого цивилизованного человека.

В столовой Снова я не увидел и этот факт меня удивил. Позавтракав пшенной кашей с биточками и стаканом кипяченого молока с кусочком белого хлеба, я вышел в холл и начал искать своего соседа. Довольно скоро обнаружил его возле большого аквариума в обществе пышной высокой женщины, глядевшую не на декоративных рыбок величественно резвящихся в воде, великодушно разрешая лицезреть на себя отдыхающим, а на Снова. Он заметил меня, весело улыбнулся, приветливо кивнул головой и произнес:

— Рекомендую своего сотоварища по активному отдыху Гляда, биолога и знатока актуальных проблем парапсихологии, — представил он меня своей спутнице.

— Весьма приятно познакомиться, — приветливо произнесла она низким голосом, — меня зовут Рилла, — и протянула руку с дорогим браслетом.

Я почтительно пожал ее и поцеловал под одобрительным взглядом Снова, который сказал:

— Риллочка, побудь, пожалуйста, секундочку одна. Я кое-что хочу сказать Гляду. Можно?

— Конечно, конечно, — закивала она головой. — Ради Бога...

Мы отошли в сторонку.

— А знаешь, старик, я не зря обращал твое внимание на собачий вой. Все же посетили неприятности кой-кого. Они навели несчастную Иллу...

— Это ту, с которой ты вчера познакомился?

— Увы...

— Что с ней?

— Внезапно, говорят, остановилось у нее, бедняжки, сердечко... рано утром увезли на вскрытие в морг... мне повезло. Ты же понимаешь, что могли бы на меня подумать, если бы к ней отправился ночевать? А такая возможность была. Возможно и пошел бы к Илле, как и договаривались, после двух ночи, но я так сильно намаялся за день, что проспал всю ночь, как убитый. Утром, правда, проснулся рано. Разыскал спортивную дорожку, физзарядочкой занялся, с Риллой познакомился...

— Так ты всю ночь не выходил из номера? — с надеждой спросил я его, думая, что ослышался.

— Конечно... сразу же за тобой и уснул. Проснулся около шести, ты еще продолжал спать и я пожалел тебя будить.. врал Снова, кося правым глазом в сторону Риллы.

М-м-м-м-м... а, может, он не лгал, а это я видел сон такой, который воспринял за явь. Да, так оно скорее всего и было. Я немного успокоился, пожелал Снову успехов на любовном поприще, а сам отправился прогуляться по сосновому бору, прозрачному и молодому.

Среди отдыхающих только и разговоров было об умершей Илле, нестарой женщине. Она ни на что не жаловалась и никогда не болела. Поздним вечером, перед тем, как уснуть, сказала своей соседке по номеру, что не спится и предупредила ее, чтоб не ждала ее и укладывалась спать сама, поскольку по плану у отдыхающей должно быть секретное свидание с мужчиной. Она ушла и не вернулась. Теперь в доме отдыха находится сотрудник уголовного розыска и усиленно ищет человека, к которому Илла торопилась на свидание после официального отбоя ко сну. Ему помогает и администрация, весьма смущенная двумя смертями. Конечно, кому теперь захочется ехать в эти места на отдых, зная, что здесь каждую ночь умирают без видимых причин отдыхающие.

М-м-м-м-м... гм... если Илла умерла, то причем здесь работник правоохранительных органов? Вывод напрашивается один: женщина не умерла от сердечного приступа, а ее убили...

За обеденным столом я рассказал об услышанном Снову, но тот несколько не удивился, ибо он знал значительно более моего. По его словам выходило, что Илла встречалась в беседке с человеком средних лет, довольно полной комплекции, розоволицым, имеющим приличное брюшко, высшее образование, любящим носить костюмы и галстуки неярких

расцветок. Говоря эти слова Снова пристально поглядывал на меня и подмигивал. Я сразу понял его — именно эти приметы были присущи мне. Немолод, толстый и, что здесь скрывать — любил носить костюмы и галстуки, не говоря уже о том, что и образование у меня было университетское. Однако, успокоил меня Снова, мне переживать и бояться нечего и некого, поскольку он, как настоящий и верный во всех отношениях друг и товарищ, под самой пристрастной присягой готов подтвердить факт моего глубокого сновидения в ту ночь, с семнадцатого на восемнадцатое сентября. Мало того, час тому назад он уже успел дать официальные показания по этому поводу сотруднику уголовного розыска, который интересовался моей персоной.

Нечего и говорить, что после этих сообщений у меня настроение моментально портится и я начинаю подумывать над тем, чтобы досрочно уехать из дома отдыха, тем более, что работы дома у меня непочатый край и если бы не бесплатная путевка и волеизлияние моего шефа, то, конечно, не поехал бы сюда. Но, видно, небесам было угодно, чтобы я прошел и через это неприятное испытание.

Весь день я в раздумьях слонялся по территории дома отдыха, и различные нехорошие мысли начали посещать мою голову: а если информация, которую передал мне Снова, дойдет до моих коллег, жены? То как стану оправдываться? И вообще, что за человек, с которым я живу в номере? Почему он быстро знакомится с женщинами и потом они странным образом умирают? К исходу дня мной было принято решение: оставить дом отдыха и возвратиться домой. Я позвонил по телефону Маге, супруге, и проинформировал ее о том, что завтра к полудню она уже будет общаться с моей персоной, поскольку, пояснил я, мне здесь тоскливо, скучно, невкусно кормят и вообще без Маги плохо. Жена очень обрадовалась и ответила мне теми же словами — ей без меня неуютно, совершенно замучала за эти два дня бессонница и она постоянно думает обо мне и очень сожалеет о моем отсутствии. И вообще негоже одному, без жены, быть в доме отдыха. Я с ней немедленно согласился.

Полужинав, я поднялся к себе в номер, намереваясь почитать одну приключенческую книжонку, но прибежал Снова, очень удивился, что столь импозантный мужчина до этого времени не находится в обществе прекрасной дамы и сказал, что его Рилла проживает с одной очень привлекательной женщиной и, если я пожелаю то она может придти ко мне в

номер, а он останется с Риллой в ее. Но можно и наоборот. Как скажу так и будет. Снова уже с ними все вопросы решил и знакомая Риллы буквально сгорает от любви ко мне.

Нет, нет, что вы! И не думайте, что я мужчина строгих правил, верный супруг и совершенно не интересуюсь женщинами. Отнюдь! Но у меня в городе осталась зеленоглазая возлюбленная. Умница, красавица и в мои планы не входила измена ей, тем более с особой, которую я даже не видел ни разу.

Я вежливо отказался, сославшись на нездоровье, пожелал ему приятного и полезного времяпрепровождения и попросил передать соседке Риллы мои сожаления о невозможности близкого общения.

И в этот момент под окном раздался долгий вой собаки. Она яростно печалилась и ее грустный плач встревожил меня еще больше. Снова перестал рассматривать свои ногти и произнес, уже ставшую коронной, фразу:

— Не к добру...

На этот раз я согласился. И вдруг...

Однако, прежде, чем я добросовестно опишу то, что внезапно обнаружил, отчего у меня закружилась голова и заложило в затылке, отмечу такую деталь. В нашем номере стояло довольно большое трюмо с прекрасным зеркалом. Я лежал на спине таким образом, что оно находилось напротив меня и, следуя здравому смыслу, стоящий перед ним человек обязательно должен бы отражаться в стекле. Однако этого простейшего физического процесса не наблюдалось! Я даже приподнялся с кровати и, как бы невзначай, посмотрел пристально в зеркало. Фигуры Снова в нем я не увидел... Сомнений быть не могло: передо мной стоял представитель той сверхъестественной силы, которой, как утверждали учителя в школе и лекторы в университете, в природе нет! У меня потемнело в глазах, а в затылке почувствовалось некое шевеление. Я прошел к умывальнику и смочил холодной водой лицо. Похоже, моего открытия Снова не заметил и рассказывал мне, что в таком случае он проведет ночь с Риллой на широкой скамейке возле пруда. Я знал это место и среди отдыхающих она почтительно именовалась как «скамейкой любви». Снова захватил с собой байковое одеяло и ушел.

Странное чувство овладело мною. Интуитивно я начал понимать, что мой сосед как-то связан со смертями двух

женщин и теперь очередь за Риллой! То-то и собака выла, чувствовала, следовательно, эти моменты.

Понимая разумом, что совершаю нечто роковое, трагическое, но не в силах совладать с собой, я оделся и заспешил к пруду. Мне хотелось во что бы то ни стало раскрыть тайну Снова.

Теперь представьте: лунная ночь, ни единого шороха. Величественные, громадные, как призраки, тени, образованные соснами, пугали и настораживали и у меня уже было возникло желание пресечь свое намерение, доложить дежурному администратору о своих подозрениях, затем рассказать о них работнику милиции, который остался ночевать в доме отдыха, и вместе проверить правильность либо абсурдность моих догадок.

Но бес любопытства толкал вперед и я, с часто бьющимся сердцем, медленно шел к пруду, где охотно клевали на червя мелкие окуньки, плотвички и серебристые карасики величиной с ладонь ребенка. Скоро я заметил два силуэта — мужчины и женщины и немедленно узнал в них Снова и Риллу. Они тихо говорили между собой, но все равно до моих ушей доносилось каждое слово и я отчетливо слышал этот диалог.

Не стану его перерассказывать, ибо он наверняка известен каждому читателю — обычный треп мужчины, желающего добиться расположения к себе женщины и ее деланное восхищение его умом, талантом, пониманием жизни. Концерт, если разобраться, — да и только!

И вот Снова перестал говорить ей о том, как у него кружится голова, когда он находится возле Риллы и... я никак не мог поверить своим глазам... ужас сковал мои члены по-скольку я увидел...

Когда мне было четырнадцать лет или около этого, мальчишки нашего двора увлекались, как и все подростки, мистикой. Вероятно, этому возрасту присуще такое состояние души, которая тянется к таинственному и непознанному. То кто-то из нас видел самостоятельно передвигающуюся в подъезде руку, которая напала на нищенку и чуть не придушила ее; кто-то слышал о ведьме, насылающей за определенный гонорар «порчу», «сглаз»; то в таком-то дальнем селе живет вампир — личность очень таинственная и крайне агрессивная, в нашем понимании мертвец, поднимающийся из могилы и пьющий человеческую кровь по ночам, которого мы иногда называли вурдулаком, но в отличие от вампира он

может находиться в человеческом обличи столько, сколько разрешает ему его хозяин — дьявол, а затем он возвращается в свою могилу навечно. Если я допускал, что произвести психическую атаку в виде «порчи» или «сглаза» вполне реально, нападающая рука в моей интерпретации — это сгусток особой материи, блуждающий в вихре энергетических полей и вызывающий у впечатлительных лиц видение конечности, то мертвец, выходящий из могилы, чтобы напиться теплой крови облюбованной жертвы, у меня вызывал чувства несуразности и абсолютного неверия. Как ему выбраться из-под полутораметрового слоя глины и земли, заколоченного большими гвоздями гроба? Пить кровь? Зачем? С какой целью? И как это возможно осуществить практически, если у покойника начали разлагаться мышцы, скелет? Ерунда на прованском масле!

А теперь...

Лунный свет, яркий и торжественный, освещал землю так хорошо, будто светило солнце. В этом чудном свете видны были травинки, листочки кустов, хвоинки сосен — они, будто вычеканенные из серебра, в недоумении наблюдали вместе со мной, как Снова целовал Риллу так страстно и крепко, что, увлекшись, он прокусил ей сонную артерию и женщина моментально впала в оцепенение. Она тихонько стонала, как бы в сладострастии, а мой сосед пил-пил-пил ее кровь, иногда отрываясь от шеи Риллы, и тогда я видел, как он облизывал в возбуждении своим длинным люминисцирующим противным языком окровавленные губы, рукой вытирая шею и вновь прикладывался к фонтанирующей кровью артерии глупышки Риллы, негромко урча, словно собака, торопящаяся побыстрее съесть свой ужин. Я не выдержал и, преодолевая необыкновенный страх, все же нашел в себе силы и прокричал, что было мочи:

— Ты что это делаешь!?

Но крик мой получился слабый — чуть слышный шепот сорвался с моих холодных губ, но его услышали.

— А-а-а-а... это ты? — прохрипел Снова, поднимаясь со скамейки и улыбнулся, размазывая по всему лицу кровь своей несчастной жертвы, — ну-ну... я же предупреждал тебя, что не к добру собака воет, а ты...

Рилла, как манекен, упала со скамейки на траву и не шевелилась. Вытянув вперед руки, сверкая глазами, в которых мне чудился дьявольский огонь. Снова медленно шел на меня. С его бороды капала кровь и она мне казалась сейчас

черной, как деготь, зубы вурдулака, обнаженные в зловещем оскале, ничего не имели общего с человеческими — то были клыки неведомого мне дикого зверя. Я, преодолевая сильнейшие спазмы мышц, возникших во всем теле, подняв правую руку (а ведь я всю свою сознательную жизнь относил себя с гордостью к отряду воинствующих атеистов!) и начал сотворять перед собой крест. Снова замер на месте и громко завыл:

— У-у-уу! У-у-у! У...

Внезапно послышался громкий стук, слышались многие мужские голоса и я... проснулся.

В дверь комнаты, где я спал, сильно и решительно барабанили и стучали:

— Откройте!

— Открывай немедленно!

— Сейчас выбьем дверь!

Я, плохо соображая, продолжая находиться под впечатлением своего невероятного сна, поднялся и отворил дверь.

В номер немедленно ворвалось несколько человек, а один из них громовым голосом приказал:

— Оденьтесь! — в нем я узнал сотрудника милиции, который интересуется причинами смерти отдыхающих.

Рядом с ним стоял Снова и противно улыбался.

Я одел брюки, достал с тремпеля бежевую сорочку и — о ужас! она была в свежей крови... и галстук...

— Откуда кровь? — вопрошал меня суровым голосом милиционер.

— Не знаю, — лепетал я в растерянности, — не знаю..

— Экспертиза покажет. У вас есть другая рубашка?

— Да...

— Надевайте ее и идите с нами.

— Куда?

— Куда-куда?! На Кудыкину гору! К пруду пойдем, на место происшествия, — спокойно говорил следователь.

Но нет, нет сил писать далее о том, как меня привели к водоему и возле «скамейки любви» я увидел бездыханную Риллу, лежащую на траве лицом вверх. Светало и, поверьте мне на слово, то было страшное, невыносимое зрелище... восковое лицо женщины было исцарапано, а в ее носу, ушах рту запеклись сгустки черной крови...

В общем так: мне настойчиво и уверенно инкриминируют убийства многих женщин. Будто я их в себя влюбляю, за-

маниваю в укромные местечки, вступаю в интимные отношения, а затем прокусываю им горло и люблю, как они, в агонии, медленно умирают, истекая кровью. И что удивительно: целевая экспертиза на моих старых одеждах фиксирует кровяные пятна и их группы крови точь-в-точь совпадают с кровью погибших женщин...

Заводилой и душой этой истории выступает Снова, который, оказывается, служит в милиции, имеет звание капитана. Он со своими коллегами возит меня по различным местам, где открывают разложившиеся трупы и требуют в один голос от меня искреннего признания. А Снова говорит мне:

— За признание — меньшее наказание, — а если рядом никого не оказывается, то шепчет, подмигивая, — теперь понял, отчего собака под окном выла?

Я же рассказываю всем своим следователям о Снове, пьющим кровь из шеи Риллы, отсутствии его отражения в зеркале, вое собак. Они качают головами и отсылают меня на психиатрическую экспертизу, которая находит меня совершенно здоровым. А на меня уже навесили то ли тридцать семь, то ли тридцать восемь изощренных убийств женщин и в периодической печати обо мне пишут заметки под заголовками типа «Еще один маньяк привлекается к правосудию», а оно должно быть послезавтра. И вряд ли меня пощадят... никто не верит мне. Даже жена отвернулась...

За что мне такое наказание?

В чем вина моя?

Грех в чем мой?

ПРОКЛЯТИЕ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА

Однажды попалась мне на глаза газетная статья, где было напечатано, что в Англии примерно 2500 человек хоронят заживо. За один год.

А у нас?

Мне сразу припомнилось, об этом также сообщалось в прессе, как Гоголь, писатель, в своем завещании указывал пророчески буквально следующее: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю это потому, что во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...».

Провидец знал, что писал. Его похоронили все-таки живым. Когда могила писателя была вскрыта, обнаружилось, что литератор лежал в гробу скрючившись, а атласная обшивка его домовины имела на себе явные следы отчаянной попытки автора «Мертвых душ» выбраться из могилы, засыпанной землей... в яростной смертельной агонии он исцарапал ногтями ткань...

Ладно о Гоголе.

Лучше о себе расскажу. Со мной ведь также произошел случай. И очень странный. Многие годы я никому не решалась поведать о нем, но теперь, когда мое тело находится в пограничной ситуации между жизнью и смертью, и счет моим земным минутам идет не на годы и даже не на месяцы, а на дни и, возможно, часы, я решилась рассказать об этом жутком эпизоде, происшедшем со мной почти пятьдесят лет назад. Моя память, конечно, удерживает не все детали. Много забыто, но стратегическую линию происшествия, ручаюсь своим честным словом, изложу достоверно и без прикрас. Тем более, что никто из близких мне людей не прочтет этих правдивых трагических строк. Муж мой любимый умер еще когда я была совсем молодой, а сынок наш в настоя-

щее время пребывает в психиатрической больнице и очень похоже на то, что оттуда он уже не выберется...

А упомянутый мной эпизод развивался так.

Муж мой любимый, бородатый блондин красавец-теннисист Огилев, на следующий день моего первого в жизни отпуска, который я намеревалась провести дома, говорит мне заговорщически подмигивая:

— Знаешь, Арра, имеется прекрасный шанс-сюрприз провести часть твоего отпуска с моей экспедицией (супруг у меня археолог, доктор наук, лауреат, руководитель экспедиции — я полагала: он там, а я, верная и преданная жена, буду ждать его возвращения). Прекрасное место! Лес, озеро, чистейший воздух, двухместная палатка — и мы. К тому же из первых рук посмотришь раскопки и у тебя будет реальное представление о моей работе. Идет? — улыбается мой замечательный во всех отношениях муж.

— Согласна, — бодро отвечаю я, любуясь собственным археологом, — а что раскапывать собираетесь в тех дивных местах, если это не государственная тайна?

Огилев стал сразу серьезным и говорит мне спокойно и внушительно:

— От тебя у меня тайн никаких нет. А разыскивать мы собираемся мумифицированное тело императора Максимилиана, захороненного в курган в середине пятнадцатого столетия под городком Овском. Он был в гостях у Ивана III Васильевича, великого князя Московского — сына Ивана I, Калиты, умершего от моровой язвы, и возвращался к себе на родину. Но что-то случилось с ним и глава государства скончался. Было лето. Жара. Перевозить тело императора в этих условиях опасно, к тому же свирепствовала эпидемия чумы. С местными монахами, сопровождавший Максимилиана родной брат договорился, чтобы его тело бальзамировали, а он с наступлением холодов заберет останки на родину. Так было и сделано. Однако получилось, что младший брат императора сам стал монархом и за важными государственными делами забыл о своем обете, и тогда монахи мумифицировали тело Максимилиана и поместили его в пещеру, насыпав на нее курган. Со временем вход в нее был завален камнями и землей и теперь никто не знает о нем. Таковы легенды... нам же предстоит проверить эти слухи и в тех местах уже трудится небольшой отряд добровольцев. Сегодня я получил телеграмму, из которой узнал, что вход в пещеру обнаружен. Это означает, что мне пора выезжать...

Само собой разумелось, что сама судьба велит нам быть вместе на этих, возможно, сенсационных раскопках. Сборы были недолгими, и на следующий день мы выехали по нужному адресу и спустя девять часов оказались на месте.

Сам курган был невысок — около десяти метров поднималась вверх его округлая макушка, а на ней росло несколько хилых березок, десяток кустов и примыкал он к внушительной гранитной скале, заросшей с северной стороны золотистым мохом.

Члены экспедиции с любопытством, едва поздоровавшись с нами, начали внимательно рассматривать и изучать меня. И я хорошо понимала их — какую такую выбрал себе жену старый холостяк Огилев (он был почти на тридцать лет старше меня)? Чем это я могла привлечь любителя жить самостоятельно и независимо зрелого мужчину?

Однако мой профессор был нетерпелив.

— Показывайте, что вы там отрыли? — коротко приказал он и мы вереницей (десять человек) начали заходить в пещеру, держа в руке по электрическому карманному фонарику, а ассистент Огилева — кандидат наук Оря, почти тельно нес впереди себя на вытянутой руке особую, закрытую ~~стеклянным~~ колпаком, зажженную керосиновую лампу. Впереди ~~шла~~ я, а за мной, держа меня за руку, прошел ~~глава экспедиции~~.

Правда, как права примета, что первым для успеха ~~должен~~ ~~входить~~ мужчина! Но Огилев не верил в приметы, считал их суевериями. А напрасно, как увидит в дальнейшем читатель.

На мое удивление в пещере было сухо и относительно чисто. Насколько я сообразила, самой природой это естественное вместилище предназначалось для укромных укрытий всего, что необходимо было скрыть от лихого глаза. Как я узнала позже, в пещере постоянно поддерживалась десятиградусная температура и это обстоятельство способствовало тому, что тело Максимилиана могло сохраниться как можно дольше. Почти у самого основания скалы находился громадный, почти кубической формы, валун, а на глыбе величественно покоилась долбленая колода, где, надо полагать, и находился бальзамированный труп императора. Рядом с камнем, выполнявшем функции пьедестала, было сложено несколько заржавленных мечей в виде большой буквы «К».

В безмолвии мы подошли к месту предполагаемого захоронения и обступили по периметру специфический гроб, из-

готовленный из дерева и, скорее всего пропитанного особым составом. Он был черного цвета и блестел в свете лампы и фонарей. Сверху лежала **каменная плита**.

— Снимите — негромко, но властно произнес профессор после некоторого молчания, во время которого наш фотограф сделал около десятка снимков.

Упустила из вида ту деталь, что, начиная от входа в пещеру, нас и все, что можно было отснять, фиксировалось на пленку кинокамеры, приспособленной работать в таких сложных условиях. Поэтому члены экспедиции, уже обладая определенными навыками, действовали медленно и осторожно, давая возможность фотографу и оператору запечатлеть исторические моменты.

Когда четверо парней сняли с гроба плиту, на которой лежал слой пыли толщиной не менее, чем в два пальца, то выяснилось, что на ней было нечто высечено.

— Отснять, сфотографировать, — давал указания мой муж, вглядываясь в знаки, похожие на буквы.

Я обратила внимание, что никто, кроме Огилева, не подавал голос. Наверно, у членов экспедиции было выработано такое правило, что во время работы говорить должен главный. И я подумала, как это мудро и правильно.

Между тем я с некоторой внутренней дрожью посмотрела внутрь гроба. Я медик, и мне по роду своей деятельности приходится иметь дело с трупами, но то что увидела, меня удивило и вызвало в душе неосознанный страх, который, будучи умноженным на естественное волнение, заставил мое сердце участить свой ритм, а внизу живота появился противный холодок. Перед моим смущенным взором предстало тело мужчины, на этот признак указывал шлем, украшенный многими драгоценными камнями, а сам труп, мумифицированный солями и бальзамами, был аккуратно забинтован снизу вверх черного цвета тканью шириной в ладонь ребенка. Лицо, лежащего перед нами человека, было сморщено и имело цвет испеченного яблока, а его выражение было значительно, оно явно показывало свое превосходство перед всеми нами живыми. Впрочем, это свойственно всем покойникам. В руках умерший держал небольшую иконку. После того, как на пленке было зафиксировано снятие плиты положение в гробу мумии, Огилев осторожно вытащил из рук усопшего иконку и сдул с нее пыль. На ней были изображены дева Мария со своим прославленным сыном Иисусом. Похоже было на то, что выполнена она из чистого зо-

лота. Как выяснилось позже, так оно и оказалось.

— Выходим, — произнес профессор и мы двинулись на выход, но только на этот раз муж и я оказались замыкающими.

Он взял меня за руку и я почувствовала, как она слегка дрожала. Я поняла, что предположения Огилева превзошли его ожидания и он был безмерно счастлив и рад открытию, которое принесло славу его экспедиции, и от того, что его молодая жена видела момент его триумфа. Я ведь знала, что крупнейшие светила археологии высмеивали идею раскопки кургана, где, по мнению Огилева, мог находиться клад, представляющий историческую ценность и говорили, что профессору в такие трудные для всего народа времена ничего не стоит угробить сотни тысяч рублей и что прежде чем приступать к раскопкам, нужно убедиться в их целесообразности и прочее, прочее, прочее.

Мы вышли на свежий воздух. Ярко светило солнце (июль все же), в небе пел жаворонок и вокруг нас порхали белые и желтые бабочки. Оператор и фотограф пошли проявлять свои отснятые в пещере пленки, а мы стали ждать результатов и только при их положительном разрешении можно было продолжить дальнейшее исследование, поскольку могут случиться различные непредвиденные случаи, и тогда хотя фотопленки оставят соответствующие следы для истории.

Члены экспедиции обступили профессора и поздравляли его, а я стояла в стороне и, любуясь им, гордилась своим выбором. Вскоре появились фотограф и кинооператор и они весело сообщили нам, что обе пленки отлично проявились и можно продолжить изыскания. Мы порадовались этой замечательной информации и повторно вошли в пещеру кургана.

На этот раз с тела императора (предстояло еще выяснить на самом ли деле здесь захоронен Максимилиан) долго почти час, снимали шлем и мы увидели всю его голову, на которой великолепно сохранились черные, с небольшой проседью, длинные, какие сейчас охотно носят многие музыканты, волосы. Затем неторопливо, слой за слоем, с мумии удаляли бинты, источавшие терпкий запах хвои. Процедура эта была длительной, однообразной и утомительной и, наконец мы смогли рассмотреть серо-коричневое высохшее тело мужчины неопределенного возраста. От него исходил специфический тяжелый смрад и это зрелище вызвало у меня уныние. Однако члены экспедиции молчали, каждый занима-

ясь своим делом и только я выступала в этом небольшом коллективе в роли зрителя-дилетанта. В эти минуты мою голову посещали довольно криминальные мысли: зачем это? Для чего? Ну, определяют, что это труп императора. А дальше? Ведь все равно в мавзолей его не поместят. Пусть бы спокойно находился в своем гробу этот человек вечно. Шлем? Иконка? А имеем ли мы дозволение присваивать себе то, что не наше? Кто дал право бесцеремонно вторгаться в могильник и прикарманивать вещи покойника? Не вандализм ли это? Не надругательство ли над памятью человека? Вон, в краеведческом музее демонстрируют черепа и кости давно умерших людей, их личные вещи, найденные при раскопках и с гордостью указывается век их создания и даты завладения ими...

Мои грустные размышления прервал голос мужа, который приказывал нам:

— Выходим на свет Божий.

Мы исполнили распоряжение. Время было послеобеденное и солнце уже касалось своим оранжевым краем гранитной скалы. Фотограф и оператор вновь пошли проявлять свои пленки; а мы наскоро перекусили кашей с колбасой и чаем с булкой, приготовленными дежурными членами экспедиции.

Внезапно у меня появилось шальное желание посмотреть еще разок без свидетелей на мумию. Я не могла тогда объяснить, почему меня начало одолевать подобное хотение, но мне казалось, что самое главное в моей жизни на тот момент заключалось в общении наедине с мумией.

— Можно я посмотрю на усопшего императора? — тихо попросила я разрешения у мужа, — немножко и ничего не трогая? Пожалуйста... что тебе стоит...

— Конечно, радость моя, — разрешил он мне. — Не бойся ничего. Я всегда рядом.

В благодарность я погладила его волосатую руку. До пещеры было идти недалеко — метров тридцать, не более. И через несколько десятков секунд я уже входила в нее, освещая свой путь лучом карманного фонарика. В этот раз она мне не казалась уютной. Напротив, зловещее безмолвие и мои гулкие шаги по массивным каменным плитам вызывали у меня неясное чувство тревоги, и уже хотелось вернуться обратно, но внутренний голос успокоил меня: «Ничего не бойся. Ты же анатом-патолог. Тебе ли бояться умерших? Эх, ты...». И голос победил меня. Робея, я подошла к гробу императора, который сейчас сверкал в желтом свете фона-

рика всеми цветами радуги и представлялся громадным бриллиантом. Сердце мое трепетало часто и испуганно и внезапно я почувствовала, что ноги будто приклеились к полу пещеры. Мое тревожное состояние усилилось и вдруг с ужасом заметила, что гроб императора был пуст!

Я не верила своим глазам.

Внезапно сам по себе погас фонарик и я оказалась в кромешной тьме. Себя в этот миг ощутила тряпичной куклой, тело обмякло и стало непослушным и ленивым. Паника охватила меня, и я воочию, своим нутром, поняла справедливость пословицы, утверждавшей, что «кровь леденеет в жилах». Так оно и было: жуткий холод парализовал меня. В отчаянии я стала звать на помощь, но немощные губы едва шевелились и звук застрял во рту, не находя в себе силы выйти наружу. Неожиданно слышались четкие, размеренные шаги и случилось самое худшее, что мне пришлось пережить за всю свою некороткую жизнь — словно два железных обруча, не дающих ни малейшей надежды освободиться, обняли меня за талию и плечи, а омерзительная смерть, пахнувшая противной плесенью и могилой, дохнула сыростью в мое лицо. Голова закружилась, а в теле вместо холода возник пульсирующий жар и я потеряла сознание...

Когда я пришла в себя, то была ночь. С изумлением мое сознание констатировало, что лежу на незнакомой кровати, в помещении едва мерцает ночник, а рядом сидит немолодая женщина в белом халате и в такого же цвета шапочке. От нее веяло спокойствием и уютом. Тогда я сообразила, что нахожусь в больнице. Удивленная возникшей ситуацией, я спросила сиделку:

— Где я?

— Как вы себя чувствуете, милая? — вопросом на вопрос ответила медсестра и я поняла бестактность своей первой фразы — после моего пребывания в пещере — уж не сон ли?

— Нормально. Спасибо. Я могу подняться? — слабо произнесла я и присела на краешек кровати.

— Конечно. Вы так уже и сделали, милая...

— Вы не смогли бы просветить меня относительно моего пребывания здесь? — говорила я с надеждой, стараясь в памяти восстановить последние минуты моего осознанного пребывания в мире.

— Вас доставили в отделение три дня назад. Кризис уже миновал и вы стоите на пути исцеления, — деловито и

со знанием дела отвечала она.

— Понятно... а подробности, если можно... — заискивающе произнесла я.

— Рано утром появится ваш муж, профессор Огилев, и он поведает вам детали. Он приходит три раза в сутки: утром, в полдень и после работы и проводит в нашем отделении несколько часов в ожидании добрых вестей. Я же, честное слово, не знаю более того, что вам поведала.

— Ясно...

Медсестра помогла мне подняться. Я надела на себя халат и вышла в туалет. С каждой минутой я чувствовала себя все лучше и лучше. Спать уже не пришлось. Я пролежала до утра, а после легкого завтрака пришел Огилев и поведал историю, приключившуюся со мной во время экспедиции. Вот что выяснилось.

После того, как я вошла в пещеру, пояснил супруг, никому в голову не пришло, что со мной может что-либо произойти, хотя его несколько удивило мое довольно долгое отсутствие и поэтому Огилев подумал о мумифицированном теле, которое заинтересовало меня, как врача. Но вот пленки были проявлены и экспедиция в третий раз вошла в могильник. Всех удивил факт, что не было видно света моего фонарика, и это насторожило. Спустя полминуты меня обнаружили на полу в обморочном состоянии и немедленно унесли, а фельдшер, находившийся в составе экспедиции, начала оказывать мне первую медицинскую помощь. Однако я не приходила в себя и меня транспортировали в больницу, где определили в реанимационное отделение. Что же касается дальнейшей работы с мумией, то на этом она прекратилась, ибо тело императора Максимиллиана исчезло... Правда, недалеко от места захоронения находилась приличная горка пыли, которой ранее не было. На этот факт указывали и проявленные фотопленки. Она, по мнению одного из членов экспедиции, могла оказаться прахом монарха, но, поскольку через пять веков умершие не оживают, то это робкое предположение было решительно отвергнуто. Однако этой пыли было немного взято на исследование в лабораторных условиях. Оказалось, что то обычный пепел органического происхождения. В этой удручающей связи была выдвинута гипотеза, что преступники, как-то узнали об экспедиции и предположили, что в пещере могут находиться драгоценности, золото, антикварные предметы. Поэтому, когда мы вышли второй раз из пещеры, опрометчиво

не выставив сторожевого поста, злоумышленники тайно проникли в могильник. Увидев меня в нем, они действуя на меня паралитическим газом, устранили возможного свидетеля, а сами захватили шлем, тело императора и удачно скрылись... На этом и завершилась экспедиция, имевшая столь блистательное и многообещающее начало. Но все равно, фото- и кинодокументы весьма впечатлительны, они сенсационны, а милиция ищет преступников и, возможно, им удастся захватить грабителей.

Затем я поведала Огилеву то, что уже известно читателю.

Через два дня меня выписали из больницы, а оставшееся время своего первого в жизни отпуска я провела вместе с мужем в любви, неге и ласках.

Но далее пошли чередой одни неприятности за другими. Начали один за другим умирать в мучениях члены экспедиции. Смерть их была непонятна и врачи не могли установить диагноз. Симптомы болезни характеризовались постоянным кашлем. Ни с того, ни с сего человек начинал непрерывно кашлять и этот приступ продолжался уже до самой кончины пациента. Мой муж умер последним. Он определил свою болезнь тремя словами — «Проклятие императора Максимилиана». Бедный...

Судьба распорядилась так, что именно мне приходилось делать вскрытие трупа Огилева. Ничего особенного обнаружить не удалось. Причина смерти неясна, а вот ее следствие ужасно: травмированная непрерывным напряжением мышц разорванная во многих местах гортань — это единственное, что удалось объективно установить. Но подумалось в этой связи: а не критическое ли количество пещерной пыли, надо полагать, очень вредной, вдохнули в свои легкие члены злополучной экспедиции? Ведь им по долгу службы пришлось находиться в могильнике много часов в надежде найти в нем следы прошлого? И как результат пребывания в опасной для здоровья среде явился факт приобретения ими аллергического компонента сопутствующего сильнейшему бронхиту, приведшему к смерти. Им, бедным, прежде чем проникнуть в пещеру, необходимо было сделать забор воздуха и отдать их на исследование в соответствующую лабораторию санэпидемстанции и уж после заключения специалистов принимать решение...

А мумия?

Сейчас я убеждена, что она на какой-то отрезок времени ожила, подпитываясь нашей энергетикой. Мало того, я начинаю очень подозревать, что воскресший император меня изнасиловал в темноте и я привожу в пользу этого кошмарного тезиса следующие аргументы и факты.

Через положенное количество месяцев я родила сына.

Да, правомерно может возразить дотошный читатель, пожелавший стать моим оппонентом, но ведь муж Огилев...

Согласна, отвечу я в таком случае. От него я вполне могла забеременеть.

Но тогда: почему мой несчастный отпрыск, что пребывает в психиатрической больнице, убежденно рассказывает всем, что он родной сын императора Максимиллиана, умершего в пятнадцатом веке? В деталях описывает его боевой шлем, нательную иконку с изображением девы Марии и Христа? Ведь сыночек мой Дена совершенно не владеет никакой информацией об экспедиции, приведшей к гибели всех ее членов. И прочитать об этом он нигде не мог. На каком основании он утверждает, что его отец, будучи захороненным, через пять веков, вернулся к жизни с тем, чтобы зачать наследника, а сам затем сгорел в пещере? Почему Дена чернявый, между тем как мой муж и я блондины? И, наконец, откуда он знает древнегреческий язык, которому его никто никогда не обучал?

Вот в чем вопросы!

И какие!

Никто в мире не возьмется на них ответить, кроме меня самой. И уж дело читателя верить ли мне, старой женщине, стоящей на пороге своей кончины.

А в заключение вот что хочу написать по теме моего повествования.

Напомню: я профессиональный анатомо-патолог и лично мне за мою многолетнюю практику приходилось фиксировать со скорбью и горечью вот что — дважды под моим скальпелем оживали мнимые трупы и мне ничего не приходилось делать, как умерщвлять этих несчастных людей. Все равно мне не удалось бы их спасти. Морг, как вы понимаете прекрасно, не реанимационное отделение, а как раз наоборот. Это я вам, как на исповеди, сообщаю и каюсь за свой грех великий.

Как дела обстоят на этом поприще у моих коллег, врать не стану, не знаю. Как-то не принято в нашей среде обмениваться информацией по этому поводу. А думаю напрасно. Статистике надобно б и в самом деле знать все.

ГИБЛОЕ МЕСТО

(размышление)

Уверена на сто процентов: нет такого взрослого человека, который бы не встречал со скорбью, грустью и, возможно, с любопытством, проходя или проезжая по дороге, удручающий знак следующего свойства — дерево или столб аккуратно обмотанные на уровне роста пешехода черной либо красной лентой. Нередко возле такой траурной метки венок на гвозде висит, букетик цветов садовых или полевых рядом на земле лежит.

Конечно же: таким образом место трагической преждевременной гибели обозначается.

Случалось видеть?

Только вчера сразу после полудня на сотом километре автомобильной трассы Кабрь—Ябрь совсем еще молодой человек, недавно демобилизованный со срочной службы в чине старшего сержанта, забыла его фамилию, со своей подругой Астей лихо мчал на своем быстроходном мотоцикле в деревню к родителям, невесту показать. Скорость огромная, более ста километров в час. Но вот он теряет управление своего железного скакуна, блестящего, постоянно фыркающего, и мигом врезается в сосну, что в два охвата толщиной, растущей в пяти метрах от дороги. Просто ужас смотреть было: не воин-запасник, что в десанте служил, и не дама его сердца, стройная, легкая, воздушная — два бесформенных трупа у подножия, то есть основания дерева остались лежать. А ствол деревянного гиганта, почитай, метров на восемь в высоту сплошь горячей дымящейся кровью окрасился... и шлемы металлические, пластмассой отделанные, не помогли...

Один мой очень близкий знакомый сотрудник дорожной автоинспекции, Фраль рассказывал, что за год на его участке два, а то и три таких случая происходят. А если собрать все цивилизованные дороги мира, толково рассуждает он, да при-

кинуть, сколько погибает подобными случаями народа, то не по себе становится от всяких мыслей. Это же население среднего европейского города.

Умница он у меня.

И что характерно: вроде бы большая работа профилактическая по данному поводу соответствующими службами проводится, однако, никаких позитивных результатов в этом направлении не наблюдается. Скорее наоборот. Значит, думаю с Фралем, самой судьбой, которую победить невозможно, тем людям заранее такая смерть была предопределена, чтоб, значит, в дороге погибнуть, а не на кровати дома от саркомы, оболваненному наркотиками, или от острого воспаления легких. Не дай Бог, сколько мучений приходится перенести долго умирающему человеку и какое количество страданий выпадает на долю его родных и близких... да что здесь много говорить — самим, скорее всего, приходилось видеть и ухаживать за безнадежно больными людьми.

А здесь, при дорожно-транспортном происшествии, раз — два и готово! Чик — и нет человека! Вон, оказывается, милость Божья какая может быть!

Никаких тебе мучений, переживаний, мучительных и неразрешимых сомнений по поводу правильности прожитой жизни воспринимать не приходится. Я бы очень, и здесь нисколько не вру, хотела свой смертный часок повстречать в неведомый час с милым Фралем при скоростной езде на мотоцикле или машине. Едем с ним на рыбалку с удочками, с отличным настроением, рисуя в своем сознании картину ночлега в палатке на берегу озера после ужина с легким пьянящим вином и...

Очень неплохо приняла смерть моя соседка Ая. Утром рано с сыном собралась в недалний лесочек грибочков поискать, маслята прекрасно из землицы полезли после недельных теплых сентябрьских дождей и свой путь они продолжили на попутной машине. Уж не могу сказать, как там у них было и что, но их легковой автомобиль на приличной скорости соскользнул с обочины дороги в кювет, перевернулся несколько раз в падении и застыл на правом боку, так что отворить дверцу с этой стороны было совершенно невозможно, а выход слева тоже оказался неразрешаемым: то ли дверь заклинило, то ли еще по какой причине, но только владелец «Фиата», решивший подзаработать на попутчиках немного денежек начал было пробовать вынуть лобовое стекло и через него выбраться из машины. Но, увы, не успел. Скорее всего, как

считает Фраль, у нее был неисправен бензобак. Топливо начало течь куда-то и автомобиль вспыхнул в одно мгновение, образовав в считанные доли секунды огромное облако, состоящее из огня и черного дыма, которое взметнулось высоко в небо и вызвало сильнейший взрыв, разнесший машину на куски. Разумеется, от его владельца и несчастных пассажиров через несколько минут остались обугленные и дурно пахнущие объемы паленого человеческого мяса, именуемые в дальнейшем в милицеских протоколах «тeлaми погибших».

Не раз приходилось мне серьезно задумываться над таким вопросом, как, отчего происходят драмы, о которых я уже начала вести разговор? И только сутки назад сообразила в чем здесь дело, и отныне понимаю, отчего аварии на транспорте случаются именно в этом, а не в ином месте.

Ребеночек малый там захоронен!

К этому открытию моя личностная сущность подошла чисто эмпирическим путем. Ведь уже третий раз рожаю дите и воспитывать его ни Фраль, ни я ни за какие деньги не собираемся. Зачем? Смысл каков, если все равно умрет?!

Так обычно у нас дело происходит.

Как только я чувствую, что вот-вот роды начаться могут, Фраль берет палатку и перевозит меня в лес, пожить в нем столько, сколько нужно и как только наступает тот миг, который можно определить, как появление нового гражданина на свет, мой решительный любовник берет небольшую лопаточку, вечером выходит к дороге (в милицеской форме, конечно!), и делает соответствующего объема подкопчик под асфальт. Примерно сантиметров шестьдесят — семьдесят в глубину и диаметром в четверть. Затем я ребеночка, обернутого в шерстяную тряпицу, в эту пещерку подсуну, а Фраль землицей его утрамбует и получается, что мы, вроде, как по-человечески похоронили его.

Сразу две пользы выходит: и дитяtko наш не станет мучаться, по жизни карабкаться, страдания, измены и подлость человеческую познавая и в ней участвуя, и — кто-то из ныне здравствующих людей легкую смерть примет, на кого ее Бог пошлет. Все в мире от него, Всевышнего зависит, до малейшего микрона...

Закон я открыла в этой связи — авария на месте захоронения с каждой тысяча триста тринадцатой машиной случается... как раз именно с той, что по гиблому месту проезжает.

Абсолютно точно указываю. При сомнениях сами проверить можете. Ошибки не будет!

Да, тогда что получается? Это сколько же ребеночков нужно запрятать под асфальт за десять лет? А за пятнадцать какое количество замуровывается? Думаю, по общей площади количество могилкок значительно превзойдет десяток самых крупных в мире кладбищ.

Или по этому поводу имеются другие мнения?

Что ж, я согласна обменяться ими. Но заранее предупреждаю: напрасно. Я никогда своих убеждений не меняю. Так что и стараться не следует.

ЧЕЛОВЕК-ТЕЛЕФОН

(анекдот)

Я человек-телефон. И этим все сказано.

Сейчас, сию минуту объясню, как умею, что это значит.

Значит так: на правой ушной раковине сверху вниз у меня крепится особый диск с десятью цифрами от «1» до «0» для набора номера телефона абонента, а на левом ухе соответственно находится телефонная миниатюрная трубка желтого цвета. Вот и все. Никаких особых премудростей, как видите, нет. При желании каждый человек может стать таким же, как и я. Тогда, как мне думается, никаких проблем межличностных контактов не возникло бы. Как только какое недо-разумение или еще что-либо, то мигом позвонил кому нужно, утряс вопрос и далее живи и наслаждайся тем, что пошлет Всевышний. А это: еда и одежда, семья и работа, книжки и кинофильмы, любовь и, извините, туалеты (ах, как бывает замечательно, когда облегчишься—наслаждение необыкновенное, не правда ли?!), рыбалка и сбор грибов, ковыряние пальцем в носу (кто этого не делал из вас?!), и мастурбация, а здесь и вообще...

— Разрешите, пожалуйста, позвонить? — слышу я во время размышления голос мужчины.

Отчего же не позволить, коль ему надобно, а я для этого здесь и приставлен. Ничего человек: опрятный, при бежевом галстуке, в коричневом костюме, серой рубашке (фу, ты! на дворе почти тридцать градусов в тени, а он так вырядился, наверно, на свидание поутру к даме идет или же от нее возвращается к себе на службу).

— Всегда к вашему удовольствию и очарованию, — вежливо отвечаю я, и поворачиваюсь к нему вначале правой стороной, чтобы моему клиенту телефонной трубочкой удобнее было пользоваться.

«Гм... гм...» — многозначительно может подумать дотошный читатель, и посчитать, что автор, может, того... Но нет, честное благородное слово, нет, смею заверить вас, бдительный гражданин (товарищ?), отнюдь! Ведь верим же мы в реальность Карлсона, который живет на крыше, родился в Швеции и перемещается по воздуху при помощи особого пропеллера, хотя, на первый взгляд, это не только удивительно, но и фантастично. Однако ни у кого не возникают сомнения в правдивости образа. А в моем случае — рядовой, будничныи телефон, правда, с приставкой — радио. Теперь вы обо мне все знаете. Как на духу, все поведал.

Но вот мой абонент кричит в трубочку так громко, что я от досады морщусь.

— Привет!

Он, оказывается, человек воспитанный, понял, что причинил мне беспокойство и говорит вежливо:

— Простите меня...

— Что простить? — интересуется голос, также мужской, на другом телефоне.

Мне отлично слышен ведь диалог — в этом и прелесть моей службы. Так что для госбезопасности могу представить определенный интерес.

— Это я не тебе говорю.

— А мне что собираешься сказать?

— Слушай внимательно: к вам только что выехал ревизор из управления. Проверять будет склад готовой продукции номер четыре, так что кого нужно предупреди там...

— Понял. Он на лапу берет?

— Да. Но только как бы невзначай.

— Как это?

— А вот так. Когда он будет идти на склад, то пускай попадает к нему по дороге несколько крупных купюр, будто их кто-то по рассеянности потерял. Он оглянется, но заинтересованные сопровождающие его лица принимают невинный вид, что ничего не замечают. Один, к примеру, делает вид, что на туфле шнурок завязывает, другой закашляется и отвернется, а третий, если вдруг таковой окажется, крикнет: «Вы идите, а я через минутку догоню!» — и уйдет. Ревизор, естественно, поднимет денежки и спросит: «Чьи?». А вот здесь требуется воскликнуть: «Того, кто нашел! Ваши!». Счастливчик положит их в свое портмоне и скажет: «В таком случае с меня причитается!». С этого момента ревизии не бойтесь. В обеденный перерыв не забудьте его, как следует, угостить, но без спирт-

ного. Он это дело не любит. Лучше с собой бутылочку — дру-
гую вместе с колбаской копченой, сыром, еще с чем перед его
уходом предложить...

— А как? Научи...

— А я что делаю? Значит, так только он документы все
подпишет, следует сказать: «А это вам, Ляя Ронович, на па-
мять о нашем коллективе. Удачи вам и успехов!». Он побла-
годарит и возьмет сверток. Ясно?

— Понял. Спасибо. Все?

— Да. Привет семье. Пока!

— И ты передавай поклоны и реверансы от меня супру-
ге, своим. Свидимся в воскресенье. До свидания и еще раз
прими искреннюю сердечную благодарность.

— Всего доброго... — он передает мне трубочку, которую
я вешаю на прежнее место, а во вторую руку сует денежку.

Я никогда не даю сдачи. Поэтому, по-деловому, засовываю
гонорар в карман пиджака, вешаю трубочку и жду новых
клиентов. А они всегда тут как тут.

— Молодой человек, можно позвонить? — усиленно инте-
ресуется милая женщина. — Очень нужно.

Красивая она. Я бы на такой, если бы не мои различные
круглосуточные дежурства (о них еще напишу), обязательно
женился. Детишек бы насотворяли, а старшему по наследству
свою профессию передал. У меня их четыре, но лучшая из
них — эта. Сутки дежуришь — трое дома. Отпуск в летнее время.
И опять же: благодарности клиентов, гонорары... ничего
жить можно. А вообще и в самом деле пора обзаводиться же-
ной, скоро уж сорок, но никак не соберусь. То невеста подхо-
дящая не попадает, то дама приходится не по душе. Не-
давно одна клеялась: «Возьми меня в жены — борщ тебе
ежедневно варить стану, яичницу жарить на свином сале, а
перед сном по-бабьи ласкать буду и по ночам... «Я чуть бы-
ло не согласился с ней, но во-время рассмотрел и ощупал:
тьфу! Неудобно даже писать: мужиком та баба на проверку
оказалась. Он, дерьмо, губы свои козлиные намазал перла-
мутровой помадой, рыло свиное напудрил, брови обезьяньи
накрасил, халат напялил, а в то место, где у настоящей дамы
бюст обозначен, так он, дрянцо недобитое, засунул две газе-
ты «Комсомольская правда» — скомканные. Я едва не попал-
ся на эту ловкую удочку и только шуршание периодики на-
веяло на меня сомнения. Я ведь как: за руку его подержал,
пальчики его толстенькие перебирая ласково своими, потом,
как водится, в щечку поцеловал, в губки, и уж только после

этой увертюры моя правая рука сама по себе, (ее, честное слово, нисколько не неволил), к нему за пазуху полезла и те газетки нащупала. Но и здесь не сразу раскусил порхатого. Решил под халат руку запустить, как раз в то место, где у подлинной женщины... вы же прекрасно понимаете меня, что имею в виду. А он, пес гнидовский, только жеманится и шепчет тихо: «Не мучь же! Быстрее... быстрее...». И я, дурак, его рукой за... в общем-да, так оно и было, подержал его член поскудный, а кавалер аж затрепетал: «Поцелуй его, пожалуйста, поцелуй...». Каково? Ну и хамы пошли Я ведь не идиот и понимаю, что ему партнер нужен, гомосексуалисту. Так ведь скажи прямо: так, мол, и так, выручи, браток, окажи мне услугу такого-то рода... я бы его и уважил. А так... в общем ничего у него не вышло; укусил я его за тот самый орган, который сам по себе вдруг оказался в моем рту...

А тем временем красивенькая дамочка набирает нужный ей номер телефона. Я его запомнил на всякий случай: две семерки, две пятерки, тройка и четверка.

— Алло? — голос у ее абонента бархатный, вкрадчивый.

— Это я. Здравствуй.

— О! Доброе утро! Рад тебя слышать. Как замечательно, что позвонила. Слушаю тебя, моя радость...

— А ты ничего не желаешь мне сказать?

— Желаю! Я тебя крепко люблю, целую и обнимаю! И очень хочу, чтобы и ты ответила примерно такими словами...

— Ты же знаешь, что я замужем...

— И я женат...

— Ты мужчина...

— Ну и что?

— Ты имеешь право говорить такие слова женщине, которой обладаешь, а я... нет, не требуй от меня невозможного...

— Выходит, тогда, что ты меня не любишь?

— Если тебе удобно так думать, то пусть так оно и будет — нет, не люблю...

— Очень жаль... но я, Арина, не могу встречаться с дамой, зная, что она только позволяет любить себя, а в душе меня — нет. Так поступают...

— Кто?

— Сама знаешь...

— Тогда мне в этом случае ничего не остается как сказать тебе «счастливого!» и на прощание пожелать всего доброго...

— Хорошо. Пусть будет по-твоему. До свидания, но подумай еще разок над моими словами.

— Я все поняла, — и дамочка вешает трубочку на прежнее место, а мне говорит слова благодарности и протягивает небольшую шоколадку импортного происхождения.

— Спасибо, — отвечаю я вежливо и кладу подарок в карман — вечером съем.

Женщина ушла, опечаленная происшедшим диалогом, оставив после себя нежный запах дорогих духов, манящих и обещающих... Я ведь понимаю толк в этом деле.

Была у меня в молодости одна девонька. Звали ее... впрочем, это не столь важно. Так вот она обожала духи всех видов и сортов до безумия. Хобби у нее такое обозначилось: коллекционировать духи. Но плачевно то увлечение завершилось. В один гадкий день молодка моя посчитала, что ее душа пропорционально ее объема растворилась во многих флакончиках душистого собрания и ей грозит смертельная опасность. Она сама обратилась в психиатрическую больницу, откуда после этого случая не выходит пятый год и недуг никак не может оставить ее. Бедная... Так вот: в то время, когда болезнь еще не вошла в нее, у нас был бурный роман. И что интересно: перед тем, как лечь в постель к мужчине, ко мне, то есть, она опрыскивала свое тело духами по любопытной методике: ноги облагораживала несколькими каплями, источающими аромат сирени, лобок и ягодицы — ни дать ни взять имитировали запах ночной фиалки, грудь и спина благоухали тайной, но зато ее лицо и волосы несли естественные запахи моей дамы.

С тех пор я неравнодушен к любым духам и даже одеколону — они тревожат, волнуют, возбуждают меня, особенно если благовония исходят от интересной женщины.

Мои нежные воспоминания прервал негромкий голос очередного клиента:

— Ваш телефон работает?

— Конечно. Можете звонить.

Я с интересом смотрю на мужчину. Он пожилой, бледный, на его лице обильно выступил пот и оно выражает муки страданий, левая рука лежит на животе.

— Извините меня... но если можно, то позвоните, пожалуйста, на станцию «скорой помощи»... у меня, как мне думается, сильнейший приступ аппендицита... я сам врач и понимаю смысл и логику болезни... — он еле выговаривал эти фразы.

Приходилось и эти услуги оказывать.

Недавно женщине вызывал карету «неотложки» — прямо на улице, на скамейке для отдыха у нее начались родовые схватки, а два, нет, три дня тому назад хулиганы избили подростка до такой степени, что он не пришел в сознание и после целевого обслуживания медицинской бригады экстренной помощи. Так и увезли парня, истекающего кровью, в больницу. Интересно узнать — выжил ли?

Набирать мне номер телефона самому не очень удобно. Хорошо, что нужно всего две цифры, но я уже наловчился и через двадцать секунд веду диалог с дежурной:

— Говорите! — требует она.

— По проспекту Кленов и Лип у старого человека приступ аппендицита. Необходима ваша помощь.

— Назовите себя, номер телефона, с которого звоните.

— Дгей Выла Пранович. Телефон: три, три, три, двадцать девять. Записали?

— Да. Ждите...

— А что делать? Вся жизнь сплошные ожидания: пробуждения, приема пищи, работы, любви, сна, радостей, праздников... и смерти. Я бы так сказал: «Жизнь — это ожидание смерти!» Красиво придумано! Афоризм — да и только!

Так вот о себе, а то все нет времени рассказать.

Одни сутки я служу обществу телефоном-автоматом, а три дня занимаюсь другими работами. Такими. На следующие сутки выполняю, и отмечу, довольно неплохо, обязанности самого Президента; затем репетирую первоклассных балерин; а затем работаю писателем. Я хотел было потрудиться в Мавзолее и хотя бы раз в месяц отпускать из гроба вождя, а я бы лежал вместо него, тем более, что уж очень мы похожи друг на друга, но врачи не пускают меня в Москву. И вообще разрешают мне ходить лишь в столовую и в туалет. Поэтому я исполняю свои обязанности телефона-автомата, президента, балетмейстера, писателя у себя в палате. Но все равно люди знают обо мне и приходят пообщаться.

Эх, жизнь!

Психиатры считают, что я болен и пришили мне шизофрению. Но мы-то, уважаемый читатель, знаем, что это не так.

А в психбольнице меня держат только потому, что я якобы изнасиловал белую козу соседа Тявки.

Враки все это и выдумки врагов и завистливых лиц!

Во-первых, у меня с этим милым животным была взаимная договоренность, а во-вторых, то не коза была, а козел, всегда разрешавший любить себя за кусочек ржаного хлеба!

В окно я вижу, как к подъезду здания, где я проживаю, быстрыми шагами торопится человек с черным портфелем. Ясное дело: на прием ко мне торопится. Но ему придется маленько подождать ибо стану принимать посетителей завтра, когда начну президенствовать, а сейчас мне необходимо отправляться на процедуры. В дверях палаты стоит медсестра Вуля и выманивает меня на коридор, показывая мне телефонный справочник. Очень нужная вещь!

Что ж, пойду. У меня образовался перерыв. Минут через двадцать буду снова на своем боевом посту.

Так что, если понадобится позвонить, решить вопрос у президента — приходите! Всегда буду рад удружить хорошему человеку!

ТОЛЬКО ПРАВДУ

(эпизод)

Однажды, а это диковинное событие произошло со мной в один из осенних дней, когда величаво царствовало короткое, командированное природой «бабье лето», а мою бессмертную душу тревожила грусть и неопределенность, я забрел в кафе «Президент».

Это тихое днем и бурное по вечерам заведение располагалось в полуподвальном помещении типового пятиэтажного дома, кои во множестве были построены в пятидесятые годы. Я заказал комплексный обед из четырех блюд и начал ждать, когда его подадут, наблюдая за девушкой, в обязанности которой входило встречать клиентов, любуясь ее эффектной фигурой и приятной внешностью и, что греха таить, меня посещали в эти минуты волнительные мысли о том, как было бы замечательно пообщаться с ней наедине в интимных условиях. Обстоятельство, что я опаздываю с обеденного перерыва на службу, меня не волновало: заведующий отделом Юкк, дорабатывающий последний год, перед уходом на пенсию, считался демократом и не обращал никакого внимания на подобные служебные проступки. В лучшем случае он мог снять очки, прищуриться и сказать, укоризненно покачивая своей головой, похожей на перезрелый огурец: «Ну, молодой человек, от вас я недисциплинированности никак не ожидал...» — и грозить в сторону провинившегося сотрудника мизинцем левой руки, отчего он был похож на кокетничающую даму, пребывающую без мужа на отдыхе в санатории.

Молодой официант, одетый в черную пару, принес заказ и, видно играя роль мещанина, спросил, прищурясь и шаркая о пол ногой:

— Вопросы имеются-с?

Я отрицательно покачал головой: мол, нет их у меня, этих самых вопросов. Тогда он улыбнулся, демонстрируя свои прекрасные белые зубы и тихо ответил:

— О'кей-с! — при этом он пятился задом, держа на вытянутой руке поднос и показался мне в этот момент похожим на дрессированного грача.

Кафе было почти пустое. В нем обедало несколько женщин, сидящих за одним столиком, в центре которого стояла откупоренная бутылка шампанского и в углу помещения расположилась пожилая пара — мужчина и женщина, о которых говорят, что на их лицах виднелись следы былой красоты, одетых строго и изысканно. В зале господствовал легкий полумрак, а три электрические лампочки красного, желтого и зеленого цветов создавали в нем приятный шарм и шик.

Настроение у меня было хорошим, если не считать некоторой душевной тревоги, а в целом в жизни все получалось, как и задумывалось: интересная работа экономиста, красивая любящая жена, неплохая зарплата, нежная и страстная молодая любовница Зимма. Что еще нужно сорокалетнему мужчине, шатену высокого роста, умеренного темперамента, рассудительному, везучему, имеющему крепкое здоровье, неглупому для личного счастья? Ведь у меня, если доверять мировым стандартам, было все.

И вот, когда я уже завершал свою трапезу, запивая ее стаканом прохладного лимонного напитка, в кафе вошла элегантная стройная женщина. Ее вежливо встретила интересовавшая меня девушка в коротеньком белом передничке и что-то сказала ей, показывая своей рукой на свободный столик у включенного цветного телевизора, на что новая клиентка кивнула головой, улыбнулась, но направилась в мою сторону.

— Разрешите?

— Конечно, конечно... — засуетился я, польщенный ее вниманием, — здравствуйте, — торопливо отвечал я, с интересом рассматривая ее.

На вид она была моей ровесницей и на ней ловко сидел шелковый желтый сарафан с белыми горошинами. Черты лица незнакомки напоминали прекрасный лик царицы Нефертити. Она поправила рукой свои пышные светлые волосы и ответила, присаживаясь на стул напротив меня:

— И вам добрый день! Я люблю обедать за этим столиком. Очень уютно за ним себя чувствую... извините, что немного нарушила ваш послеполуденный прием пищи...

— Ради Бога! Я даже рад, что имею удовольствие видеть и говорить с вами, самой очаровательной и прекрасной женщиной во Вселенной, — начал я охотно трепаться, но не потому, что соседка действительно меня покорила, а просто по привычке нравиться дамам.

Скажите, читатель, а вы бы на моем месте не старались бы завязать разговор с особой противоположного пола в подобной ситуации, если вы мужчина, не лишенный обаяния и привлекательности? Не стали бы волочиться за ней хотя бы из-за рядового спортивного интереса? Как говорится, на всякий случай? Начнешь — а там, видно будет, как поступать далее...

— Ну-ну, — насмешливо ответила она, рассматривая меня своими большими серыми глазами, — продолжайте, — и кивком головы подозвала официанта, который стоял невдалеке от нас и делал вид, что его совершенно не интересует тема нашего диалога.

Ее, видно, знали. Подавальщик обедов торжественно подошел и уважительно поздоровался.

— Рад видеть вас, мадам-с. Что вам угодно-с заказать в нашем заведении-с? — он наклонил голову набок, словно глухой.

— Несите мне, как всегда, комплексный, — ответила клиентка, — и можете не торопиться.

— Понял-с, — ответил ей официант, — будет исполнено-с, — и отошел от нее пятясь и улыбаясь.

— В командировке? — спросила меня женщина.

От нее исходила энергия доброжелательности, нежности, ласковости и приветливости. С каждой секундой она мне нравилась все больше и больше и в мыслях я немедленно отдал ей предпочтение девице, встречающей у входа в кафе клиентов. Молодость, конечно, великолепна, но она все же уступает в своем неотразимом воздействии на сильный пол зрелой красотой опытных, все видевших и понимающих женщин. Мне ужасно захотелось понравиться этой элегантной особе и я немедленно предположил, что она одинока и несчастна, ей также, как и мне, немножко тревожно и грустно, поэтому и настроена на знакомство с приезжим мужчиной, перед которым можно исповедаться, возможно, отдаться ему, поскольку понимает, что командированный в каждой даме видит очередное любовное похождение и шансы в этой связи у любой женщины заметно возрастают. Однако, чем черт не шутит?

— Да...

— Издалека к нам приехали, если не секрет? — любопытствовала она, принимаясь за салат из огурцов со сметаной. Что ж, врать, так врать. Обратной дороги у меня на этот раз не было. И я не жалел об этом. Проведу с ней некоторое время. Может, домой к себе пригласит на тайное свидание? Она весьма и весьма недурственна. Особенно волнителен у нее бюст — словно две тыквы средних размеров были запрятаны у нее под сарафаном.

— Не из близких мест...

— Откуда? — в глазах у нее любопытство.

Я понимаю даму. Дело в том, что лицом я смугл, хотя по крови являюсь чистейшим европейцем, блондин и это некоторая дисгармоничность вводит многих в заблуждение по поводу моей национальности. Особенно женщин. Я хотел было назвать ей одну из южных республик, но, поколебавшись, решил указать на Сипр, где приходилось несколько раз находиться в командировке и если моя собеседница бывала там, то ей, если бы она пожелала проверить меня каким-нибудь образом, трудно уличить во лжи.

— Из Сипра...

— Хороший город. Мне приходилось в нем бывать.

В это время улыбчивый официант принес ей грибной суп и дама начала его красиво есть. Глядя на нее, я внезапно для себя произнес:

— Меня зовут Енна, а вас, если конечно, можно?

— Вы уверены, что вас кличут именно так? — она отломала кусочек хлеба.

Я опешил. Проверяет? Возможно, ей как-то известно, что на самом же деле я значусь по паспорту Атолий. Вполне могло быть и так, что нас когда-то познакомили и женщина узнала меня? Поэтому и подошла к моему столику, заметив меня? Однако отступать было поздно.

— Точно также, как убежден в том, что вы сейчас сидите напротив меня в кафе «Президент» и с удовольствием дегустируете (неудобное словечко вплелось!) суп, — донельзя обиженным тоном проговорил я, пригорюнившись: мне — не верить?!

— Ну-ну... меня же можете звать в таком случае Ариса

— Также командированная? — на всякий случай спросил я ее, не находя темы для дальнейшей беседы, огорченный таким неудачным началом знакомства.

— Нет. Я местная. А что, разве это имеет какое-либо для вас принципиальное значение?

— Да ничего... просто так... — пролепетал я, понимая, что мне пора уходить — она не интересовалась мной.
Видно, я что-то не так сказал, или посмотрел. Женщины абсолютно непрогнозируемый народ. Часто сами не ведают, чего хотят и творят.
В это время официант принес счет.

— Пожалуйста-с, к оплате, если-с более ничего не будете у нас заказывать-с, — улыбаясь проговорил он и в его зафиксированной улыбке увиделся весьма неприятный оскал зубов.

Я оплатил обед, медленно поднялся, полагая, что в самый последний момент Ариса все же предложит мне остаться и побеседовать с ней. Но она была занята первым блюдом и с аппетитом доедала его, величественно и с достоинством.

— Приятного вам времяпрепровождения, и — до свидания, — как мне показалось аристократичным голосом промолвил я. — Удачи вам...

— Спасибо. Я также говорю вам «до свидания», а на память о нашем знакомстве искренне желаю вам отныне говорить всем и всегда только правду. Успехов, Атолий!

Гм... выходит, она меня все-таки знает... во дела! Но я невозмутимо произнес:

— Увы, вы меня с кем-то путаете, к сожалению...

— Почему?

— Хотелось бы оказаться на месте счастливчика с таким именем, которое вы только что произнесли...

— И мне жаль, — она пожала плечами и пододвинула к себе тарелку с гречневой кашей и биточками по-крестьянски.

Я поклонился Арисе и в недоумении вышел из кафе с испорченным настроением. Когда пришел в свой отдел, то часы уже показывали без четверти три. Это означало только одно: я опоздал на службу на сорок пять минут.

— Где это вы ходите? — нарочито строгим голосом спросил меня заведующий отделом, не отрывая головы от кроссворда, опубликованного в последнем номере журнала «Дым» — при случае он чрезвычайно любил продемонстрировать своим подчиненным, что от него ничто не может укрыться, связанное с распорядком работы учреждения.

— Обедал в кафе «Президент».

— М-м-м-м... в рабочее время?

— Так получилось, Леб Александрович...

Заведующий от такой неожиданной наглости растерялся, но все же задал мне еще один вопрос, давая мне возможность

достойно выйти из создавшейся ситуации. Он отложил карандаш в сторону, погладил свои залысины ладонями, вздохнул и с иронией произнес:

— Вы, Атолий Атольевич, меня, часом, не разыгрываете?

— Нисколько. Разве я похож на человека, который может шутить подобным образом с начальством? — говорил я правду и смотрел в растерянные глаза заведующего.

— М-м-м-м-м... м-м-м-м-м... м-м-м-м-м-м... тогда, что ж, в этом случае м-м-м-м-м... в письменном виде изложите причину опоздания на службу после обеденного перерыва, — злобно предложил он мне и сурово насупился. — И часто вы задерживаетесь по этой причине?

— Бывает...

— Прекрасно! Вот и изложите эти моменты в своей служебной записке на имя управляющего.

Я отлично понимал его. С дня на день на нас грядет напасть, именуемая «сокращение», а здесь такой подарок сам по себе преподносится, как нарочно, к этому неприятному событию. Не моргнув глазом, я подробно описал, что обедал в кафе и познакомился с женщиной по имени Ариса, но ей свое подлинное имя не назвал. В «Президенте» бывал, мол, довольно часто — раза три в месяц; примерно, в таком же режиме приходилось опаздывать на работу. Но не только я так делаю. И другие сотрудники тоже. Например, расчетчик Итькин совместно с бухгалтером Титькиным во вторник вообще не пришли на работу после обеда, поскольку они ходили в кино с интересными женщинами, а одна из них Аруся, является женой самого управляющего. Написав это, я поставил дату и подписав объяснительную записку, подал ее Лебу Александровичу.

Он внимательно прочитал ее, многозначительно сморщил лоб, проговорил «м-м-м-м-м-м...» — и ушел на второй этаж, к управляющему.

Сослуживцы, разумеется, не знали содержания написанного опуса, и смотрели на меня, как на сумасшедшего. Но вопросов никто не задавал. Они были хорошо воспитаны.

До самого конца рабочего дня более никаких происшествий не произошло, если не считать того, что я ушел с работы ровно в 18.00. Как и положено, чем вызвал повторное недоумение у своих коллег, которые выдерживали время до тех пор, пока на службе находился управляющий, тем самым демонстрируя свое рвение и должностную преданность общему делу. Но я то точно знал, что в это время начальство пьет

чай, травит сальные анекдоты, смотрит телевизор, а некоторые из руководителей ухаживают за чужими женами. И — небезуспешно.

Вечером во время ужина я честно рассказал жене о происшедшем инциденте с заведующим. Но супруга пропустила мимо ушей сообщение о том, что меня теперь могут сократить из-за опозданий, но зато первая часть моего правдивого повествования ее заинтересовала.

— И что, говоришь, понравилась тебе Ариса больше, чем девушка в белом передничке, дежурившая у входа в кафе? — вкредливо спросила меня Рина.

— Да, — искренне признался я. — Ариса очень привлекательная особа и, думаю, страстная и изобретательная в постели.

— А с какой целью ты ей сказал, что приезжий? — продолжала интересоваться Рина.

Я правдиво ответил ей и на этот каверзный вопрос. Она умолкла и несколько минут пристально рассматривала меня, не мигая и часто дыша, словно у нее был приступ бронхиальной астмы. Затем, покраснев, спросила прерывающимся голосом:

— Ответь тогда, коль ты такой правдивый, а у тебя имеется тайная женщина, с которой ты секретно встречаешься? Я имею в виду любовницу?

— На твой вопрос я отвечу только положительно. А что?

— И как ее зовут?

— Зимма...

— И часто ты...

— С ней сплю?

— Да...

— Не очень. Встречаемся, как возлюбленные, только тогда, когда у нас случаются совместные командировки...

— В гостинице?

— Конечно...

— И как она?

— Страстная до необычайности. Вулкан по имени Везувий, — с восхищением поведал я. — Тебе, Риночка, между прочим имеет прямой смысл у нее поучиться...

— Зимма... хм... это чья жена?

— Леба Лександровича, моего заведующего...

— Она также трудится в вашем отделе?

— Да, конечно...

Жена еще некоторое время смотрела на меня, потом потрогала губами мой лоб, пощупала пульс, покачала головой (она у меня врач) и вызвала по телефону, несмотря на мои категорические протесты, «неотложную психиатрическую помощь».

Карета медиков примчала скоро. Прибывший врач, пожилой, сухопарый человек, внимательно выслушал мой рассказ о Зимме, объяснительной, написанной на имя управляющего треста, одобрительно кивая седой усохшей головой, сделал особый профессиональный жест двум могучим санитарам, сопровождавшим его, которые помогли мне одеть пиджак и через пяток минут отвели в машину. Спустя самое непродолжительное время я уже находился в психушке, где были светлые просторные палаты и решетчатые окна, а пациентов кормят три раза в день однообразной, нередко постной пищей; настырными медсестрами; улыбающимся контингентом, с удовольствием рассказывающим любому желающему о своих несомненных достоинствах; специфическим запахом лекарств; где от отбоя до утреннего подъема все расписано жестким распорядком, а он в основном соблюдается...

Живу я в этом заведении второй год. И ничего не могу с собой поделать, чтобы не говорить правду — именно она и удерживает в этих, клеянных обоями, стенах. Разумом понимаю, что скажи я, что, боясь сокращения, пошутил по поводу Зиммы, Арисы, «Президента» и меня выпишут как излечившегося, но не получается у меня ложь.

Когда спрашивают, нравится ли мне, как кормят, я отвечаю «нет». И на самом деле невкусно. А как со мной обращается медицинский персонал? «Хуже не бывает», — в таких случаях говорю я и с удовольствием указываю на факты многочисленных избиений санитарями, медсестрами, врачами, нянечками многих пациентов. Да и мне достается от них подчас. И словами разными обижают. Разве я похож на жабу, а именно так ко мне обращается дежурная Асильевна, которая между прочим, отбирает у нас шоколад и хорошие конфеты, что иногда передают больным их родственники.

Медики, не перебивая, выслушивают меня, кивают в знак одобрения своими мужскими и женскими, молодыми и пожилыми головами и нечто пишут, пишут в мою историю болезни, эдакую пухленькую тетрадку, и очень непохоже на то, что меня скоро собираются выписывать домой из этого специфического учреждения, да и Рина, как мне сдается, не спешит

меня лицезреть в нашей двухкомнатной квартире с раздельными комнатами...

Оно и понятно: кому охота держать на свободе правдивого человека? Смешно, не правда ли, от такого нелепого предложения?

А по ночам я часто вижу в своих цветных снах обедающую Арису — красивую, прелестную женщину, не терпящую лжи. И наказывающую врунов правдой... и ней и не будет более страшной кары.

В О Р

— Вот уже несколько месяцев я неподвижно лежу в маленькой комнатенке, что служит мне теперь и спальней, и столовой, и, извините, туалетом, поскольку ходить туда уже не могу и поэтому пользуюсь специальными емкостями для сбора фекалий и мочи. Экскременты поздним вечером забирает моя дочка и молча уносит. Через пяток минут она заходит, ставит под кровать судна, а на старенький стул, кое-какую еду и, поправив на лице противогаз, быстренько уходит к себе. Рядом со мной, прямо у подушки, лежат различные таблетки, которые мне ужасно надоели.

Запах в моей комнате отвратительный, несмотря на то что форточка в окне открыта постоянно, но я никак не могу привыкнуть к нему. Это правильно, что дочка заходит в противогазе. Я бы и сам напялил эту резиновую штуку на себя, но нет сил даже попросить об этом, голос пропал, а рука не удержит карандаш, чтоб написать несколько слов своим близким. Последние десять дней я только и думаю о том, чтобы всемилостивейший Господь Бог даровал мне скорую и легкую смерть... нет, физический дискомфорт в теле отсутствует, не болят и пролежни, они образовались на боках и спине, но угнетающе действует ситуация паралича ног, мышц губ и языка. И обидно бывает подчас — никто из корешей не заглянет, не узнает, не донесет весточки...

Пронзительно, длинными звонками трезвонит телефон в смежной комнате.

Кто бы это? Может, все же нашелся давний стырщик¹ и интересуется судьбой своего прошлого удачливого корефана²?

Когда я мог запросто передвигаться, то очень любил поговорить по телефону, а ныне приходится только слушать через закрытые двери как проводят диалоги дочка и ее муж,

¹ Стырщик — вор. Здесь и далее воровской жаргон.

² Корефан — соучастник.

проживающие в двух других комнатах. Знаю, что оба они ждут не дожидаясь, когда меня можно будет выносить из квартиры под фальшивый плач домочадцев в деревянной, пахнущей смолой, домовине. А может и не станут плакать над моим телом... у молодежи все сейчас по-иному. Что говорить: и я не пускал слезу, когда батя помер. До того напился, что в овраге проспал похороны... все собирался на его могилку сходить, посмотреть, что там и как, но никак все не получалось... теперь, видно, уже на том свете свидимся.

Но вот телефонный разговор... гм... что за чушь несет Имра... ну-ка, ну-ка...

Голос дочери.. да, да... не призовет его к себе Господь. Я уже и свечу в церковь ставила по этому поводу — никак... это же ужас, как отвратительно жить в одной квартире с умирающим, а больница не желает тоже его у себя держать — коль дети имеются, то к ним, милости просим... моя мама быстро умерла. Красотище — да и только! Легла спать и не проснулась, как свечечка, сгорела восковая, тихо и незаметно...

Ответ абонента.

Голос дочери. Я согласна с тобой, но ведь не поймут правильно... конечно, укол соответствующий сделать в руку, милое дело, но в нашей стране это не принято... гуманность требуется проявлять, а то, что человек мучается перед смертушкой, никому до этого нет дела... я с удовольствием дала бы ему, хрычу старому (это я-то в пятьдесят стар!), что-либо съесть или выпить, но, во-первых, не знаю что нужно, а во-вторых, боюсь. Придет затем дядька с петлицами на форменном синем кителе и начнет вопросы формулировать...

Ответ абонента.

Голос дочери. Хорошо. Я подумаю... так ты утверждаешь, что без воды человек умирает через три, а ослабленный, спустя двое суток? Интересная мысль. Я посоветуюсь с мужем и, возможно, придется воспользоваться дельным советом. Ну, привет всем нашим...

Далее я уже не слушал.

Так вот что, оказывается, уготовила мне доченька — смерть от недостатка воды... вот и расти детей. Я ведь говорил падлюке Марре—жене, сделай аборт, так ведь, шалава¹ не послушалась... а так дожилась... техникум кооперативный

¹ Шалава — воровка, проститутка.

закончила, бухгалтером стала... цуцы¹ дал сколько душе ее хотелось, хорица² чертова, фика³ стозевная...

Размышляя над позорным диалогом моей Имры, я незаметно уснул. Пробудился от того, что в горнице отчетливо слышалось оживление. Что-то привезли в комнату, но вот какую вещь — непонятно. До моих ушей доносились голоса.

Голос незнакомого мужчины. Так куда, говорите, мы его дорогушку, поставим?

Голос дочери. Возле кресла, что у стены, ему будет как раз. Постоит несколько времени.

Голос мужа дочери. А может на кухню?

Голос дочери. Ты что, с ума сошел? Я же там еду готовлю... только здесь или в прихожей...

Голос незнакомого мужчины. Вы меня извините, но не лучше ли поставить его сразу там, где покойник будет лежать? Его когда должны привезти?

Голос дочери. Скоро...

Голос незнакомого мужчины. Вот и прекрасно! Вот и определите гроб так, как это делают все добрые люди, на стулья и пускай в готовом виде дожидается своего хозяина.

Голос мужа жены. Идея мне нравится. Как, Имра?

Голос дочери. Я согласна...

Слышны шумы, характерные для перестановки мебели.

Голос незнакомого мужчины. Вот теперь все класс! Я пошел, а вам говорю «до свидания». Если вам понадобятся услуги нашей фирмы снова — приезжайте...

Голос дочери. Всего хорошего, дядя...

Вон оно что... к моим похоронам, гады ползучие, готовятся...

Интересно бы знать, а музыку они заказали? Я, когда жену хоронил, пригласил очень приличный духовой оркестр... и венки были с лентами алыми, и памятник мраморный купил для нее, хотя и не любил свою бабу. Все они козы вонючие, пиксы⁴ продажные, мочалки⁵ задрюпанные, лярвы⁶ последние...

Однако закончить мой изобличительный внутренний монолог не дала возникшая в спальне дочка. В противогазе она

¹ Цуца — деньги.

² Хорица — женщина, легко идущая на половые контакты.

³ Фика — женский половой орган.

⁴ Пикса — проститутка.

⁵ Мочалка — проститутка.

⁶ Лярва — предатель, проститутка.

мне кажется подлинной чертовкой. Интересно, что она сейчас скажет, сволочь задрпанная? Сквозь резину плохо слышно, но я все же различил ее гундосый голос.

— Папа, ты меня, конечно, извини, но тебе уже привезли хороший новый гроб... так что постарайся побыстрее на тот свет отправиться... не заставляй грех на душу брать. Уже и соседи спрашивают меня, когда ты помрешь... запах, сам понимаешь, какой от тебя смердящий валит... словно от падали, — говорит она глухо, эти фразы, а сама воду, что в бутылке налита, забирает.

Я молчу. Что ей сказать, коль губы мертвые и язык неживой! С ненавистью гляжу на свое отродье. Кто? Кто это сказал, что можно любить женщину?

— К тому же внуку нужна комната. А то в столовой разве житье молодому организму? Умирай же скорее, папа... все как нужно сделаем, и воров именитых, тех, что в законе, пригласим, и помянем, как положено, в ресторане шикарном... я ведь понимаю, что все в квартире тобой, твоим умением воровским и везением заработано, но — пора и честь знать. Хорошо, папочка? А? В последний раз уважь свою семью. Век благодарны будем...

И вдруг моя, еще довольно прочная, память выхватывает из далекого детства считалку:

Вор! Вор! Вор!
Первая кража —
совести пропажа!
Седьмая кража —
любви пропажа!
Тридцатая кража —
ну-ка!
у детей —
души пропажа,
а жизни —
у внука!

Верная считалка! Будь она миллион раз проклята! Очень даже правильная...

То, что совесть людям не нужна, так это прекрасно! «Кто по совести живет — тот черствый хлеб жует» — вдруг сами по себе легли в рифму эти слова. Любовь? Долой и эту заразу! Сколько людей из-за баб погибло, а сколько впереди

еще своей несчастной участи ждет?! А у дочери моей души совсем нет. И это огорчительно мне, ее родителю, осознавать, и теперь уже ничего нельзя поделать. Я собрал во рту сгусток тягучей горьковатой слюны, напрягся и с огромным удовольствием плюнул в противную морду противогаза. Единный энергетический порыв подхватывает меня в негодовании с постели, я с наслаждением вцепился руками в горло Имры и... внезапно просыпаюсь в поту, экзальтированный увиденным во сне кошмаром.

Надо полагать, что этот убийственный сюжет мне приснился после банкета, организованного в связи с прибытием внука в мою трехкомнатную кооперативную квартиру. Вот до чего может довести перебор французского коньяка и шампанского. Я еле поднялся, чтобы пройти на кухню и испить «Боржоми». Пошатываясь, вышел из спальни. Меня давно уже беспокоила головная боль, возникающая без всякой системы и удручающая слабость обеих ног, когда они ни с того, ни с сего отказываются выполнять свои функции и тогда мой мозг просверливает ужасающая мысль о возможном параличе с сохранением сознания до самой моей кончины, и я никак не могу освободиться от этой навязчивой идеи.

Едва я вышел из спальни и вошел в горницу, как внезапно пришла уверенность — нет, не миновать мне участи быть прикованным к постели...

Впрочем, судите сами.

Внука мы положили на ночь в маленькой кроватке в столовой, рядом со спальней Имры и ее мужа. Тихо горит на полу ночник, выполненный в виде горбатого бурого медведя, из пасти которого вырывается голубой свет, а рядом с ним на полу лежит мой голенький внученочек, а из его малюсеньких, как медные пяточки ушек, крохотных носика и ротика выливается пузырящаяся алая кровь... младенец молча извивается, словно громадный червь на паласе, захлебываясь собственной кровью. Недалеко от него валяется перевернутая кем-то кроватка...

Сбывается!

Сбывается проклятушая считалка о воре...

Ведь я, как уже понял читатель, вор. Могу добавить, если угодно, высочайшего класса... И в законе.

Д Ц П

Последние годы я постоянно думаю над проблемой: почему одни люди рождаются здоровыми, крепкими, умными, у них никогда ничего не болит, а другие появляются на свет уродами, заранее обреченными на униженное существование. Я отнюдь не имею в виду детей, родившихся от родителей-алкоголиков. Нет! Здесь все понятно, алкоголь негативно влияет на информацию, заложенную в родительских генах, а поэтому и появляется подобный результат. Хотя и в этом классическом случае возникают сами по себе вопросы типа: «Почему же мать и отец, зная, что могут родить дебила в состоянии захмеления, идут на подобный шаг?». «Тогда если это закон, то откуда встречаются в нем исключения?». Но и у совершенно здоровых отцов и матерей, исключительных трезвенников, внезапно рождаются такие уроды с кошачьими и собачьими головами, что даже у акушеров подчас сжимаются сердца от ищущей жалости и уж совсем нередко случается, что у благополучных родителей формируются младенцы с грозной болезнью ДЦП¹.

Произнесите, пожалуйста, вслух медленно, не торопясь, эти три буквы: «дэ», «цэ», «пэ» — и вы ужаснетесь!

Нередко замечаем их, этих несчастных людей в общественном транспорте, на улицах, на экранах телевидения, когда авторы передач желают пооригинальничать и пощекотать зрителям нервы и соответствующий сюжет сооружают. И добиваются своего. Жалко и до боли в душе обидно за бессилие медиков реально помочь этим людям, лишенным и без того в трудной и непонятной жизни множества маленьких, пусть всегда сиюминутных радостей и наслаждений.

Мне хочется привести печальный пример, иллюстрируя жизнь одного человека.

¹ ДЦП — детский церебральный паралич, неизлечимое заболевание

Я неплохо знал того семнадцатилетнего юношу. Умненького, тихого, скромного соседа из небогатой, но честной семьи, живущего в соседнем подъезде. Подростка звали нежно и доброжелательно — Иконька.

Что поделаешь: он был обделен судьбой в нормальном, в цивилизованном понимании жизни — учебе, работе, отдыхе... здесь ничего не переделать. Одно остается — смириться с реалиями и терпеливо переносить то, что предназначено судьбой-матушкой на своем пути.

Иконька же, как мне представлялось в наблюдении и некоторых частных беседах (меня изредко неведомая сила тянула к мальчику-уроду), не чувствовал себя обделенным, униженным, обиженным природой и уверенно считал себя таким же, как и все люди. Ну, как например, блондин не чувствует превосходства перед брюнетом, а тот, в свой черед, не относится с жалостью к шатену лишь только потому, что у него иной цвет волос на голове и еще кое-где... Иконька, временами даже гордился тем, что у него выкрученные в стороны руки и ноги, а голова почти лежит на левом плече. Что он, идя по совершенно ровному месту, мог совершенно неожиданно упасть на землю и чувствовать себя в эти минуты в центре внимания, когда на него глядят, жалеючи, люди, а некоторые из них незамедлительно бросаются на помощь. Но они никогда не совершают подобных действий, когда в шумной коллективной игре кто-нибудь из здоровых детей шумно шмякнется оземь и даже заплачет от досады и обиды. Эти моменты наводили Иконьку на его исключительность и значительность.

Но однажды пришел день, когда больной парень впервые влюбился в нормальную девушку — немножко легкомысленную, немножко простоватую, чуток кокетливую; стройную, с хорошо развитыми бедрами и бюстом, имеющую доброе сердце. Она жила в квартире, что находилась на одной лестничной площадке с Иконькой, и часто оказывала различные знаки внимания и услуги при случае: подниматься или спуститься по лестнице с третьего этажа, где он мирно жил со своими еще нестарыми родителями и двухлетней сестричкой Илочкой; на день рождения, праздник, гражданский или крупный религиозный подарить ему на память сувенирчик простенький, дружески целуя нежно при этом Иконьку в щечку или две; книжку интересную порекомендовать прочитать и он постепенно привязался к Орочке (так звали соседку) и... влюбился в нее, как это нередко.

случается с молодыми людьми в семнадцатилетнем возрасте. Вспомните себя в этот период и вы хорошо поймете состояние парня, обнаружившего внезапно свой идеал красоты, нежности, добродетели и любви совсем рядом, в самом прямом смысле через стенку, и тогда вам станет понятным состояние его трепетной души. Он, бедняжка, наивно полагал, что и Орочка питает к нему такие же адекватные или очень похожие чувства, а однажды, когда она преподнесла ему на Новый год книжку на память, где описывалась неистовая любовь Анжелики, целуя при этом Иконьку, он попытался неловко обнять ее (только теперь юноша понял, как плохо иметь руки с вывернутыми в обратную сторону ладонями) и поцеловать в губы (и лишь в этот момент мальчик сообразил, насколько неудобно у него расположена голова по отношению к туловищу). Досадуя, что у него не получились нежные объятия и ответный поцелуй, в общем-то замысел был вполне нормален для человека, он сказал ей, покраснев и немного заикаясь: «Я люблю тебя, Орочка, и очень желаю, чтобы ты, когда завершишь учебу в педагогическом техникуме (девушка училась на третьем, последнем курсе), вышла за меня замуж. К этому времени я буду работать киоскером и вместе с моей пенсией нам будет хватать на скромную жизнь...»

Естественно, он получил от нее категорический отказ. «Иконька, мой милый мальчик, — торопливо проговорила девушка — неужели ты не понимаешь, что я никогда не могу стать твоей женой? И даже просто возлюбленной? Этот альянс исключается. Никто, видно, не говорил, что тебе нужно искать спутницу для жизни среди своего круга невест, имеющих аналогичные недостатки... извини меня, пожалуйста, за правду, но, как друг, я обязана тебе ее сказать для принятия верного решения...» — именно такими словами ответила Орочка оторопелому кандидату-неудачнику в ее мужа.

И в этот драматический, во всех отношениях миг, словно яркая молния поразила молодого человека: «Калека! Калека я! Уродина...» — он громко, совсем как пятилетний ребенок, заплакал, кляня своих несчастных как и он сам, родителей — спокойную, трезвую пару с благополучными ногами, руками и шеями.

Он, читая в книгах о прекрасных, благородных дамах, без памяти влюблявшихся в калек, уродов, абсолютно старых мужчин, думал и верил, что показатели нетипичности

его тела являются ~~признаками~~ исключительного превосходства над многими, непохожими на него женихами, а на поверку оказалось совсем наоборот. Иконька рассказывал мне, двадцатидевятилетнему преподавателю физкультуры, свою историю любви, нервно дрожа всем телом и с недоверием прижимался ко мне, а слезы текли по его бледным, впавшим щекам...

Я, как мог, утешал его, говоря о предательстве, фарисействе, лицемерии, отступничестве, измене, вероломстве, ренегатстве, но Иконька не верил мне. Впрочем, он был прав тогда, отвечая одной фразой: «В этом мире все лживо...»

Через несколько часов мальчишка был обнаружен соседями, висящим в петле, сооруженной из бельевой веревки (руки не в ту сторону, но, поди, сумел же смастерить себе смертное орудие), пропитанной подсолнечным маслом. Он повесился в нашем подвале возле кладовки, каким-то образом зафиксировав второй конец веревки на выступавшей арматуре из свай, выполнявшей роль части фундамента дома. Осознание вероломного предательства дало ему силы и умения покончить с собой. Под его ногами (он покончил с собой в лучших традициях самоубийц — поставил под себя табуретку, накинул петлю на шею, поджал ноги и опрокинул ее) лежала записка, а на ней большими, почти плакатными буквами были коряво начертаны слова:

Прощайте люди и деревья!
Прощайте славные луга!
Нет у меня к вам нежного доверья,
Его не будет никогда...

Отчего? Почему? По какой причине? Зачем? С какой стати? С какой целью? Ради чего посылает небо такие жестокие наказания совсем безгрешным людям?

Кто бы смог ответить на эти «неберущиеся» вопросы?

Но вот недавно мне предоставилась возможность прочитать небольшую статью, опубликованную в прилично изданном журнале по актуальным проблемам парапсихологии. Но этому чтению предшествовала предыстория.

Ночью я увидел странный сон, согласно которому выходило, что мне суждено найти периодическое издание под заголовком «Человек и судьба», а в нем на пятнадцатой странице прочту то, что меня весьма интересует и я сумею найти разгадку волнующей проблемы. Был выходной и на

уроки в училище, где я работал, не идти, поэтому с утра направился в библиотеку. К своему немалому удивлению узнал у ее сотрудников, что да, действительно, такой журнал у них имеется и он издается ежеквартально. Я попросил записать его в мой читательский формуляр как только обнаружил, что на странице, увиденной мной в сновидении, имеется заметка с названием «ДЦП».

Немедленно, прямо в холле, усевшись в мягком кресле для отдыха, я прочел ее.

Вот краткое содержание текста.

Согласно учению о Карме¹ за любой проступок человека, направленный против подобных себе либо природы, окружающей его, нужно платить страданиями посмертно. Причем необязательно, чтобы реальные действия личности были непосредственно направлены во вред чему-либо или кому-нибудь. Даже в мыслях, если искренне пожелать человеку зла, оказывается, нельзя и это деяние входит в определение греха. За него также необходимо расплачиваться. Однако в реальной жизни встречаются такие страшные преступления, что рассчитываться за них нечестивцу нужно в длительном временном измерении — до семи поколений его прямого рода. Такая вина погашается частями через болезни и неуспехи в личной жизни детьми, внуками, правнуками... и чем больше страданий и нравственных мучений испытывает, положим, прапраправнук жертвы, тем больше мучается она... излюбленное наказание у неба за какой-либо ужасный проступок — ДЦП...

Вот и подумалось мне сразу: какой такой грех смертный учинил при жизни мой или женин родич, будь он тысячу раз неладен, что доченька наша Роченька, такой кривенькой уродилась и головку на шейке совершенно держать не может? И ноженьки левой у нее нет совсем. Живет девочка почти три годика, а в ротике у нее ни одного зубика...

Каково ей придется в жизни? Особенно, если суждено пережить мать и меня?

А нам, ее родителям, как жить далес с таким отпрыском?

Хм...

¹ Карма — одно из основных понятий восточной философии, особый закон причинно-следственной связи, пронизывающий Космос. Применительно к человеку выступает в виде обусловленности успехов и неудач его земной жизни, рассматривается как неизбежная судьба, сложившаяся в процессе реализации закона причинно-следственной связи. Изменить К. невозможно.

Но может и такое случиться — наказание я несу за свой, собственный грех, совершенный четыре лета тому назад.

И такое испытание и искупление мне дал Бог за то, что я братеньника единоутробного грибами ядовитыми отравил в канун его женитьбы на Орочке? Чтобы стать наследником дома с приусадебным участком в котором я живу в настоящее время? Родители зимой умерли и я перебрался в то место, где родился, а на квартирку свою прежнюю двух сестер пустил за плату.

Сами должны понимать, в какое время мы живем трудное. Надо крутиться...

А что делать прикажите?

СУДЬЯ И ПАЛАЧ

Два очень странных происшествия, последовавших один за другим, смутили сотрудников уголовного розыска городской милиции. И не только. Весь город говорил о них, а многие считали, что это еще на все. Мол, только начало, так сказать, старт новых неведомых бедствий, которые так прилипчивы последнее время к простым людям.

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ

Все милицейские работники и большинство их явных и тайных активистов хорошо знали Лебедуна¹, — опытного вора, совершавшего в прошлом кражи верхней одежды и дорогих вещей из квартир. Однако после четырех отсидок он, как говорится, «завязал», женился на бойкой работающей вдове с двумя дочерьми после освобождения из ИТК, переехал к ней на постоянное местожительство, устроился на металлургический завод формовщиком в литейный цех, но что-то там ему не подошло и он, спустя полгода, уволился и начал успешно промышлять в популярную в то время игру «в три наперстка». Авантюра знакома читателю, и рассчитана она на людей легковверных и примитивных, поэтому описывать это прибыльное дело не стану. Скопив подобным образом некоторый первичный капитал, Лебедун смекнул, что можно зарабатывать деньги и иным, более цивилизованным путем. А именно: оптом покупать дефицитные товары и перепродавать их, естественно, по завышенным ценам, заодно приобретая другие. С этой целью он сколотил небольшую группу отчаянных и смелых ребят, со временем купил себе место в центральном универмаге и очень скоро в одном

¹ ЛЕБЕДУН — аббревиатура: любить ее буду, если даже уйдет навсегда. Здесь и далее воровской жаргон (авт.).

из его отделов появились джинсовые куртки, юбки, брюки, шикарные фуражки, ремни, кожаные кошельки, немецкие ликеры и пиво.

Свою фирму Лебедун, как и положено, зарегистрировал в исполкоме исправно отчисляя необходимые налоги, и уже через каких-нибудь пять или шесть месяцев заработал первый миллион, который немедленно пустил в экономический оборот. Начиная бизнесмен, не имея специального образования, четко сообразил, что прибыль станет расти с быстротой снежного кома, стремительно катящегося с крутой горы, если товар продавать как можно скорее, а затем на вырученные деньги оперативно купить новую партию нужных населению вещей и скоренько реализовать их с тем, чтоб этот полезный кругооборот повторил себя, но уже в новом, более объемном качестве.

Через полтора года у Лебедуна было столько денег, что он, боясь своих лихих знакомцев, нанял себе трех телохранителей, плечистых и высоких — и плевал на всех. Ходил он отныне только в фирменных одеждах, курил сигареты «Мальборо», наряжал своих близких так, как им хотелось.

Про него ходили легенды. Например, завсегдатаи дорогого ресторана «Прима» рассказывали с восхищением, как Лебедун, однажды находясь в нем с одной довольно молодой и смазливой особой по имени Соня, заказал солистке этого заведения Вере Плаун спеть его любимую песню. Полублатную, игривую, озорную, где в припеве, исполняемом на мотив бывшего Гимна СССР, слово «холуй» удачно рифмовалось с одним весьма неприличным существительным, состоящим из трех популярных букв. Вера же то каверзное словечко не напевала, но, дойдя до него, глубоко вздохнула и делала в микрофон короткий, как выстрел из пистолета, выдох, в такт хлопая ладошами. Подвыпившая публика прекрасно понимала намек и в этом пикантном месте весело и доброжелательно аплодировала. Лебедун благоговейно слушал Веру и по его хорошо выбритым щекам текли слезы умиления. Как только певица закончила петь, заказчик бросил в сторону Плаун пачку денег. Та ловко поймала ее и, кланяясь, подойдя к микрофону, в знак особого расположения, пропела припев троекратно, но уже без аккомпанемента. Сидевший за столиком недалеко от нее мужчина, являясь представителем, так называемой кавказской национальности на глазах изумленных присутствующих, разорвал банковские упаковки двух пачек денег, подошел к

Вере и обсыпал ее сладостным дождем новеньких купюр под удовлетворительное улюлюкание пирующих в зале и яростный, призывный туш, исполняемый трубачем, гитаристом, пианистом и барабанщиком Вериной музыкальной компании.

Лебедун побледнел, но вызов принял. Он неторопливо поднялся и швырнул в Плаун пачку американских долларов. Зал охнул и взорвался неистовыми аплодисментами. Раздались вопли «бис!» и «браво!», Оппонент бывшего вора не растерялся. Он достал из внутреннего кармана пиджака две толстеньких приятных пачки зелененьких дензнаков с изображением президента США и посыпал ими певицу, с удовольствием выслушивая в свой адрес поощрительные возгласы пьяненьких клиентов. Лебедун зло покусывал свои губы и барабанил пальцами, толстыми, как сардельки, по полированной поверхности столика. Наконец он поднялся выждав, когда его соперник усядется за свое место, извинился помпезно и громко перед своей дамой, а в образовавшейся тишине, поднял с пола стоявший под столиком «дипломат», окантованный по периметру блестящей лентой и, кривляясь, подошел к Вере. Бесцеремонно похлопав свободной рукой по ее тощему и плоскому заду, на что солистка криво улыбнулась, но промолчала. Лебедун открыл саквояж и вытряхнул под ноги Плаун многие десятки пачек денег, в коих, как утверждали знающие люди, находился ровно миллион. Кавказец растерянно развел руки в стороны, разгладил пальцами обеих рук черные усы и выпил из бокала стоявшее перед ним вино.

Вера, вся красная от огромного возбуждения и от неслыханной удачи, поцеловала Лебедуна три раза в щеки, погладила рукой его затылок, бойко шагнула к микрофону и повторно исполнила под сплошные аплодисменты песню, где в ее припеве шаловливо встречается существительное «холуй». На этот раз в том месте, где она раньше шумно выдыхала воздух. Вера делала многозначительную паузу, и в это время владелец секции в центральном универмаге смачно произносил то запретное слово, которое так охотно пишут мальчишки, а теперь уже и девчонки на заборах и стенах домов. Нечего и говорить, что после этого знаменитого эпизода Лебедун покрыл себя неувядаемой славой у многих представителей бизнеса. О нем рассказывали с восхищением, восторгом и нескрываемой завистью.

Поступок Лебедуна, всколыхнувший нравственный и национальный потенциалы многих граждан города, дошел до его жены. Но та, видно, смирилась с тем, что ее муж не такой, как все порядочные мужья, и вместо ожидаемого общественностью скандала, слегка пожурила его за напрасно истраченный миллион, который, по ее мнению, следовало направить в торговый оборот. На что ее супруг заметил снисходительно и дерзко: «Не твое собачье дело!». На этом инцидент был исчерпан. Что же касалось спутницы ее разгульного супруга, то Вероника Кирилловна сказала в узком кругу жен местных бизнесменов: «На мой бабий век Ромочки мне хватит с избытком. Я не ревную. Он у меня мужик крепкий. Без сносу...»

И вот буквально через неделю после совершенного подвига в ресторане «Прима» обескураженная Вероника Кирилловна обнаружила своего строптивого мужа ночью в запертом изнутри туалете, совершенно бледного, едва дышащего с петлей на шее, сооруженной из связанных между собой двух испанских черных колгот. Второй конец сей импровизированной веревки был надежно закреплен за ржавую ручку сливного бачка. Хозяйка тихо ахнула, но совладав с собой, быстренько перерезала ножницами петлю, по телефону вызвала «неотложку», а сама, как умела, до ее приезда, вместе с перепуганными дочерьми и их мужьями, оказывала первую помощь пострадавшему: брызгали на лицо и грудь холодной водой, махали перед лицом Лебедуна большим махровым полотенцем и эпизодически крестились по православному обычаю.

Прибывшая на удивление быстро медицинская бригада во главе со слегка выпившим пожилым врачом, сделала искусственное дыхание, инъекцию камфоры в мышцу руки и, уже почти безжизненного Лебедуна увезли в реанимационное отделение городской клинической больницы № 4, где он к утру тихо скончался, не приходя в себя.

Смысл его нелепой смерти дежурный токсиколог, молодой, решительный врач Грачев определил сразу, но, исполняя свой долг, все же провел необходимую терапию, применяемую при отравлениях, поскольку именно на этой версии настаивала Вероника Кирилловна, утверждая, что ее благоверный отравился маринованными грибами и в беспомоществе совершил над собой насилие. Лебедуна через зонд промыли желудок, кишечник. Но тот не приходил в себя из его сердца угрожающе трепетало, как рыба, выброшенная

штормом на берег. Ему поочередно вводили строфантин, поставили капельницу с глюкозой и кокарбоксилазой, провели другие манипуляции, предусмотренные для подобных случаев целевой методикой. Но, как говорится, медики сделали все, что могли однако, судьба у Лебедуна была такой, как и была...

Через пять дней покойный бизнесмен мог бы праздновать свой полувесковой юбилей. И многое уже было сделано членами семьи к предстоящему пятидесятилетию: и гости именитые приглашены, и подарки приобретены, и шампанское с коньяками и водкой закуплено, не говоря уже о деликатесных и редких закусках.

Теперь эти продукты питания и спиртные напитки нашли несколько иное применение: их выпили и съели через три дня после усыпления Лебедуна его корешами и знакомцами. Близких родственников у него уже не было.

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ

Ровно в полночь 3 мая произошло еще одно странное событие: с балкона своей пятикомнатной квартиры выбросился Виктор Сергеевич Розенберг, семидесятилетний художник, баловень судьбы и красивых женщин. Его имя было хорошо известно в кругах богемы и горожане втайне своих душ гордились тем знаменательным обстоятельством, что среди них жил такой знаменитый человек, коим являлся Розенберг.

Если быть уж совсем откровенным, то, как живописец, он был мастером средней руки и Виктор Сергеевич, к счастью, последнее время понимал этот факт и не кичился, как это делают обычно люди его круга, считая, что самый выдающийся художник времени именно он, и никто другой. Но судьба-злодейка распорядилась так, что ему было уготовлено место либо руководителя кружка юных рисовальщиков во Дворце культуры, либо оформителя в художественно-производственном комбинате. Ему бы, таланту, денег немножко, то бросил бы немедленно все эти дела по оформлению усадеб колхозов и совхозов, площадей и учреждений или клятую кружковую работу и трудился бы вдохновенно, создавая один за другим шедевры мирового значения. Валюту бы зарабатывал. Но нет, не везет в жизни... увы!

Так вот Виктор Сергеевич обладая заурядными способностями в живописи, тем не менее преуспел, рисуя маслом на полотнах, как это делали многие, портреты вождей, народо-созидатель самого справедливого и совершенного общества в мире, имя которого коммунизм, творил карикатуры на мировых капиталистов и их прихвостней. Этим трудом Розенберг заработал не только престижный орден Дружбы народов и две медали, тридцать одну Грамоту, но и право, чтобы его увеличенный поясной портрет висел на Доске почета, которая скромно называлась «Лучшие люди».

К чести Виктора Сергеевича он совершал для города и добрые, нужные поступки. Именно: создал приличный художественный салон, организовал в краеведческом музее секцию «Наши художники», какими-то неведомыми путями разыскивал у частных лиц полотна Репина и Поленова, Васнецова и Айвазовского, Верещагина и Брюллова, и многих других талантливых авторов, беря, правда, за это комиссионные, однако, то было его личное дело. Он являлся бессменным депутатом городского совета народных депутатов и непременно участником всех торжественных событий, происходящих в стране, ежегодно устраивал свои вернисажи и изысканно принимал поздравления своих коллег и почитателей.

И вот как сбиваясь рассказывала сестра Розенберга Нина, оставшаяся переночевать у брата, она почувствовала себя после выпитого сухого виноградного красного вина по случаю ее приезда в гости, неважно, вышла на балкон подышать свежим воздухом и придти в себя, как внезапно увидела там Виктора Сергеевича. Возбужденный, он с сигаретой в руке, не видя гостью, судорожно глотал через нос и рот воздух. У Нины мелькнула было мысль, что брат отравился и собиралась заговорить с ним, но тут внезапно, к ее неопишуемому ужасу как-то уж очень ретиво подпрыгнул и на манер циркового акробата ловко перевернулся через перила балкона и с душераздирающим долгим, протяжным воплем полетел вниз. Спустя несколько секунд Нина услышала глухой характерный шлепок — то ударилось об асфальт тело ее несчастного брата.

В страхе она разбудила жену Виктора Сергеевича, которая начала немедленно вызывать по телефону карету «скорой помощи», а сама с его дочерью и девятилетним внуком заспешила вниз. Возле тела Розенберга уже стояло несколько человек, а один из них, назвавшийся врачом, пытал-

ся привести в чувство выпавшего с шестого этажа пожилого человека.

КОМАНДА ВОНАВИ

Как сообразил догадливый и проницательный читатель, небольшой пролог был необходим автору не только для того, чтобы заинтересовать тех лиц, которые начали читать эту правдивую повесть, но, как это будет видно в дальнейшем, посильнее заморочить голову любителям детективного чтения и ввести их в заблуждение по поводу двух событий, происшедших в один и тот же майский день. Одновременно с этим автор приглашает читателя самостоятельно попробовать отстроить свою версию самоубийства, как это сделали работники уголовного розыска городской милиции, несмотря на то, что ни прокурор, ни родственники и близкие погибших их этого делать не просили, тем не менее на одном из оперативных совещаний при заместителе начальника милиции, которое проводил Вонави Алексей Иванович, этот неясный вопрос всплыл сам по себе и ему было придано соответствующее значение и начато предварительное дознание.

Вонави за последнее время пережил кучу всяческих неприятностей¹ от строптивого начальства, но теперь, немного оправившись после автомобильной аварии, в которую он попал в предновогоднюю ночь, приступил к исполнению своих прямых служебных обязанностей.

Сюжет повествования требует, чтобы мы проследили за указанным совещанием и поэтому воспроизведем его без купюр. Но не всю планерку, а только ту его часть, что имеет прямое отношение к Вонави и его команде.

Вонави. Теперь, после того, как мы разобрались с делом Остапенко, прошу вас высказать свои соображения в связи с гибелью Лебедуна и Розенберга, если таковые имеются.

¹ Автор надеется, что читателю известно имя Вонави и он не нуждается в особом представлении, а для тех, кто не знаком с этим талантливым сыщиком, вскользь доложу: в практической деятельности майора «проколов» почти не случалось. Никто иной, как именно Вонави раскрыл такие безнадежные уголовные дела, как таинственное убийство Сабурова и его жены, серию тяжких преступлений, совершенных на даче генерала Тарасова, разоблачил опасного преступника Васильцева и тем самым обнаружил легендарный алмаз «Иван-царь», вышел на преступную группу, занимавшуюся кражей детей с последующим их выкупом... «Перечень» «заслуг» Алексея можно продолжить.

Мне сдается, что в цепочке, состоящей из двух зловещих звеньев, задействованы одни и те же мотивы. Возможно, нам скоро придется заняться самоубийствами как и положено сыщикам.

Сидоров. Позвольте я?

Вонави. Конечно.

Сидоров. Я разумею так: здесь налицо месть старых дружков Лебедуна. Мол, порвал с прошлым, ладно, черт тебя побери! Но вот чего корешей не празднуешь, на работу не берешь, как это делает Могильный, шеф стройки? Возможно, у Лебедуна были встречи с приятелями по исправительно-трудовой колонии и они просили у него деньги или же высокооплачиваемую «козырную» работу? Дескать, миллион под ноги певичке третьесортной швырнул, а своему старому товарищу тысячу на обустройство пожалел... вот и обиделась мстительная братня. Помните, как придушили и положили под проходящий поезд Швыдко за то, что тот отказал бывшим сокамерникам в материальной помощи? И здесь такое может произойти: пришли в гости, водочки напились и задавили дружочка, выясняя отношения, в то время как жена его спала. Сейчас не только цены бесстыдно вверх растут, подпрыгивая, но и преступность одновременно с ними изощряется...

Вонави. Версия заслуживает внимания. Вполне может быть и такое развитие событий. Логике не противоречит. Кто еще имеет собственное мнение по данному вопросу?

Голиков. Хочу и я высказать кое-что...

Вонави. Говорите.

Голиков. По поводу Лебедуна. Я неплохо знаю его жену. Она не такая смиренная, как думают многие, мало того, что имеет судимость — в девичестве принимала участие в нападении на инкассатора вместе с другими сандитами, и как мне известно, по сей день терроризирует своих соседей и соседок. Особенно, когда выпьет стаканчик вина. Она отлично владеет приемами рукопашного боя и может быть очень опасна в гневе. Так вот: после случая в ресторане «Прима», не могла ли она, Вероника Кирилловна, ему отомстить? Все до единой женщины ревнивы, если у них нет патологии, а повод для этого имеется весьма серьезный. Навестили Лебедуна дружки-товарищи, как говорил Сидоров, выпили. Возможно, разговор крутой у них вышел. Пришельцы поздним вечером уходят, а Вероника своему муженьку связанные колготы, пьяненькому, на шею прицепи-

да — и к сливному бачку в туалет... потом беспокойства за его жизнь начала симулировать. Таким образом двух заи-цев сразу убила: и от мужа-гада-изменщика избавилась, и в наследство вступила немалое. Это одно. И — второе. Ра-зенберг, по-моему, решил сам свести счеты с жизнью по мотивам, связанным с сегодняшними реалиями. Писать портреты правителей не требуется. Тематика народа-творца нынче успехом не пользуется. К тому же его начали мерзко и дерзко травить за то, что он верой и правдой служил в свое время КПСС и выполнял социальные заказы правящей партии. А отказаться, как это делают сейчас многие, он не мог. Да и куда деваться: картиночки-то, что в музее хранятся, в газетах, и журналах публиковались. К чему и клоню? Перед самой его смертью в нашей газете «Вперед» был напечатан хлесткий фельетон «За ушко — да на солнышко!». Его автор, журналист Савойтин, кажется, прямо указывал на Виктора Сергеевича, называя его «пособником транни и мракобесия», который «плясал под бездарную дудку коммунистов». А художники, они, известно, народ впечатлительный, переживательный и психически неуравновешенный. Вот и... срыв у него произошел.

Вонави. Мысли интересные. Противоречий они у меня не вызывают. Сейчас, по крайней мере. Кто еще что желает сказать по существу?

Охтеня. Я такую идею слышал от своего соседа Кукамышика, который, оказывается, хорошо знал Лебедуна. Между прочим, это его кликуха, а на самом деле у него фамилия Прохоренко. Сосед рассказывал, что Лебедун вступил в переговоры с неким малым предприятием, находящимся в Киеве, и условился с его дирекцией, что сумеет приобрести у них значительную партию кепок и фуражек. Те, следуя предварительной договоренности, товар подготовили, а Прохоренко возьми, да и не вывези его. Конфуз! Свой отказ он мотивировал тем, что резко подорожал бензин и, соответственно, услуги автотранспортного предприятия, и теперь ему не выгодно привозить головные уборы за тридевять земель. Киевляне, естественно, возмутились, поскольку вместо ожидаемой прибыли они получают взамен непланируемые убытки и посулили заказчику большие неприятности, если он не заберет товар. И далее, как нетрудно сообразить, они вполне могли отомстить Лебедуну. Сидоров на этот момент, думаю, указывал справедливо. Но и его расчудесная краля также сумела б руку приложить к муженьку с помощью

«надутых» Лебедуном продавцов оптовых заказов. Пришли к нему в гости найти так называемый консенсус. Не вышло. Они вступают в сговор с Вероникой Кирилловной — и...

Вонави. Хм... любопытно. Богатая у вас фантазия. И это хорошо, что перспективно работает мозг. Если имеется идея в сознании, то она может быть реализована и в действительности. Хорошо думаете. И это без улик и фактов. Скажем так: в процессе деловой игры. А если добавить вещественные доказательства, то, представляю, чего вы только не создадите. Хвалю. Кто еще может принять участие в создании гипотез? Не стесняйтесь.

Медведкин. У меня, если позволите, имеются некоторые конкретные соображения.

Вонави. Ваклыдавайте свои соображения.

Медведкин. Хочу высказать версию касательно Розенберга. Маститый художник имел врагов. Поясню. В той же статье, о которой так к месту упоминал капитан Голиков, помещена интересная информация о том, что Виктор Сергеевич, являясь главной Союза художников нашей области, не давал ходу молодым талантам. Всячески препятствовал им участвовать в выставках, писал крайне неблагоприятные отзывы и рецензии на картины, обвиняя их в набившем оскомину абстракционизме и формализме, отсутствии подлинного профессионализма. Так вот: а не могли ли молодые да талантливые ребята, но с криминальными наклонностями, убрать со своего пути сухаря Розенберга, дабы тот не мешал им восходить на Олимп? Как-нибудь подмешать в вино психотропных порошков с конкретной программой самоубийства и вручить бутылочку под удобным предлогом своему заклятому врагу? А тот, напившись до чертиков, много ли старику требуется, очумел. Представил себя, например, совой или филином и полетел над ночным городом? Может быть такое? А?

Вонави. Хм... теоретически возможен и такой ход. Мне мой коллега рассказывал, что бывший ученик таким образом довел до сумасшедшего дома учителя за то, что тот соблазнил его жену. Но истинность, как известно, со школьной скамьи, проверяется только практикой. Еще, возможно, есть желающие?

Голиков. Наверное на сегодня все. Вы же, Алексей Иванович, знаете, что отдел не занимался специально этим

вопросом. Экспромт, так сказать, получился. Теперь станем думать и над этими случаями.

Вонави. Знаю. Но все же давайте-ка поизучаем и поищем причины смертей Лебедуна-Прохоренко и Розенберга. Поступим так: Сидорову, Голикову, Медведкину поручается отработать высказанные здесь версии, а через неделю продолжим разговор. Голиков, как старший, распределит, кому какой участок исследовать и он будет координировать дознание. Разумеется, им нужно заниматься своими версиями параллельно с целевыми заданиями, которых, как мне помнится, не так уж и мало. Вопросы ко мне есть?

Голиков Нет, Алексей Иванович.

Вонави. Тогда — за службу. Как и условились, всем отделом встречаемся через семь дней, в следующий понедельник, то есть. Удач и успехов!

СИДОРОВ (расследование)

Получив задание, старший лейтенант МВД Анатолий Сидоров несколько приуныл. Он внезапно понял истину, бытующую в милицеских кругах: инициатива наказуема, поэтому не высовывайся! Ну, что ему стоило промолчать на предложение Вонави, как это сделали остальные сотрудники розыска и не высказывать на передовую с идеей мести сокамерников? Сам себе напросился на дополнительное задание, а у него, у Сидорова, находится в производстве более десятка совершенных преступлений. И конца им не видно... Впрочем, с другой стороны, это не так и плохо: обратил на себя внимание начальника и одновременно заслужил от него похвалу, на которые Вонави не больно охоч. Следовательно, майор дал ему ясно понять, что молодой сыщик находится на правильном пути. И если удастся доказать, что Лебедуна убили злоумышленники и выявить преступников, то это будет самое знаменитое дело за время службы Сидорова в уголовном розыске. Может, на сей раз повезет и он сумеет «раскрутить» его и выйти на верный след. Что ж, фамилия Сидоров ничем не хуже Холмса, Мегре, Вонави. И как прекрасно она смотрится в таком знаменитом перечне. Замечательная служба у него — интересная, постоянно наполненная сюрпризами и неожиданностями.

Сидоров — сухопарый, высокий, смуглый, с небольшими как у Вонави, усами, только черного цвета, между тем как

у его шефа они светлые, двадцатипятилетний, принадлежал к той категории людей, что не любят откладывать важные дела в долгий ящик и никак не могут успокоиться, пока у них не появится какая-нибудь конкретная информация того или иного качества. В этом штрихе он был похож на Вонави — тот также не умел спокойно жить до тех пор, пока не выяснит, хотя бы в общих чертах то, что его интересует по службе или быту, в личной жизни.

Отсюда можно сделать вывод, что и Сидоров и Вонави были по типу высшей нервной деятельности холеричными натурами. Однако различия у них имелись и существенные. Сидоров был высок и худ, что определяло его как человека, не меняющего так просто свои взгляды, упрямого, однолюбца, отстаивающего свое мировоззрение и за идею, готового идти на костер, как Джордано Бруно. Вонави, как и большинство людей небольшого роста, неосознанно исповедовал принцип: «Я маленький, но я всем вам покажу!». Само собой разумеется, Алексей никогда и никому не говорил об этом, а сам, и это скорее всего, вряд ли знал эту энергетическую установку, но тем не менее дела обстояли именно так. Люди с подобными психологическими характеристиками великие служебисты и добиваются значительных успехов в любой отрасли, где им приходится трудиться. Подобный тип личностей очень целеустремлен, умен, смел, отчаян, способен на риск: именно о них говорят в народе: «Таких и пуля не берет!».

Вообще-то люди с «малым телом» постоянно требуют к себе внимания, но они обидчивы и, повторяю, любят, когда вокруг них все вертится, крутится по задуманному ими сценарию. Поэтому, если начальствующее лицо имеет малый рост, то оно не позволит спать на работе своим подчиненным, да и само постоянно будет находиться в первых рядах, личным примером заражая, показывая и доказывая, что в жизни нет «неберущихся» вопросов и проблем, если их компетентно разрешать.

Ну, хорошо.

Спустя час после короткого совещания у Вонави, Сидоров находился в центральном универмаге. Он быстро разыскал торговую секцию, где прозавали свой товар люди. Лебеда — молодая, изящная женщина, не знающая меры в макияже и пожилой, но импозантный мужчина, одетый в китайский джинсовый костюм, своим внешним видом он как бы рекламировал свою продукцию.

Сидоров негромким голосом отозвал его в сторону, предъявив свое удостоверение, при беглом изучении которого продавец мигом из бравого и независимого человека превратился в настороженного и слегка испуганного обывателя.

— Слушаю вас, — уныло проговорил он и с серьезным видом нахмурил свой высокий красивый лоб.

В эту минуту джинсовый человек стал похож на классического мыслителя, чему явно способствовала и его довольно приличная лысина. Недостаток волос на голове с лихвой компенсировался окладистой бородой, черной с проседью в центре и по бокам, и такими же усами.

— Я по поводу смерти вашего шефа, — многозначительно произнес Сидоров, пряча удостоверение во внутренний карман серого в черную полоску пиджака. — Здесь, где-нибудь мы сумеем на пару—тройку минут уединиться, — он посмотрел по сторонам, фиксируя свой взгляд на задрапированном шикарнейшей голубой тканью симпатичном уголке, оборудованном за прилавком секции.

— Разумеется, разумеется, — засуетился торговец кепками и фуражками, — сейчас все организуем по первому сорту, — он обратился к своей напарнице, — Зочка, я здесь побеседую с сотрудником уголовного розыска, поэтому обеспечь мой участок работы.

Сидоров великолепно понял его нехитрый замысел: и коллегу предупредить, и одновременно возвысить себя в ее глазах. Смотри, мол, Зойка, какие ко мне люди запросто заходят! Так-то вот!

Они прошли за занавески и разместились на двух мягких стульях. В отгороженном для отдыха и небольшого склада готовой продукции местечке, было спокойно и уютно. Голубоватый, нежный и приятный свет, проникающий сквозь ткань, расслаблял и располагал к диалогу.

— Спрашивайте! — горделиво проговорил продавец, представившийся как Пилипенко Филипп Филиппович, раскрывая желтый саквояж, стоявший у письменного стола, который никак не желал открыть свои два блестящих замка.

— Скажите, что лично вам известно об обстоятельствах самоубийства Лебедуна? — строго проговорил Сидоров, доставая из деловой папки чистые листы бумаги для оформления протокола.

Однако продавец молчал, старательно пытаясь открыть свой непослушный саквояж. Наконец это ему удалось и он ехидно и со значительностью в голосе внушительно ответил:

— Думаете, что только у милицееких трудятся перспективныые да ясновидящие? Нет же! Нетушки! И здесь таковыы имеются, — радостно улыбаясь, Пилипенко протянул Сидорову вынутые из «дипломата» два листа бумаги, сколотые крупной канцелярской скрепкой.

— Что это? — искренне удивился сыщик. ным взглядом профессионала, — продолжал радоваться Филипп Филиппович и потирал довольно ладони своих худых рук.

Недоумевая, Сидоров глянул на первую страницу. На ней большими с наклоном в левую сторону буквами, аккуратно было записано следующее:

Заявление начальнику городской милиции Пилипенко Ф. Ф., проживающего по адресу: Борогorsk, ул. Тепличная, д. 7, кв. 32.

Предвидя возникшие вопросы со стороны Ваших сотрудников в связи с гибелью коммерческого директора Прохоренко А. К. по прозвищу Лебедун, которое за ним осталось после отбытия заключения в колонии общего режима, могу сообщить следующие факты...

— Ого! — воскликнул пораженный дальновидностью Пилипенко Сидоров, — эоо вас угораздило... ясновидящий!

— Дальше, дальше читайте повнимательней, — восклицал Филипп Филиппович, — а когда досконально изучите сей примечательный документ, то ответьте без обиняков: смог ли я быть профессиональным сотрудником вашей фирмы? Или нет: доложите о моем заявлении своему начальнику, пусть он проведет экспертизу. То-то...

Между тем Сидоров продолжал читать:

... Я относительно плохо знал своего хозяина, но могу с уверенностью сказать, что упомянутый мной Прохоренко А. К. изменял своей жене по крайней мере с двумя женщинами одновременно. Одна из них — Жженова Зоя Васильевна, работает в универмаге в секции готовой продукции. Вторая мне не известна, но я примерно знаю дом, в котором она проживает. Если Вы надумаете использовать сообщенные мною в Ваш адрес сведения, то убедительно прошу не указывать источник получения данной информации, которая, надеюсь, может оказаться весьма полезной. Женщины, а особенно люби-

мы, могут знать очень много. Это я вам точно, со знанием дела, заявляю.

Одновременно с этим заявляю, что Прохоренко А. К. имел заклѣтого врага в лице бывшего зека по прозвищу Бзик (настоящая его фамилия мне не знакома, но знаю, что он постоянно торгует на вещевом рынке цитрусовыми) низенького роста, плюгавенький, часто небритый, заикается и любит выпить, на руке наколка в виде морского якоря, а на указательном пальце татуировка «КОТ»¹. Считаю, что в смерти Прохоренко А. К. этот человек не виновен — большой трус и подонок.

Лично мое мнение такое: гражданин Прохоренко А. К. покончил с собой по собственной инициативе. Скорее всего боялся предполагаемой расправы со стороны коллег из г. Києва. Поясню: Прохоренко А. К. не вывез обговоренный с ними товар (кепи, фуражки импортные) с той фирмы, имеющей название «Без проблем» и ее крутые представители пригрозили убить его и закатать в асфальте, а секцию в универмаге сжечь. Больше, к сожалению, ничего доложить не могу. Но если у Вас появится желание и возможность привлечь меня в свои тайные ряды, то я всей душой с вашими доблестными сотрудниками буду стараться быть полезным народу и правительству.

Внизу этого странного заявления стояла подпись Пилипенко и печать малого предприятия «Орион», которая теперь, надо полагать, находилась у Филиппа Филипповича.

— Ну, как? — спросил с нетерпением автор записки. — Как я лихо вычислил ваш приход ко мне на службу и ваше желание побеседовать со мной, а не с Зойкой?

— Молодец, — похвалил его Сидоров, — я обязательно ознакомлю свое высшее руководство с этим замечательным текстом. Однако, ваше прекрасное заявление не избавляет меня от вопроса, а вас — от ответа на него. Скажите, пожалуйста: а откуда у вас такая уверенность, что ваш патрон, человек в целом-то независимый, своевольный, смелый, решительный, смелодушничал и убил самого себя?

Пилипенко погладил ладонями свою лысину, и с достоинством ответил:

— А этот вопрос предназначен скорее всего для консультанта-психолога либо для опытного психиатра, а не для человека, промышляющего продажей в универмаге товаров, поль-

¹ КОТ — аббревиатура: коренной обитатель тюрьмы. Или: «Кто он такой». Ответ читается с обратной стороны справа налево: «Теперь он колонист».

зующихся повышенным спросом. Не знаю... поэтому и не могу ответить, а врать не привык. Я всегда за правду борюсь. Но вам от всей души скажу так: страх перед неизбежной расправой — большое дело. Здесь и сомневаться не приходится, — поучал он к досаде Сидорова.

— Допустим, — согласился старший лейтенант, — однако вы категорически отрицаете возможность насильственной смерти Прохоренко. А с другой стороны пробуете подвести под нее фундамент.

— Да, — с достоинством отвечал продавец, — это невозможно физически. Поверьте мне: Лебедун очень сильный человек. Он о свое колено запросто ломает силикатный кирпич. Сам видел. И такой эпизод был в его жизни. Как-то в наше заведение наведывались ребятки, палогом денежным соби-
рались предприятие обложить, но директор один вышел против пятерых накаченных, высоких хлопчиков. Ихнего заводилу крепенько взял за лацкан модного красного пиджачка и тихо, но внушительно сказал ему: «Еще раз появишься — убью!» — и так, совсем легонько, толкнул его в лицо ладонью. Так вы бы видели, как смущенно и униженно потопали ребятки на полусогнутых дырлах¹, поспешили туда, откуда появились эти амбалы², — говоря фразы Филипенко продолжал насмешливо поглядывать на Сидорова. — Тогда у него не было страха, а потом появился...

— Хорошо. Ладно. Подумаю, — ответил Сидоров, укладывая исписанные предупредительным Филиппом Филипповичем листы в папку, и, махнув рукой, сказал: спасибо — и до свидания. А ваше заявление я покажу начальству.

— Прекрасно, — ответил Филипенко, — если появятся вопросы — заходите запросто, — приглашал он старшего лейтенанта, всегда готов оказать посильную помощь в розыске.

Раздосадованный Сидоров свой путь направил по адресу, где проживал Лебедун. Тот обосновался рядом с универсамом. Всего улицу перейти и подняться на шестой этаж девятиэтажного дома, что хорошо просматривался с бывшей работы любителя сорить денежными купюрами.

Дверь ему открыла Вероника Кирилловна, моложавая, бойкая женщина. По ее внешнему виду нельзя было определить, что она находится сейчас в трауре. Сидоров представился и был немедленно приглашен в горницу, уставленную

¹ Цырлы — ноги.

² Амбал — физически крепкий человек с низким интеллектом; исполнитель.

красивой и дорогой немецкой мебелью, выполненной в стиле «модерн».

— Что желаете узнать? — негромко спросила старшего лейтенанта Вероника Кирилловна, указывая ему на голубой диван, а сама присев на небольшой высоконький стульчик, из плетеной ивы, покрашенной под серебро.

— Меня интересует единственный вопрос: как провел последние часы своей жизни ваш супруг? Не заметили ли вы в его поведении что-нибудь необычное, настораживающее близких ему людей? Согласитесь, должны быть чрезвычайно веские причины, чтобы расстаться с жизнью столь легкомысленно и тривиально человеку, у которого имеется все...

Сидоров подумал, что независимо от ответа жены Лебедуна, задание Вонави он уже частично выполнил и теперь сможет заняться тем, что беспокоит его довольно долго — дерзкие угоны с грабежом, совершаемые по одной и той же методике: «голосует» молодая, прилично одетая пара (каждый раз разная: грим, другие члены шайки?) молодых людей, едут помаленьку, а перед светофором, который зажигает красный свет, преступник, сидящий на заднем сидении, вытаскивает из кармана пистолет, приставляет его к виску водителя и приказывает ему скоренько выйти из машины. Его место занимает спутница наглеца. Ситуация в этой связи возникает довольно необычная. Перед светофором скапливается много легковых и грузовых машин и поэтому водители с досадой и нервозностью наблюдают за растерянным владельцем «Москвича» или «Вольвы», внезапно выскочившим из своего автомобиля и тем самым создающим критическую обстановку на транспорте. Ему сигналият, но ограбленный человек очумелый от неслыханного хамства, никак не может сообразить, что ему нужно делать в эти драматические минуты. А преступники, точно рассчитав свой криминальный маневр, благополучно скрываются в неизвестном направлении. Совсем недавно подобным образом была отнята машина у сына заместителя председателя исполкома и теперь ходом расследования интересуется не только его обеспокоенный папаша, но и его непосредственный начальник. Так сказать, для стимуляции процесса дознания. А с начальством дело иметь — только настроение портить.

Вонави очень настороженно относился к любому уровню руководящего состава и однажды резко высказался при сотрудниках, что все правители — мафиози и они коррумпированы, за что получил приличный нагоняй от полковника мили-

ции Голубенко. Но при всем при том подчиненные Алексея чувствовали себя надежно и знали, что Вонави их в обиду не даст. Он неоднократно говорил, что начальство своим высокомерным поведением провоцирует криминал и нередко он выражается в неосознанной мести злоумышленников за те обстоятельства, которые понудили его стать на путь правонарушений. Может так оно и есть на самом деле...

— Как провел последние часы Антон? Обычно. На кухне с друзьями немного выпили, закусили, чем Бог послал, поехали песни о Мурке, поезде дальнего следования Пенза — Москва, Гопе-со-Смыком. Подурачились маленько и разошлись по домам. Антон корешей провел немного и скоро вернулся обратно. Спать лег. Правда, около полуночи его поднял с постели телефонный звонок. Но разговаривал Антон с абонентом недолго. Потом зашел в спальню и сказал мне: «Ты спи, а я в туалет зайду... что-то стал революционное...». И все. Я и уснула, не дождавшись мужа. Сами понимаете, за весь день намотаешься, устанешь, годы уже не молодые, за сорок мне... просыпаюсь глубокой ночью в беспокойстве, а Антона рядом нет. Он у меня по-всякому может вести по отношению ко мне, но вот, чтобы спать в мою постель не приходиться — такого факта еще ни разу в нашей совместной жизни не было. Я поднялась посмотреть, где Антон. Нет, в комнатах его не было видно. В двух живут мои дочери с мужьями и с нами особых отношений не поддерживают — у них свои дела. И Антон старался не замечать их. Тогда я направилась в туалет. Закрыт. Я не на шутку обеспокоилась и дернула дверь к себе. Крючок там слабый и сорвался с петли сразу. В комнатухе увидела то, что не дай Бог никому смотреть. Мертвый мой господин. Лицо у него посинело, язык изо рта вывалился, а на бороде и губах пузырчатая пена, лицо поцарапано ногтями. Видно, когда он смерть себе придумал такую лютую, мучительную, в агонии сообразил, что надобно повременить на тот свет отправляться, пока своя настоящая не заявится и пытался, бедный, разжать петлю. Но капрон есть капрон... я скоренько на кухню, схватила нож и высвободила Антона из удавки. Он был еще теплый. «Скорую помощь» вызвала, но медики ничего не смогли сделать. Врач так и сказал мне: «Чуток бы раньше... хотя бы на полчаса...» Увезли его в реанимацию. Так и загинул мужчина в расцвете сил. Значит, думаю, судьба у него именно мученическую смерть принять... И такая мысль была: может грибами отравился и с ума сошел, но врачи ничего в его кишеч-

нике не нашли...

Она умолкла и выжидательно посмотрела на Сидорова — что он скажет теперь?

— Скажите, Вероника Кирилловна, вы не помните, о чем беседовал по телефону ваш муж? Может, слова, фразы какие память удерживает? Очень важно.

— Нет. Там и вспоминать нечего. Диалог очень хорошо запомнила. Рассказать?

— Да, пожалуйста.

— Значит так. Звонит телефон. Обычно телефонную трубку беру я, но на этот раз Антон был рядом с аппаратом и упредил меня. Сказал: «Сам послушаю, кому это, на ночь глядя, хочется пообщаться? Алло? — спрашивает, — говорите! Алло! Перезвоните...». Через некоторое время звонит телефон повторно. Слышу, Антон говорит: «Здравствуйте, чем могу быть полезен? Да, это я». Ему кто-то что-то говорит. А мой-то в завершение отвечает: «Все понял. До свидания». Вот и весь разговор. Я и поинтересовалась у него: «Кто это так поздно беспокоит? Начальство?». Он усмехнулся и отвечает: «Оно самое... начальство...» — и к этой теме более не возвращался, велел, чтобы спала, а сам в туалетную комнату по своим делам отправился..

— Хорошо. Но ответьте мне еще: не заметили ли вы в поведении мужа изменений после телефонного звонка? Беспокоиться начал, суетиться, например?

Может и в самом деле прав Охтеня, высказав догадку, что киевляне решили пугнуть и Лебедун после разговора по телефону принял решение убить себя? Вот и Пилипенко об этом же... Пьян был хозяин квартиры и подумал на хмельную голову: нате, выкусите, суки позорные! Ни фиги не выйдете из вашей затеи! Никакой неустойки от меня не дожидесь! Сдохну, а не отдам! И удавился под впечатлением.

— Нет, нет все как всегда...

— Не обратили внимание: телефонный звонок был обычный или же междугородний? Вам ясен мой вопрос?

Отчего же не понятен? Нет, нет, это я утверждаю категорически: звонок был местного происхождения.

— Ладно. Спасибо и на этом. Но, думаю, нам еще придется повидаться.

— Как скажете, как скажете, — бойко, как сорока, затараторила Вероника Кирилловна. — Как сочтете нужным. У меня от милиции теперь тайн уже нет совершенно, — она лукаво подмигнула Сидорову и шаловливо погрозила ему

пальцем и он подумал: нет, не проста супруга у Лебедуна, ее просто не возьмешь.

Хитра бабенка. И умна. Но вот задача: чего она не печалится по поводу постигшего ее горя? Или же... для нее это не горе, а как раз-таки наоборот?!

— Тогда — до свидания, — он поднялся и направился к выходу, продолжая размышлять о причине хорошего настроения у Вероники Кирилловны.

— И вам того же, — отвечала весело хозяйка квартиры, — не болейте. Говорят, грипп какой-то особенный в наших местах свирепствует. С плохими осложнениями. Не дай Бог!

— Да уж постараюсь, — ответил ей старший лейтенант, — мне хворать никак не годится.

Когда он вышел на улицу, время приближалось к обеду. Но есть Сидоров не хотел. Он решил поделиться своими наблюдениями с Вонави и тогда вдвоем они скорее сообразят что-нибудь путное. А сейчас он намеревался навестить черный рынок по реализации легковых автомобилей, что располагался за парком культуры и отдыха возле небольшого, но рыбного и глубокого ставка. Возможно, там ему что-нибудь удастся узнать о грабителях автолюбителей. Неровен час, бортовые номера заменят, машину перекрасят и попробуют сбыть ее охочим до автомашин и не претендующим на правильные документы жителям Кавказа, которых в городе за последнее время стало довольно много. Даже на рынках, где в мясном ряду в основном было занято торговлей местное население и прилегающих деревень, теперь не в диковинку встретить азербайджана, таджика, узбека, казаха. Удивительное дело: мусульманин продает свежее, соленое или копченое свиное сало. И бойко продает, надо отметить.

Чудеса — да и только!

ГОЛИКОВ (расследование)

Голиков, и это он хорошо понимал, относился к тем людям, которых отличает великолепная исполнительность с одновременным проявлением настойчивости и упорства при достижении намеченной цели. Капитан бывал предприимчивым и последовательным, однако скорое принятие решения могло подчас подвести его. Впрочем, подобные казусы происходят, пожалуй, со всяким человеком. В целом же Голиков считал

себя везучим: ему присваивались очередные воинские звания в положенные сроки, довольно скоро по нынешним меркам исполком выделил ему двухкомнатную квартиру в хорошем районе возле кинотеатра и продовольственного магазина, любимая очаровательная жена Леночка родила ему двух сыновей-близнецов и не так давно в денежно-вещевой лотерее он выиграл прекрасный трехкамерный холодильник. Большинство порученных уголовных дел он доводил до такого состояния, когда их можно было без исследования передавать следователю для дальнейшего производства, а с коллегами поддерживал хорошие, добрые отношения. В позапрошлом месяце его назначили начальником уголовного розыска и по должности он ныне являлся заместителем самого Вонави.

Поддав идею относительно странных самоубийств Лебедун и Розенберга, капитан, довольный, что Вонави на совещании особо отметил, что Голиков хорошо мыслит, он, несколько окрыленный похвалой (слаб человек!), решил, не откладывая дела в долгий ящик, провести блиц-дознание по фактам, предварительно распределив между собой, Сидоровым и Медведкиным кому что делать, затем обменяться полученной информацией, доложить Вонави, которого он не просто уважал, а буквально боготворил за изысканное умение нестандартно мыслить, решая сложнейшие криминальные задачи и считал его не просто талантливым сыщиком города, но и выдающимся работником уголовного розыска современности. Этому обстоятельству, возможно, способствовало и то, что о майоре нередко писали газеты и даже напечатано несколько брошюр. Не все, далеко не все в тех произведениях было бесспорным. Много надуманного и придуманного, но тем не менее авторы, писавшие о Вонави, верно улавливали его почерк — неожиданность, стремительность и цепкость. Одна черта не нравилась в Вонави Голикову: до самого последнего момента он скрывал от своих коллег ход мыслей в процессе проведения дознания и только перед самым финишем удивлял всех, с кем приходилось иметь дело по захвату преступников, которые были поражены также несказанно, ощутив себя опутанными в сети, ловко расставленными Вонави. Но и в победном завершении операции не всегда была ясна даже профессионалам конструкция возникновения рабочей версии, приведшей к успеху. Голиков понимал также, что его шеф (почти ровесник по возрасту), в душе был суеверен, предрасположен к мистике и эти душевные качества и состояния он скрывал от сотрудников, стесняясь показать им истинное лицо. Скорее всего

и в партию он не вступал, когда ему предложили, именно по этим мотивам. Так думал не только Голиков. И не ошибались в этом направлении сыщики. И в самом деле было именно так. Однако не будь этих качеств у Алексея, многие преступления, основанные на фундаменте и платформе мистицизма, не были бы раскрыты. Между прочим, об этом подробно написано в повести «Криминальная арифметика».

После публичной похвалы Голиков чувствовал себя молодцом, и с хорошим настроением, в предчувствии удачи, поехал к Могильному — человеку неплохо знавшему Лебедева, потому как в свое, не столь давнее время, он вместе с ним отбывал срок наказания в лагерях под Иркутском, но после досрочного освобождения взялся за ум, стал на дорогу порядочной жизни и даже возглавил солидное частное предприятие, специализирующееся по строительству жилых и небольших промышленных объектов. Особенность этого предприятия заключалась в том, что на работу принимались только те специалисты, которые отбыли сроки в исправительно-трудовых колониях. Могильный навел на стройках свои порядки, мало чем отличавшиеся от тех, что бытовали в зоне, тонко и грамотно учитывая, что у подобной категории трудящихся свои психология, понятия о справедливости, достоинстве, чести и прочих нормах морали, не говоря уже о законах. Только нынешнем состоянии строительства государства, погрязшего в неразберихе и в смуте, оказался возможным такой симбиоз: пораженная воровскими традициями, официально зарегистрированная и действующая структура, производящая недвижимость, в окружении большого количества людей, не знакомых с преступным миром, которые выступали в роли заказчиков, невольно попадали под определенное влияние бывших заключенных, находящихся в своей, родной среде, но только на воле... И вообще за последнее время много сомнительных элементов, имея средства, заработанные в теневой экономике, так сказать, «нечистым» путем, теперь стали директорами вновь явленных коммерческих структур, и к чему это приведет через несколько лет, догадаться не трудно. Люди, не привыкшие и не умеющие создавать материальные ценности, свои возможности направили в такую сферу бизнеса, где деньги зарабатываются через перепродажу товаров, закупленных оптом в государственных магазинах тайным образом, что создаст дополнительное звено между производителем и покупателем, который здесь оказывается крайним стрелочником. И

это только один из многих десятков легальных путей и способов создать себе капитал.

Итак, Голиков после полудня разыскал Могильного, находящегося в своем офисе, немного хмельного и в окружении двух веселых девиц, размалеванных и отважных. Увидев капитана, Могильный мгновением громадной, сильной руки, словно персидский шах, отправил женщин, а сам, поднявшись из-за большого дорогого орехового двухтумбового стола с протянутой для приветствия рукой, бодро зашагал навстречу Голикову.

— А кто это к нам пожаловал! А кого это мы лицезреем! А сколько лет и зим мы не виделись! — при этом Могильный кривлялся и извивался, словно играл некую роль в пантомимическом театре.

Голиков знал Могильного примерно лет семь, с тех пор, когда ему пришлось с поличным задержать его с двумя помощниками, грабившими комиссионный магазин. Преступники были попятливые и сдались без сопротивления.

Однако после освобождения Могильный не затаил злобы на Голикова. Напротив, он был в душе благодарен ему за то, что в исправительной колонии, заключенный помимо его собственной воли освоил плотничью профессию, а затем и каменщика-монтажника, а оказавшись на свободе, он, имея среднее образование, закончил вечерний строительный техникум и, как уже отмечалось, занялся бизнесом, прославляя новую власть, позволившую ему достичь подобных высот. Уже спустя год работы на стройке, Могильный стал миллионером и не скрывал от окружающих этого отрадного факта.

— Здравствуй, — ответил Голиков, пожимая его мозолистую надежную руку, — здравствуй!

Неплохо оборудовал и обустроил свой кабинет Могильный. Комната не просторная, но светлая, раньше в ней располагался хоровой кружок Дворца культуры, а теперь его дирекция, чтобы заработать для выплаты денег своим немногочисленным сотрудникам, вынуждена сдавать часть помещений в аренду. В офисе помимо двух шикарных кресел и десятка стульев, находились письменный стол и просторный книжный шкаф, через стеклянные дверцы которого просматривались знакомые томики сочинений Ленина, сборники речей и статей Брежнева, Хрущева, Андропова, Горбачева, Сталина.

Голиков улыбнулся. Могильный заметил это и оценил по своему.

— А зря. Зря, говорю, улыбаетесь. Нельзя так решительно рвать со своим прошлым, отмежевываться от него, каким бы редисочным¹ оно не было. То—предательство. А я не боюсь... Читать, правда, не читаю, врать не стану. Нет времени. Да и к чему мне это? Но не отрицаю того факта, что живу в своей стране и какой бы она не была: плохая или хорошая, я не имею права предавать забвению то, что было. Плохо это. Грех большой, смертный.

В душе Голиков был солидарен с Могильным. И в самом деле уж чрезвычайно ретиво отказываются многие от пержитого. Но ведь прошлое — то жизнь тех же людей, что бодро отрицают свою принадлежность к ней... чистейшей воды абсурд! Причем, и это он знал достоверно, клеймят пройденный путь те, кто всего несколько лет назад говорил и писал то, что требовалось писать и говорить в статьях, на уроках, собраниях и в очередях... прав, прав Могильный. Но каково!? Бывший зек запросто поучает капитана милиции, бывшего коммуниста и даже члена партийного бюро первичной парт-организации. Только в нашей стране могут произойти подобные метаморфозы, и Голиков повторно улыбнулся.

— Не переживай, — ответил он присаживаясь (в милиции многие сотрудники обращаются на «ты» к бывшим преступникам, но те не всегда ответно «тыкают» «гражданам начальникам») и расстегивая пуговицы на пиджаке, — подумалось как быстротечно время: недавно я был молодым лейтенантом, а ты простым уркачем², а теперь я прихожу к тебе в чине капитана, а у тебя шик, блеск, красота и сам ты вроде как капитан своего строительного экипажа, — лукавил Голиков, — книги разные, дамы прекрасные...

— Вы уж извиняйте меня, но неожиданно приехала одна шустрая чиклуха³, интересовалась условиями работы в фирме. Бутылочку коньячка прихватила и возникла с сестрицей, а та у меня маляром-штукатуром трудится. Отгул попросила, родственницу встретить. Вот и пришлось по двадцать капель принять... — он развел руки в стороны, — Хорошо. А вы зачем ко мне пожаловали? Небось, не на работу наниматься пришли? А не то по старой памяти взял бы. Век свободы не видать, принял бы бугром⁴ как минимум...

¹ Редисочный — ненадежный, утлый.

² Уркач — опытный вор.

³ Чиклуха — женщина, имеющая несколько судимостей.

⁴ Бугор — бригадир в ИТУ; авторитет в преступном мире; старший в камере.

Это уже было ничем не прикрытое хамство, но, вряд ли, Могильный понимал это и поэтому Голиков не обижался на него, понимая, всего за год отсидки ИТК способна жестоко изменить психику практически любому человеку и ему очень трудно, а в большинстве случаев просто невозможно, вернуться к прежнему образу мышления. А его бойкий собеседник провел в тех отдаленных местах пять лет.

— Может быть, может быть... — проговорил Голиков, — но я, и это ты правильно определил, пришел к тебе не бугром устраиваться.

— Спрашивайте, — еще раз развел руки Могильный — толстый, сильный, волевой мужчина в спецовке строителя.

Он принес из-за своего руководящего стола стул и поставил его рядом с голиковским. Уселся на нем раскованно, заложив ногу за ногу. Ни дать, ни взять — заправский аристократ.

— Скажи не лукавя, что именно ты думаешь по поводу смерти Лебедуна?

Могильный сразу же стал серьезным и деланное благодушие у него мигом слетело. Он поднялся, заложил руки за спину, словно при конвоировании в зоне, как этого требуется по тюремному правилу, и начал большими шагами прохаживаться по кабинету. Сейчас он был похож на медведя, надевшего на себя синий халат, застегнутый на все пуговицы.

Голиков был полной противоположностью Могильного: и худ, и узконос и в своем черном торжественном костюме (вечером собирался навестить свою маму, у которой был день рождения, ей исполнилось... впрочем, это неважно, сколько ей лет, а Голикову было в ту пору три десятка и еще четыре месяца) чувствовал себя не совсем уютно.

Наконец Могильный остановился и уселся в ту же изначальную позу, глубоко и шумно вздохнул и сказал важно:

— Слушайте, начальник, — он, не мигая, смотрел на свои бежевые изящные туфли, я и сам не могу понять: с чего бы это крепкому мужику, при деньгах, интересных бабах, будущи настоящим фусаном¹ так повести... не должен бы иметь такой жалкий и недостойный финал... ведь Лебедун начисто прекратил ходить по музыке² и с этой стороны ему опасаться тоже не было смысла. С корешами крутыми ладил. Как ни верти, отсутствует резон себя кончать в туалете, как поганцу

¹ Фусан (фуцан, футцан) — очень честный, интеллигентный; честно и добросовестно работающий заключенный.

² Ходить по музыке — заниматься кражами.

последнему. Нет, нет, ему, верному крупняку¹, такая смерть никак не шилась, ни рядилась... здесь посторонний руку приложил... но не из наших. Это я, начальник, точно говорю, ситуацией владею. Но кто? Как? Нет, истинный крест, — Могильный расстегнул рубашку, достал из-под нее довольно большой серебряный крестик на золотой цепочке, два раза поцеловал его и перекрестился, — не ведаю. Бог тому свидетель, что лапшу на уши не навешиваю², — он еще раз перекрестился и спрятал крестик под красную атласную рубашку. — Вам, уголовке, нужно искать самостоятельно, а я пасую, — он снова развел руками и поставил обе ноги на крашеный оранжевый краской пол, — такие делишки...

Голиков внимательно наблюдал за Могильным. Нет, пожалуй, не лжет. Как думает, так и говорит.

— Так, считаешь, врагов у Лебедуна не было? — на всякий случай решил он уточнить его мысль в надежде, что Могильный наведет хотя бы на слабый, едва заметный след.

— Так утверждать не берусь. Не имею права. У кого сейчас недругов нет? Разве что у самого Господа Бога? Да и то, сколько в мире нынче воинствующих атеистов, — он кивнул головой в сторону книжного шкафа и Голиков понял, что Могильный все же почитывает Ленина: ишь, как ловко ввернул в разговор фразу об атеистах, взятую напрокат у бывшего вождя мировой революции, — так что были, наверно, враги у Лебедуна. Но в этом разговоре я вам не товарищ. Извиняйте меня. Я не кумовской работник³ и вы это не хуже моего знаете... но я и на самом деле не знаю даже предположительно... со мной покойник, царство ему небесное, не делился этими проблемами. У нас ведь на воле как: каждый за себя, а один Бог за всех. Ну, не так ли кумекаю, капитан? Так?

Голиков обратил внимание, что Могильный свой монолог начал со слова «так» и завершил свою речь этим кратким наречием.

— Хорошо. И на этом благодарю, отвлекать более не стану от дел, — проговорил Голиков. — До свидания. Искренне желаю успехов, Михаил Сергеевич, я рад за тебя.

Могильный поднялся и, как человек, хорошо знающий и владеющий этикетом, провел своего гостя до выхода, где

¹ Крупняк — человек, занимающий высокое положение.

² Лапшу навесить (надвинуть, двинуть) на уши — обмануть собеседника так, чтобы тот поверил.

³ Кумавской работник (абверовец) — человек, тайно поддерживающий связь с оперработником.

своего директора ожидало несколько человек с характерными для преступного мира выражениями на лицах. При их виде он приободрился.

— Ну, до свидания, — вальяжно произнес Могильный, — понадобится моя помощь — приходите, — и он покровительственно подал Голикову свою руку.

Капитан вяло пожал ее и заспешил на показавшийся из за поворота желтый, как апельсин, трамвай. На этот раз Голиков направлялся на квартиру Розенберга, надеясь пообщаться с его женой и дочерью, которые проживали в шести остановках отсюда.

Однако у самой квартиры Розенбергов Голикова ожидало разочарование: дома никого не было, а вышедшая из соседней квартиры пожилая женщина, явно пенсионного возраста, поинтересовавшись, кто это так настойчиво звонит в дверь, а удовлетворив свою любознательность, рассказала, что ее соседи недавно уехали и будут дома только поздним вечером, но если что-нибудь нужно передать срочное и важное, то она уполномочена на это и с удовольствием сделает.

В нескольких словах Голиков попросил бдительную соседку известить жену Розенберга, что он, капитан милиции, очень просит ее зайти к нему в кабинет послезавтра, накануне позвонив по такому-то телефону. Он записал на листке блокнотной бумаги свой служебный номер.

На улице светило ясное теплое солнце. Деревья распускались, особенно каштаны, готовые через несколько дней зацвести. У Голикова внезапно возникла криминальная, шальная мысль: а не плюнуть на все и не сходить ли тайно в кино? Двести лет не был. На американский приключенческий фильм с эротикой, погонями, дуэлями и интригами? Отдохнуть маленечко. К тому же кинотеатр совсем рядом — и ста метров до него не наберется, а потом, после просмотра боевика, с хорошим настроением поехать к маме на день рождения? Там с самого утра уже находится Лена, его зеленоглазая жена. У Голикова было засуетились мысли о нарушении службы, профессиональном долге офицера и сыщика, незавершенных делах по разбою, двух кражах в автомагазине, злостном хулиганстве и изнасиловании несовершеннолетней, но он усилием воли отогнал назойливые мысли, как чуждые демократичному человеку, который забыл, когда у него был нормальный выходной день. Незаметно ноги сами по себе привели колеблющегося капитана к кассам кинотеатра, он стал в небольшую очередь за билетом на ближайший сеанс, который должен

состояться в 15.30. До начала демонстрации фильма осталось четверть часа.

Не будем критиковать Голикова за этот поступок. Нет, наверное, в нашем многострадальном государстве человека, не совершившего хотя бы раз в жизни подобного действия. Кто возьмется их осудить?

МЕДВЕДКИН (расследование)

В милицию Медведкин пришел совсем недавно и во время стажировки принимал участие в раскрытии преступлений, совершенных на даче отставного генерала Тарасова. После учебы он упросил Вонави взять его к себе. Так Медведкин оказался в команде Алексея.

Молодой лейтенант, как и все начинающие милиционеры, был полон всяческих надежд в связи со своим блестящим генеральскими погонами будущем. В недавнем прошлом окончил университет и однажды пришел к окончательному выводу, что его место не в школе, где он преподавал в средних и старших классах физику, а в уголовном розыске. Еще будучи юношей, Медведкин был истинным активистом милиции и его нередко брали с собой в рейды. Так, в основном по мелочам: щипачей¹ потревожить, потайной притон разогнать, мошенников в людных местах пугнуть. Однако подобная профориентация возымела свое воздействие и Коля Медведкин подал соответствующий рапорт в отдел кадров областного управления внутренних дел, и, подучась год в особой милицейской школе, стал служить оперативным сотрудником уголовного розыска, будучи уверенным, что стезя сыщика не только романтична и предназначена для настоящих мужчин, но и дает возможность безбедно существовать, быстро получить квартиру (святая наивность!) и является отличным стартом для подлинной карьеры.

Медведкин был человеком рассудительным и никому не доверял, считая, что все в мире повержены вирусом порока изначально и каждый человек способен совершить преступление, если он попадет в криминогенную среду. И только высокопоставленные люди, которых очень мало, имеют противо-

¹ Щипать — совершать карманные кражи; щипач — карманный вор; щипанды — пальцы рук.

ядие и иммунитет против всего, что называется злом. Николай был явно выраженным фанатом в самом хорошем смысле этого грозного слова и был убежден, что всего себя посвятит искоренению преступности. Помимо этих крайне положительных качеств, Медведкина считали альтруистом-бесребреником — таких обычно рожают революции во множестве, и он готов служить в органах за символическую плату, не отвергая варианта, что со временем сможет стать зажиточным человеком (найдет клад!). Помимо всего прочего лейтенант, в отличие от большинства сотрудников милиции, которые явно игнорировали детективную литературу, он увлекался ею и, внимательно следя за деятельностью того или иного героя (положительного, конечно!), ставил себя на его место и вместе с ним проводил расследование запутанного и таинственного преступления, строя всевозможнейшие гипотезы. В свои двадцать шесть лет Николай был холост, но к ловедам не относился и терпеливо ожидал девушку-принцессу из самой красивой волшебной сказки, ту, и только ту, за которую и жизнь можно отдать, если понадобится. В детстве он с удовольствием читал не только криминальные истории, но ему не были чужды и произведения Тургенева и Тютчева, Мопассана и Золя; романтическая любовь, описываемая классиками, тревожила и волновала юную неиспорченную душу Коли. В ранней молодости он ярко влюбился в свою одноклассницу Лору и по вечерам с волнением тайно писал нежные стихи с признаниями в любви и видел девушку в перспективе своей женой. Но Лора ничего не знала о его чувствах и к тому же ей не нравились рыжие ребята, а Медведкин был именно этого окраса, и прекрасная одноклассница начала встречаться с курсантом военного училища, а после окончания школы вышла за него замуж и уехала на дальний Сахалин, куда направили молодого лейтенанта.

Высказав на совещании версию о смерти Розенберга, Медведкин вслух примерил этот вариант, вычитанный им в одной из повестей Гарри Жоржа. Теперь же ему предстояло реально проверить насколько вымысел писателя соответствовал действительности. С этой целью он, по совету капитана Голикова, пришел в Союз художников.

В солидной организации сотрудника уголовного розыска встретили не очень приветливо и вежливо. Ответственный секретарь — довольно молодой человек и тоже рыжий, предложил лейтенанту легкий фанерный стул, которых в кабинете

было не менее полутора десятка, и, оттопырев нижнюю толстую губу, негромко и со значением спросил:

— И что привело в наш стан столь юного, но надо полагать, одаренного сыщика? — говоря эту малокорректную фразу, художник стоял, засунув руки в карманы брюк.

Медведкин опешил. До сегодняшнего дня удостоверение личности, едва он его предъявлял, вызывало у людей вежливую почтительность, а у некоторых легкий шок и замешательство. Такой прием должностного лица несколько вывел Медведкина из доброго расположения духа и он, нахмурился брови, громко и четко сказал:

— Сейчас все, что положено, узнаете. А вопросы буду задавать вам я (эту красивую фразу он взял в эксплуатацию из детективной книги), — понятно?

— Да-да-да, — сразу засуетился ответственный секретарь правления Союза художников, — слушаю вас, — он вынул руки из карманов и присел за свой рабочий стол, на котором стояли бронзовые, величиной с четверть, бюсты Верещагина и Репина, и лежал, открытый на месяце «май» настольный художественный календарь.

Медведкин, глядя на изменившегося хозяина кабинета, с удовольствием закусил верхнюю губу и подумал про себя: «Так-то оно, пожалуй, лучше будет!».

— Вопрос, уважаемый Валерий Сергеевич, будет такой: вы знакомы с фельетоном журналиста Савойтена «За ушко — да на солнышко!», опубликованным недавно в нашей городской газете?

— Да-да-да, я понял вашу глубокую мысль, — с готовностью подхватил еще не заверченный вопрос секретарь, — как же! Читали! И вы желаете сказать, что Резенберг, прочтя сей разоблачительный опус, настолько расстроился, что тот час же сиганул с шестого этажа головой вниз на асфальт? Я правильно понял вас?

— В общем — да.

— Прекрасно! Так вот: никогда и ни за что! Вы совсем не имеете представления о Розенберге! Виктор Сергеевич человек весьма волевой. Можно сказать, чертовски закаленный. Настоящий, испытанный боец партии Ленина, как писали о нем совсем недавно в прессе. Он имел очень крепкие нервы и его невозможно было обидеть. Но не в этом в конце концов дело. Розенберг сам говорил на секретариате, вот в этом кабинете, что для него тот фельетон с едкими фразами является паутиной, которую он рвет, как слон, пробираясь в джунг-

лях. При этом он добавил со злостью, что Савойтин еще пожалует о своих литературных упражнениях. КПСС не умерла. Она даже не ушла в подполье, а жива и целехонька и очень скоро вновь заявит о себе. А он, Розенберг, не привык менять взгляды, как демисезонные пальто и стойко переживает полосу неудач и невезения... Такой вот человек Виктор Сергеевич... — секретарь укоризненно покачал своей овальной, похожей на кабачок, головой и грустно улыбнулся, достал из стола портсигар, а из него заграничную сигарету. Потом спохватился и протянул ее Медведкину.

— Курите...

— Спасибо. Бог миловал.

— Тогда и я не стану, — ответил собеседник. — Что еще собираетесь у меня узнать?

— Желая. Ответьте, а реальные враги у Виктора Сергеевича, как думаете, могли быть? Только честно: «да» или «нет»?

— Почему «могли»? — искренне удивился секретарь, — они имеются и сейчас, но не лично Розенберга. Упаси Господь! Нет. Враги его задрипанного социалистического реализма, что столь категорично утверждает и прославляет диктатуру пролетариата. В этом смысле отвечаю положительно. И одним из его «врагов» являюсь я. У Розенберга в настоящее время единомышленников почти не осталось. Они или дружно переквалифицировались срочным образом в демократов, либералов и ярых борцов против коммунизма. Ведь художники, если они настоящие творческие люди, только на словах были за советскую власть, а в душе они ее не принимали, относились со скепсисом и всегда были готовы голосовать за свободу творчества, признавая и ставя в одинаковые условия живопись любого направления и жанра. Ничего не имеем против и социалистического реализма, но ведь представители этой, так называемой школы, основанной Горьким, занимали все ключевые посты в нашем специфическом промысле, не позволяя даже пикнуть другим, очень талантливым. Вспомните трагические судьбы Малевича, Исаченко... их тысячи! Впрочем, это к делу не относится и милиционерам вряд ли интересно знать о направлениях в искусстве, как и художникам о методах создания фотороботов. Увы...

Медведкин вскипел в душе и хотел было показать начинающему зарываться нахалу, что милиция тоже не лыком шита, но усилием воли погасил это желание защитить честь мундира, понимая, что не все сотрудники органов имеют

университетское образование, а что касается рядового и сержантского составов, то они по уровню общеобразовательной подготовки такие же, как и большинство служащих и рабочих. В целом художник здесь прав. А может и нет... Вот, например, Вонави. У него специальное образование, а он запросто называет фамилии таких деятелей мирового и отечественного искусства, о которых Медведкин даже не слышал. Он вспомнил, как однажды пришлось встретиться с Ивановичем — они торопились на симфонический концерт. Медведкин тогда специально посмотрел на афишу филармонии. Так в той программе исполнялись произведения Малера и сюиты Бриттена, и еще что-то... Вон оно как может быть! А Медведкин, признанный эстет и любитель искусства, даже и не собирался послушать эту музыку...

— Ну, так как? Называть имена, фамилии, адреса противников Розенберга? — уже ретиво наступал оправившийся секретарь. Будете любопытствовать далее? Или как?

— Или как, — проговорил с досадой Медведкин. — Я подумаю над вашими словами.

— Думайте, конечно, — охотно разрешил секретарь и поднялся со стула, прикуривая сигарету от зажигалки, намекая этим, что ему нет более смысла уделять внимание милиционеру, который так плохо знает мир художников.

Медведкин также встал.

— До свидания, — проговорил он. — Рад был познакомиться. Возможно, еще встретимся.

— Желаю здравствовать и всяческих удач в поимке разных преступников. Успехов! — он руки не подал, а помахал ею, как ребенку: мол, «до свидания».

Медведкин, оказавшись на улице, начал сожалеть о том, что проявил инициативу на совещании оперативных работников и высказал догадку о причинах смерти именитого художника. Теперь через неделю придется что-то лепетать о своих успехах вначале капитану Голикову, а затем, возможно, и самому Вонави, а новых версий у Медведкина не было. Та потускнела и сникла, демонстрируя своему автору свою ничтожность и невзрачность.

Он постоял несколько минут возле высоченного тополя, вздохнул и отправился в ПТУ — сегодня там у него должна состояться встреча с учащимися в постоянно действующем

лектории «Человек и закон».

Время еще было и Николай решил отправиться к молодым строителям пешком. Заодно собраться с мыслями и прогуляться по свежему воздуху. А то не служба в уголовном розыске — гонки сплошные и беспросветные.

ТРЕТИЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ СЛУЧАИ

На следующий день город потрясли три, из ряда вон выходящие происшествия.

Такие.

Покончил с жизнью самоубийством сорокалетний Рокотов Игорь Власович, бывший второй секретарь райкома партии, а ныне он занимал должность директора малого предприятия «Пилигрим», которое снабжало энергоносителями не только заинтересованные городские структуры. Его деятельность распространялась далеко за пределы области. Это солидное предприятие поддерживало связи и с зарубежьем, а на его банковском счету лежало около миллиарда, и в день «Пилигрим» наживал в среднем не менее одного миллиона рублей. Игоря Власовича хорошо знали. Он не употреблял спиртных напитков, почти не волочился за прекрасным полом, играл по вечерам с пенсионерами во дворе в шахматы и в домино, персонально ходил в магазин за хлебом, хлебом и колбасой, на работу ездил не на служебной машине, которая у него была последней моды иномарка, а как большинство рядовых граждан — на троллейбусе, а затем добирался пешком. Он при случае мог мастерски рассказать анекдот о любом генеральном секретаре бывшей КПСС и советском образе жизни, евреях и чукчах и слыл среди соседей «правильным» человеком.

После смерти Рокотова по улицам, переулкам, очередям и посиделкам, на бойких уличных местах поползли словно мрачные черви, упорные слухи следующего содержания.

В городе Борогорске накрепко обосновалась мафия, настолько мощная, что у нее имеется особый карательный отряд, в задачу которого входит вначале убрать всех крупных руководителей-бизнесменов, а уж затем на образовавшиеся вакансии придут нужные преступной группировке люди и тогда они окончательно поработят народ. Мало того, мафия, за первым делом специальными уколами в ягодицу под удобным предлогом усыпят всех пенсионеров и немощных

людей, нуждающихся в поддержке государства —, мол, нет никакого смысла содержать за счет трудящихся собственную категорию населения в такое трудное для страны время. Если не сумеешь себя прокормить и нет у тебя для этой цели необходимых сбережений — что ж, извини, подвинься, уступи продовольственный продукт другому, а жрать дармовой хлеб, простите, не позволим. Не при коммунизме живете, господа хорошие...

И такая витала версия: дескать, в одной из особо засекреченных военных лабораторий ученые вывели вредный микроб, который, попав через пищу в желудок человека, ставшего сразу обреченным, заставляет его наложить на себя руки. В настоящее время ученые, получив разрешение от правительства, заражают этими микробами каждый сто-тысячный каравай хлеба. Кто купил его (на кого Бог пошлет!), тот и платит за научный эксперимент собственной жизнью...

Нужно отдать должное: слухи понудили пенсионеров подыскивать себе посильную работу, а что касается приобретения в магазинах хлеба, то его продажа сократилась примерно на одну пятую.

Напуган народ. И всему верит. Даже невероятному. Поэтому и готов ко всему. Даже к наихудшему.

Смертельные случаи проследовали один за другим с минимальным интервалом. Может быть в пятнадцать или двадцать минут.

Рокотов после обеда, а питался он в обычной столовой, намеревался было заказать на междугородной телефонной станции несколько абонентов и провести с ними деловые переговоры по поводу поставок и сбыта интересующей фирму продукции. Игорь Власович экономил во всем и ввел в «Пилигриме» жесткое правило: переговоры с другими городами вести непосредственно на телефонной станции, отчитываясь перед бухгалтерией квитанциями и подавая личный пример своим многочисленным подчиненным. В том, что экономика должна быть экономной, он нисколько не сомневался и всячески утверждал этот замечательный принцип.

Однако, не доходя до намеченной цели примерно сто метров, он внезапно бросается под передние колеса рефрижератора и грузовик переезжает его по хилой грудной клетке, превратив тело в кровавое месиво. Водитель, как только увидел, что натворил, начал медленно сходить с ума — схватил себя руками за голову, громко и протяжно закри-

чал, затем отрывисто залаял, шаркая подошвами ботинок по асфальту.

Хорошо, что рядом находились люди, ожидавшие троллейбуса. Они, не дожидаясь прибытия на место происшествия сотрудника милиции и бригады «скорой помощи» по собственной инициативе составили протокол о самоубийстве Рокотова. Может так случиться, что у водителя рефрижератора помешательство окажется временным и тогда такой документ с указанием в нем более десятка свидетелей с их домашними адресами ему, ого, как пригодится.

Спустя примерно, как уже указывалось, четверть часа в городе был зарегистрирован еще один случай. Пятидесятилетний Новенко Василий Васильевич, придя в свой громадный, как теннисный открытый корт, кабинет, открыл сейф, достал из него пистолет и, не долго раздумывая, пальнул себе в висок, да так ловко, что прибывшие медики заявили, что Новенко падал на ковер уже мертвый.

Поступок Василия Васильевича был необъясним с точки зрения обыденного здравого смысла. Уж у кого, кого, но у Новенко для счастливого течения жизни было все: отличная квартира в самом центре Борогурска, прекрасные жена, сыновья, хорошая заработная плата, позволяющая семье ежегодно бывать в круизах по Средиземному морю. Помимо этого самоубийца имел чин генерала-майора МВД и был одним из заместителей начальника управления внутренних дел.

Как говорится, большой человек.

Теперь уже и самому недогадливому читателю стало ясно: без вмешательства самого Вонави не обойтись. Так оно и было. Начальник городской милиции полковник Голубенко вызывал к себе Алексея Ивановича и дал ему личное задание выявить причину, вызвавшую у генерала такой всплеск слабодушия. На что Вонави согласно кивнул головой и вышел из кабинета, тем более, что он и сам собирался разобраться в этих неясных смертях, смущающих городское население.

Пока писались эти строки в городе произошел еще один случай самоубийства.

И тоже очень странный.

Ну скажите, разве может человек, вышагивая на свидание к любимой женщине, которая разговаривала с ним по телефону пятнадцать минут назад, вместо приятного общения и любовных наслаждений, что нам иногда дарит жизнь,

так ловко снгануть через невысокие, железобетонные перильца, чтобы бы угодить под колеса проезжающего в это роковое время скорого пассажирского поезда?

Человеком тем оказался Гроздьев Анатолий Петрович, двадцати пяти лет, холост, бывший десантник, водитель троллейбуса, студент второго курса заочного отделения политехнического института, трезвенник и редактор стенной газеты «Троллейбус».

Такая справка.

В городе Борогорске происходило в год до 15 самоубийств, в основном то были школьники и одинокие престарелые граждане. А ныне за трое с небольшим суток — уже 5.

И какие люди погибли!

Теперь же, пока ничего не произошло, что может войти в ткань повести, пора узнать кое-что о Вонави, главном герое, который будет заниматься дознанием этого ряда происшествий.

ВОНАВИ (расследование)

На момент получения от полковника Голубенко персонального задания разобраться «в этой дьявольщине и чертовщине, где не обойтись без явной уголовщины», Алексею Ивановичу Вонави исполнилось тридцать лет.

Он, как, возможно, помнит внимательный читатель, был рус, носил усы и накоротко постригался, роста невысокого, занимался штангой, и даже имел спортивный разряд по этому истинно мужскому виду спорта, любил читать любую популярную литературу по общим знаниям и для своего времени являл собой пример настоящего энциклопедиста. Шесть лет назад женился на милой девушке Светлане, но вот детьми по неизвестной причине пока не обзаводился. Его жена учительствовала в школе и очень любила Алексея, который отвечал ей тем же. Однако главной особенностью Вонави было то, что он обладал эстрасенсорными способностями. Нет, разумеется, нет, он ничего не имел общего с теми людьми, что расплодились во множестве и именуют себя народными целителями, знахарями, дурача несчастный народ своими архисильными «биополями», способными исцелять любые недуги. Вонави вполне мог стать знаменитым гипнотизером или артистом эстрады. Скажем так: ему ничего не

стоило запомнить сто различных цифр, записанных в ряд без всякой последовательности и даже через несколько дней воспроизвести их по памяти, ни разу не ошибаясь; в определенные минуты умел считывать любую информацию с заинтересовавшего его человека и узнать, о чем он думает в данный момент. Еще будучи школьником, Алексей мог запросто обнаружить спрятанную вещь при условии, если он возьмет знающего место, где запрятан предмет, за кисть левой руки. Юный Вонави усиленно интересовался оккультными науками, «снял» зубную и головную боль, наложением рук лечил радикулиты.

Помимо указанных возможностей, Алексей умел на основании фактического материала создавать немало гипотез по моделированию криминогенной ситуации и даже специальные кибернетические машины не могли соперничать с ним. Известен факт, когда Вонави быстрее кибера вычислил в логической задаче «преступника» к немалому удивлению создателей этой машины, которую предполагалось ввести в учебный процесс для курсантов школы милиции.

Поскольку в последнее время был снят запрет с литературы по парапсихологии и она издавалась довольно широко, то Алексей с удовольствием посвящал часть своего личного времени этой удивительной науке, справедливо считая себя ее последователем по ряду вопросов. Мало того: он даже написал несколько статей по передаче мысленной энергии на расстояние и опубликовал их в специальных периодических изданиях. Они, между прочим, получили высокую оценку специалистов.

К портрету Вонави не лишне будет добавить его такие выраженные черты как самоотверженность, бесстрашие и бескорыстность (здесь он был схож с лейтенантом Медведкиным), высокую степень надежности в отношениях.

За время службы в милиции Алексей неоднократно представлялся к различным видам поощрения, но и не раз, виртуозно раскрытое им преступление, приписывалось его начальству только за то, что оно в последний момент приняло участие в захвате преступника либо криминальной группы. Но Алексей не роптал и придерживался положения: «Так написано на роду», — в общем-то небезопасного принципа, поскольку он оправдывает то, что подлежит осуждению. Преступность, например.

Следуя взглядам Вонави, грабитель с неизбежностью должен им стать, насильник — насильником, убийца —

убийцей, а вор — вором. Но, как мы уже отмечали, Алексей был мистиком и уважительно читал свою концепцию. Признавая неизбежность знака судьбы, он отнюдь не искал воспитательного момента, утверждая, что человек в силу тех либо иных психо-физиологических характеристик лишь предрасположен к преступным действиям, но только в определенных условиях эта программа срабатывает. Но если неблагоприятную среду изменить или ликвидировать, то соответствующая энергетическая информация прекратит поступать в подкорку личности и она, личность, не станет на путь правонарушений. Следовательно, рассуждал далее Вонави, задача государства состоит в создании таких условий бытия, что исключали бы потребность у определенной категории людей грабить, воровать, разбойничать в целях наживы или удовольствия (и такие также есть!). Одновременно Алексей был уверен, что в состоянии аффекта человек, даже самый усовершенствованный и нравственный, способен совершить противозаконные действия. Классический случай: муж-ревнивец застаёт свою жену с любовником. Или чувство «справедливой» мести, возникающее при виде смертельного обидчика.

Получив от полковника Голубенко целевое задание начать немедленное расследование серии самоубийств, Вонави приступил к дознанию, а у него уже к этому времени было сформированно несколько версий, в том числе и те, что были экспромтом изложены на вчерашнем совещании его коллегам.

Майор начал с того, что пригласил к себе Сидорова, Голикова и Медведкина, внимательно выслушал каждого из них, делая при этом какие-то пометки простым карандашом в своем большом рабочем блокноте, изготовленным собственноручно. Поблагодарив коллег, он надел на себя легкий плащ (несмотря на начало последнего весеннего месяца на улице было еще прохладно) и удалился, оставив вместо себя капитана Голикова.

Свой путь он начал с посещения семьи Розенберга. Его жена как раз недавно звонила Голикову и теперь она была у себя в квартире и ждала прихода оперативного работника. Часы показывали начало одиннадцатого. На улице накрапывал легкий дождик и северный ветер мог принести снеговые тучи.

Добираться до дома, где проживали Розенберги, было просто: две остановки трамвая и поэтому Алексей через

пятнадцать минут уже находился в просторной квартире известного художника и вел беседу с вдовой Марией Федоровной, полной седой женщиной, красящей свои длинные волосы фиолетовым красителем. Она тяжело переносила трагедию и говорить ей было трудно, но держалась мужественно и не давала повода постороннему человеку для жалости.

Они вели диалог в гостиной, из стен которой находились картины покойного. Мебель в комнате проста и удобна. Никакой помпезности и аристократичности, однако на Марии Федоровне были очень дорогие кольца и уникальные серьги с бриллиантами.

— С чем пожаловали, молодой человек? — негромко поинтересовалась хозяйка квартиры, усаживаясь на старинный кожаный диван и указывая Алексею возле себя место.

— Меня интересуют два вопроса, ваш супруг, извините меня за бестактный вопрос, но мне необходима правда, был душевно больной человек? Я знаю, на учете у психиатра он не состоял, но сколько людей с тяжелыми психическими недугами живут себе и тихо и мирно в семьях, не обращаясь за квалифицированной медицинской помощью. И не могла ли его, Виктора Сергеевича, сломить травля, которую, как я понял, затеяли его, не очень-то щепетильные в вопросах морали, коллеги?

— Интересные вопросы. Весьма... — она задумалась на несколько секунд и погладила руками свои впавшие щеки. — На первый вопрос я категорически отвечаю отрицательно. А на второй так скажу. Виктор Сергеевич — человек сильной воли и уязвить его было довольно трудно, а что касается творчества, то сбить подлинного художника с однажды избранного пути невозможно. Он не изменял искусству и злопыхательство в свой адрес воспринимал, к удивлению, как наилучшие комплименты и это укрепляло его неукротимый дух. Любил в таких случаях говорить: «Собака лает, караван идет!». Нет, нет в смерти Вити нужно искать иные причины... — она вопросительно посмотрела через роговые очки на Алексея. — У вас есть какие-нибудь предположения? — в ее глазах пылливый ум и ожидание.

— Нет. Пока нет... — ответил Алексей. — А вы сами-то видите причины, что могли толкнуть на столь роковой путь вашего мужа?

— Я? К сожалению... если бы у меня были какие-нибудь интересные для правоохранительных органов сведения, то я

обязательно сообщила бы их, не дожидаясь визита представителя вашей непопулярной у населения фирмы. Уж поверьте мне...

— Верю. Скажите, вечером, как мне известно, у вас в гостях находилась родная сестра Виктора Сергеевича и она, кажется, была свидетелем гибели своего единственного брата. Это правда?

— Да-да, конечно... никто не выбрасывал с балкона моего мужа... так оно и было... но... но — почему? Почему он так поступил? Что заставило Виктора Сергеевича на этот... прыжок? — теперь в ее глазах заблестели слезы и Мария Федоровна достала из длинного рукава своего серого платья голубой носовой платочек и вытерла им лицо. — Простите, годы уже не те... сдает организм... нервы...

Когда начинали плакать женщины, Вонави всегда несколько терялся и чувствовал себя дискомфортно.

— Ради Бога, — захлопотал Алексей, — о чем речь! И все же: а не помните с каким настроением Виктор Сергеевич пришел домой в этот злополучный день? Или же он никуда не ходил и находился постоянно в квартире?

— Отчего не помнить? Помню прекрасно! Отличное, изумительное, превосходное настроение было у Витеньки. В этот день руководство драматического театра предложило ему сделать несколько эскизов костюмов для актеров к предстоящему спектаклю Островского «Без вины виноватые» и он радовался заказу, как ребенок. Бутылку вина купил дорогого по дороге домой... сестра ожидала, а мой муж очень любил ее и трогательно относился к Ирине...

— Тогда, возможно, его взволновал разговор по телефону?

— Не думаю. В течение дня звонили несколько раз и ничего особенного я не заметила. Обычные телефонные диалоги. О погоде, ценах, здоровье...

— А в каком часу был последний звонок, если помните?

— Помню. Память Бог мне еще сохранил. Звонили минут за пятнадцать-двадцать до того ужасного события... Боже, какое горе так внезапно постигло нашу семью...

— И ваш муж, простите еще раз, никак не отреагировал на него? Повысил голос? Возмущался и негодовал? Стал после разговора опечаленным, грустным?

— Да никак. Мне даже подумалось, что звонок тот был ошибочным. Виктор Сергеевич поздоровался с абонентом, тот что-то сказал и все... может, в вино попало что ядовитое?

Я сохранила бутылку. Принести? Знаете, он покупал напиток в коммерческом магазине. Мало ли жуликов у нас? Возьмут да в бутылку с красивой, красочной наклейкой дерьма нальют... такая версия объяснит гибель человека? Отравился — и произошел психический срыв?

— Может. В нашем мире, Мария Федоровна, все может произойти. Однако, все же принесите мне бутылку от вина. Посмотрим, что в ней могло находиться. А я намерен удалиться. До свидания. Крепитесь и мужайтесь.

— До свидания, молодой человек. Успехов вам и вашей фирме, — она провела Вонави до двери и на прощанье вручила фигуристую стеклянную бутылку с металлической навинчивающейся пробкой.

После общения с супругой Розенберга Алексей понял интуицией, которой он также доверял и она его почти не подводила, а логикой, что он на правильном пути. Вонави знал: след, взятый им, надежен и верен. Но как найти преступника? Или преступников? Реально ли это? У него и на этот случай были мысли, но их необходимо тщательно проверить. Злоумышленники очень опасные во всех отношениях.

Очень!

ШЕСТОЙ СЛУЧАЙ

Прямо с телефона-автомата Вонави позвонил Голикову и попросил передать ему сводку происшествий. Капитан сообщил, что час назад окончил жизнь самоубийством некто Парфенов.

— Адрес? — потребовал у него Вонави.

— Минская, девять, особняк на углу сквера Победы. Частное владение, — четко отвечал Голиков.

— Кто из наших на происшествии?

— Лейтенант Медведкин выехал вместе с судмедэкспертом Сидоренко минут тридцать назад.

— Хорошо. Я тоже побываю там. Еще что-нибудь есть по дознанию самоубийств?

— Как-будто нет. Две хулиганки, попытка изнасилования, поджог и три грабежа киосков «Союзпечати». Как обычно, товарищ майор.

— Понял. Все. До свидания.

— Всего доброго. Удачи вам, Алексей Иванович!

В О Н А В И (расследование)

Везет сегодня. И этот адрес, где обнаружен суицид, не далекий. И добираться удобно. Автобусом не более пятнадцати минут. Однако, как не спешил Алексей к месту происшествия — опоздал.

Труп Михаила Парфенова, повесившегося на веревке в сарае, увезли. Вместе с ним уехал на вскрытие Сидоренко, а Медведкин, чувствуя всеобщее внимание на своей персоне соседей, мирно беседовал с ними на темы самоубийств и мотивы, их вызывающие. Увидев Вонави, Медведкин устремился к нему навстречу.

— Здравствуйте. Народ говорит, Алексей Иванович, что эпидемия психическая началась. Но я думаю, что в нашем случае имеет место скорее всего цепочка роковых случайностей, возведенных обыденным сознанием в абсолют. Известно, у страха глаза велики, — с жаром говорил он, но замечив насмешливое выражение лица у своего дотошного начальства, мигом переориентировался. — Но можно и иной вариант допустить. Помнится мне, читал пару лет тому в одной монографии, где описывался в Древней Греции факт массового самоубийства молодых девушек из самых могущественных и именитых семей. С каждым днем количество добровольных жертв увеличивалось катастрофически. Так хитрым грекам этот невероятный порок удалось остановить тем, что стражники выставляли на всеобщее обозрение обнаженные тела жертв с одновременным извещением, что такой ритуал отныне будет реализован с каждой молодой особой, которая впредь решится оборвать свою юную жизнь. Девушки постеснялись подобной посмертной экзекуции над своим телом и модная эпидемия мигом прекратилась. Как думаете, Алексей Иванович, в наших условиях возможно такое? В угоду дикой моды и...

— Как думаю? А думаю, далеко ли у вас протокол опроса родных покойного Парфенова?

— Нет, не далеко. Он у меня с собой. Показать его? — растерялся Медведкин.

— Показать.

— Пожалуйста, — лейтенант быстро открыл великолепную черную кожаную папку для бумаг и достал из нее несколько листков бумаги, исписанных корявым, но понятным для чтения почерком, — вот он, пожалуйста...

— Давайте, — проговорил Вонави, шевеля усами.
Он внимательно прочитал протокол, довольно кивнул головой, увенченной фетровой коричневой шляпой, вернул документ Медведкину и удовлетворенно сказал:

— Годится! Толково составлен. Ситуацию чувствуете. Что-нибудь проясняется? — с надеждой спросил его Медведкин и хотел было попросить майора, чтобы тот взял его с собой для непосредственного участия в дознании, но стеснение не позволило ему сформулировать просьбу.

Стоявшие в нескольких шагах люди, соседи погибшего Парфенова, с нескрываемым любопытством прислушивались к разговору, но смысл краткой беседы им был неясен.

— Пожалуй, — рассеянно ответил он, — пожалуй, где-то так... — сейчас Вонави торопился ибо знал, что истина может быть найдена только одним путем — сбором конкретных материалов по расследуемому делу. — Мне надо ехать, а вы, как я вижу, желаете оказать помощь дознанию.

— Очень, Алексей Иванович, — кивнул головой Медведкин, помогая жестом сказать это слово, и покраснел, пугаясь: он что? Читать мысли умеет?

— Тогда поступим так: сейчас вы едете на службу, берете отпечатки пальцев всех людей, окончивших свое существование по собственной инициативе и отнесете сведения в компьютерную, пусть наши спецы посмотрят там — нет ли среди них, разыскиваемых нашими службами интересующих нас лиц. Задание ясно? — Алексей пристально смотрел на Николая, одетого в модный джинсовый костюм отечественного производства.

— Ясно, товарищ майор! — ответил он с подъемом — и все же: как хорошо служить в милиции!

— Я позвоню вам через... — Вонави посмотрел на наручные часы, — ...пять часов. Успеете?

— Буду стараться.

— Значит, успеете, — он крепко пожал руку Медведкину и заторопился на автобус.

Вонави шел по следу.

Не будем мешать ему.

СЕДЬМОЙ И ВОСЬМОЙ СЛУЧАЙ

Прошли сутки.

В оперативной хронике милицейских сводок они были обозначены тем, что в Борогорске было зарегистрировано

четыре кражи личного и столько же эпизодов хищений государственного имущества, одно изнасилование пожилой женщины, семь хулиганских проступков, одно ограбление, задержан с поличным сбытчик наркотических веществ и два случая самоубийства. Экономических преступлений на этот раз не было, не зафиксировано и убийств, что несколько удивило полковника Голубенко, но комментировать этот факт он не стал, считая, что «день на день не приходится».

На этот раз покончили с собой два хорошо знакомых между собой человека: Клевцов и Буравкин. Молодые мужчины жили в одном пятиэтажном доме, дружили с детства, работали электросварщиками на одном и том же заводе, были женаты на сестрах близнецах Вике и Нике, не употребляли спиртные напитки, занимались в свободное время классической борьбой и боксом, никого не боялись, жили открыто и широко, при случае могли легко пресечь хулиганские поступки безалаберных подростков лучше участкового милиционера Рукавишникова, любителя выпить и прекрасного пола.

Но вот что настораживало: они оба были застрелены из пистолетов системы Макарова. Именно это оружие было обнаружено рядом с мертвыми дружками. Предварительная экспертиза установила, что здесь имело место добровольное расставание с жизнью. Но ведь известно, что злоумышленники коварны и хитры, и могут так подстроить ситуации и выстроить убедительные улики, что версия напросится... сама по себе, и в нее, как в капкан, попадут те, для кого этот маскарад будет разыгран. И надо отдать должное, следователь районного отдела милиции Брегман именно так и рассматривал оба случая — самоубийства, констатируя в процессе первичного этапа расследования, несмотря на то, что его коллегами высказывались и другие, предположения по данным происшествиям. Брегман к такому выводу пришел потому, что ему буквально с первых же минут дознания стало известно, что Вика и Ника имели тайный интерес на стороне и секретно встречались с двумя близнецами и даже собирались разводиться с Клевцовым и Буравкиным и выходить замуж за братьев. Так вот, размышлял Брегман: а не могли ли, терзаемые ревностью и позором, давние кореша демонстративно покончить с собой и таким образом избавиться от душевных мук и отомстить негодным женам-изменщицам? Они на черном рынке приобрели себе пистолеты и...

После этих удручающих событий в городе начался настоящий переполох. Люди с опаской покупали в магазинах хлеб и молочные продукты, прятали подальше друг от друга белье, веревки, большие кухонные ножи, охотничьи ружья. Смуте способствовала и опубликованная в местной газете статья со зловещим и многозначительным заголовком: «К нам пришла эпидемия?»

Вот что было написано в ней специальным корреспондентом газеты Савойтиным.

«Как стало нам известно из достоверных компетентных источников, за трое суток текущего весеннего месяца в Борогортке произошло восемь случаев самоубийств. Покончили со своими жизнями люди с крепкими нервами, не состоящие на учете в психоневрологическом диспансере, имеющие хорошие жилищные условия, трезвенники. Все их отличали глубокий ум, жизнелюбие.

По указанным фактам намеренного лишения себя жизни проводится расследование.

Вот как пытаются объяснить эту зловещую цепочку смертей две уважаемые горожанами службы: психиатрическая и милицетская.

Заместитель главного врача областной психбольницы Ноткин на мой вопрос: «В чем дело?» ответил: «Вполне может быть, что в наш многотысячный город, где крайне неблагоприятно с окружающей средой, пришло новое, доселе неизвестное отечественной практике заболевание психики, вызванное проникновением в организм людей неких микроэлементов. Эти, пока неясные нам сильнодействующие яды, попадая в мозг личностей, предрасположенных к суициду, вызывают у них именно такую трагическую реакцию. Повторяю: мое заявление предположительное, гипотетическое. Что же касается невежественных слухов о некоей мафии, проводящей чудовищный эксперимент, внедряя в продукты питания особые микробы, воздействующие на психику людей, абсолютно беспочвенны и недостоверны».

Начальник городского отдела внутренних дел полковник Голубенко прокомментировал эти убийственные факты следующими фразами: «Идет дознание. Оно покажет. Лучшие силы занимаются интересующей вас проблемой и на сегодняшний день она с повестки дня не снимается. Надо ждать. Ждать и надеяться. Не следует раньше времени упреждать возможные события. Основания для панических настроений я совершенно не вижу».

Но вот роковой вопрос, возникающий у многих мыслящих горожан «Кто следующий?»

Обеспокоенные драматическими событиями люди организовали возле областного исполнительного комитета пикеты с категорическими требованиями ускорить проведение расследования и внятно разъяснить паникующему и обеспокоенному народу: в чем дело и ликвидировать причины, понуждающие людей к самоубийствам.

В О Н А В И (расследование)

Пожалуй, только два человека в миллионном городе знали истинные причины серии самоубийств: Вонави и Хворостов — семидесятилетний старик, высокий, крепкий, который еще мог перекреститься двухпудовой гирей и при случае сделать комплимент интересной даме, коих стало немало в последнее время.

Однако, если майор милиции предполагал, основываясь на некоторых фактах о мотивах восьми трагических случаях, послужившими серьезным поводом, чтобы ими занимался уголовный розыск, то Хворостов владел интересующей информацией в совершенстве.

С единственной целью быстрее добраться до истины, автор не станет описывать, как изумился Владимир Ильич Хворостов увидя у себя в гостях знаменитого сыщика, которого он, оказывается, знал в лицо и удивился не столько этому факту, а тому обстоятельству, что он заранее знал об этом и, как в дальнейшем увидит читатель, подготовился к общению с ожидаемым визитером.

Думаю, нет никакого смысла распространяться по поводу того, что представляла из себя квартира, где проживал Хворостов (обычная, между прочим, однокомнатная), какой мебелью обставлена, какая одежда была на Владимире Ильиче, и прочие детали, коими обычно насыщается проза.

Все это весьма интересно и поучительно, но для самой сути композиции и сюжета не имеет принципиального значения, тем более, что автор прекрасно понимает: нетерпеливому читателю, который наверняка уже имеет свою версию толкования смертных случаев, хочется как можно скорее узнать причины и обстоятельства, заставляющие зрелых, пси-

хически полноценных людей совершать столь трагические поступки.

В угоду читателю не будет описан и стол в гостиной, за которым и происходил диалог Хворостова и Вонави, но указать, что на нем стояли два фарфоровых прибора для чаепития просто необходимо, как и на тот факт, что на нем находились столь дефицитные в наше шальное время настоящие баранки соломенного цвета, щедро посыпанные маком.

Теперь настала пора поведать об удивительном разговоре между Вонави и Хворостовым, также знаменитом и популярном в определенной среде человеком.

Давайте внимательно проследим за ним.

Да, чуть не забыл отметить такой момент, без которого сложно понять логику расследования.

Перед тем, как направиться к Хворостову, настырный майор Вонави побывал в семьях всех погибших от собственных рук людей и выяснил все вопросы, которые интересовали сыщика. Полученная информация пока не удовлетворяла, но она подтверждала, правда, косвенно, одну из возможных версий возникновения почти десятка случаев суицида.

Когда Алексей был юношей, то однажды ему приснился сон — удивительный, яркий впечатляющий. В нем молодой человек увидел себя милицейским майором. Имея звание старшего офицера, он спокойно прогуливается в одиночестве по длинной тенистой аллее в предвечернее время. На душе у него покой и соразмерность. Он идет, идет, ему очень хочется присесть на скамейку, но нет, не видно на дороге ни одной... Утром Алеша рассказал об увиденном своей бабушке Матрене Фоминичне. Та трижды перекрестила его и сказала: «А то твой сон значит, что ты, внучек, станешь, когда вырастишь, военным человеком. Но по службе далеко не пойдешь... Майор — это твой служебный рубеж, не перешагнешь ты его. Судьба такая у тебя...» — говоря эти слова она ласково улыбалась. Алексей в те времена был комсомольцем и не очень-то доверял толкованиям снов. Поэтому он пожал плечами и ответил: «Поживем — увидим!». Вообще-то он собирался стать врачом-психотерапевтом. Сейчас, вспоминая свой давний сон, он развеселился — врут, врут сонники! В управлении внутренних дел уже лежат необходимые документы о присвоении ему очередного звания подполковника досрочно. И должность предлагают в областной милиции: заведывать в ней уголовным розыском. Нет, с карьерой у него все в по-

рядке. Ошиблась добрейшая Матрена Фоминична. Конечно, сон нечто означает. Но вот что? Утверждение, что во время ночного или дневного отдыха из спящего выходит его астральное тело, душа, то есть, и она бывает в ином измерении, параллельном миру (отсюда и фантастичность увиденных во сне образов, поскольку земное сознание человека воспринимает информацию блуждающего астрала искаженно, словно в кривом зеркале) и несет в себе некий специфический тест, имеющий в своем содержании сведения не только прошлого опыта, но и будущего, которое находится в Космосе, не очень устраивало Вонави-логика. Однако, как человек, признающий ряд положений парапсихологии, он допускал с натяжкой возможность подобной концепции.

Ну, хорошо.

Продолжим повествование. Настал час практического подтверждения версии Алексея.

Диалог между хитрым и дальновидным Хворостовым и умницей Вонави был следующий:

Вонави. Добрый вечер, Владимир Ильич.

Хворостов. Здравствуйте. Искренне рад вас видеть у себя, уважаемый Алексей Иванович.

Вонави. Удивлен. Вы меня знаете?

Хворостов. Вас — да!

Вонави. Тем лучше. Я хочу с вами побеседовать по некоторым вопросам, вызывающим, как мне думается, взаимный интерес.

Хворостов. Я готовился к встрече с вами и поэтому приглашаю вас в комнату, которая является одновременно и гостиной и спальней, а в ней продолжим наш разговор. Кофе и чай нас там ждут. Проходите...

Вонави. Принимается.

Хворостов. Вам кофе или чай? Покрепче или послабее?

Вонави. Чай, пожалуйста. Кофе не пью.

Хворостов. Хвалю. Тем более, смею вам доложить, что кофе в своем составе несет чуждую нам, европейцам, энергетику. На Востоке пить этот напиток — одно удовольствие, а в наших местах очень не советую.

Вонави. Интересная мысль. Отчего же вы так негативно настроены против заморских напитков?

Хворостов. Дело в том, что нам только кажется, что кофе тонизирует. То иллюзия и блеф. Организм европейца, приняв в свое нутро этот экзотический напиток, начинает в возмущении нейтрализовать его и с этой целью выбрасывает

некоторое количество запасной энергии, которая предназначена для иных, возможно, очень ответственных ситуаций. И момент поединка между восточной и западной энергетиками нами ошибочно воспринимается как стимуляция клеток... такие дела. Владимир Иванович.

Вонави. Хм-м-м... возможно, вы здесь правы.

Хворостов. Прав, прав, не сомневайтесь!

Вонави. А чай у вас превосходный!

Хворостов. Да уж... Здесь, в этом целебном напитке, присутствуют чабрец, мята перечная и мелисса лекарственная. Он не только вкусен, но и очень полезен. Вам — особенно. Для желудка. Вы же знаете, что у вас гастрит с повышенной кислотностью желудочного сока?

Вонави. Вот уж нет. К врачам не обращался, но иногда желудок действительно побаливает.

Хворостов. Вот и хорошо, что не обращались. Не верьте им. Такой совет могу дать: не ешьте жареного, не пейте пастеризованного молока, не запивайте мясо и рыбу сладким и через три-четыре месяца ваше здоровье поправится.

Вонави. Спасибо. Постараюсь придерживаться совета такого известного целителя, как вы.

Хворостов. Договорились. Но, как говорится, приступим к делу. Я имею в виду цель вашего ко мне визита профессионала-сыщика, которая мне ясна так же хорошо, как и понятно то обстоятельство, что я понимаю то, что вы понимаете сложившуюся на данный момент ситуацию... простите меня за неудачный каламбур, из которого, как из катакомб, я не смог выбраться...

Вонави. Каламбур, будем считать, получился. Да, я понимаю и поэтому сама по себе отпадает необходимость во вступлении и я бы хотел...

Хворостов. Извините меня, Алексей Иванович. Но прежде, чем я отвечу по существу ваших вопросов, хотелось бы на правах хозяина квартиры узнать, как вы вышли на меня? Если, конечно, можно...

Вонави. Вам — можно (смеется). Это просто...

Хворостов. Для вас...

Вонави. Значит так. Я обратил внимание на одну закономерность, присутствующую в канун происшествий...

Хворостов. Телефонный звонок?

Вонави. Именно, Владимир Ильич. Тогда я начал рассуждать примерно так: кому-то нужно было позвонить и сообщить абоненту нечто такое, что вынудило бы человека завер-

щитъ свое земное бытие. Но какая информация сумеет заставить сделать убийственный в буквальном смысле поступок? Какой она должна быть энергетической силы? Это одно. И второе. Смысл? Для чего этому некто творить зло? Наследство? Месть? Еще что? Но когда мне вчера вечером стало известно, что четверо погибших зарегистрированы в нашем ведомстве и их отпечатки пальцев крепенько интересуют уголовный розыск, я понял цель содеянного и...

Хворостов... подумали о современном варианте Роб Роя или Робен Гуда? Деточкина? Не так, Алексей Иванович?

Вонави. Вы так быстро читаете мои мысли, что я, честное слово, и это правда, теряюсь..

Хворостов. Читать мысли чужих — моя профессия. И вы не скромничайте. У вас это получается не хуже моего. Но у меня опыт длиной в пять десятков лет, а вы едва ли прожили на белом свете тридцать и все эти годы скрывали свои, данные вам Богом, способности считывать с заинтересовавшегося вас человека нужную информацию. Вы полагали, что у вас первейшее оружие против подонков — логика и ум. Нет, вы ошибаетесь. Ваша тайна — внутри вас. Вы заранее знаете куда пойти, к кому обратиться, какой вопрос задать. Это именуется «внутренним зрением». Разве не так?

Вонави. Возможно, возможно..

Хворостов. И все так думают. Кроме меня. Я сразу понял, что вы за человек, едва прочитал о вас очерк в газете. Вы — Божьей волей сыщик! Самому небу было угодно, чтобы вы занимались тем, что вам приходится делать. И я еще сегодня утром почувствовал, что нужно ждать гостя, потому что могу, но только осознанно, в отличие от вас, знать развитие событий на перспективу по нужной мне проблеме. Мне показалось, что вы вначале направитесь..

Вонави. К ясновидящей?

Хворостов. Да. Вот видите, как вы проиллюстрировали свою возможность читать мысли собеседника!

Вонави. Но вы не угадали. Я не обращаюсь к людям подобных возможностей по одной веской причине: я им не верю! Да и мне, сыщику-профессионалу, как вы заметили, как-то не с руки опускаться до подобного уровня. Я вышел на вас...

Хворостов. Понял. Вы мне уже сказали, что навело вас на меня. А далее вам помогали логика и факты. Вам пришла в голову мысль о возможном зомбировании по телефону людей человеком -икс и начали его искать?

Вонави. Да, да, верно... все правильно...

Хворостов. И вы пришли к выводу, что этими делами может заниматься пенсионер-гипнотизер, который в молодости, выступая на сцене, мог легко узнавать, что написано посторонним человеком в записке, вложенной в запечатанный конверт и давать мысленные указания любому зрителю и он выполнял мои пожелания...

Вонави... поцеловать соседку, причесаться, назвать свое имя, спеть песню, рассказать стихотворение, анекдот...

Хворостов. У вас сохранилась моя именная афиша, где синими буквами написано: «Единственный в стране Хворостов — ясновидец мысленно повелевает любым человеком на любом расстоянии!» Да?

Вонави. Нет. Но живы люди, которые были на ваших сеансах и охотно поделились своими воспоминаниями о вашем необыкновенном мастерстве и даре экстрасенса.

Хворостов. Да, действительно, вам удастся все чрезвычайно просто. Вам покровительствуют, и я явно недооценил вас и ваши возможности как сыщика, так как был убежден: никому в мире не придет в голову заподозрить меня... что ж, и на старуху бывает проруха...

Вонави. Польщен. Вы удовлетворены моей информацией в связи с вашим вопросом?

Хворостов. Разумеется. Спасибо. Теперь, как я понимаю, настал мой черед?

Вонави. Буду премного благодарен.

Хворостов. Еще чашечку чая? И баранки берите...

Вонави. Спасибо. С удовольствием. Сто лет не ел баранки. Да еще с маком.

Хворостов. Сам пек. Покойница жена была большая мастерица выпечки. Ну, что же... слушайте, Алексей Иванович исповедь. Однажды мне подумалось: а что Хворостов Владимир Ильич сделал полезного для общества? Выступал на концертах и в тысяче случаев прославил себя? Вернее, свои экстрасенсорные способности. А что до этого людям, коим ты так успешно морочил головы? Мысли отгадывал? Кому это надо? И когда я, перед тем, как уснуть, начал сам себе задавать этот страшный вопрос в течение месяца, то стало жутко. Я вдруг понял истину: человек должен своей жизнью быть полезным другим людям. И тогда у меня родилась дерзкая мысль следующего свойства: в наше бестолковое время очень многие начали греть руки на несчастьях и горе, они стремительнее бурьянов поднимаются вверх, увеличивая и без того

достигшую беспредела преступность. И мне стало ясно: я могу оказать неоценимую услугу обществу, беспощадно карая злодеев. Нет, суд с его бесчисленными статьями, регламентирующими ответственность за преступление, им не страшен. Но они боятся неизвестности, кою я могу сотворить. И, поверьте мне, Алексей Иванович, многие из них насторожились, обратив внимание на ряд таинственных самоубийств. Они задумались над фактами: почему благополучные, с их позиций люди, сами по себе выбрасываются с балкона, лезут под колеса поезда и автомашины, стреляются, вешаются... они, преступники, ведь не дураки. И понимают, что к чему, ума не откажешь... Сравните статистические данные за последние три дня с предшествующими и вы увидите значительное уменьшение правонарушений, а те, что фиксируются, то они совершаются приезжими, или, как говорят, «залетными» гастролерами...

Вонави. Верно, верно... говорите...

Хворостов. И тогда я решил объявить бой негодяям доступными мне средствами и показать подонкам: вот он, ваш поганый дерьмовый финиш! Смерть, страшная, неумолимая, загадочная невидимо караулит вас ежесекундно. Опомнитесь! У вас пока имеется единственный шанс спастись — немедленно жить по законам общества. И я взял на себя незаконные функции судьи и палача. Здесь я, уважаемый Алексей Иванович, нисколько не лицемерю. Хотя не скрою: у меня подготовлено к вашему визиту кое-что... иначе я не был так с вами откровенен...

Вонави. Убрать из моего сознания, стереть начисто информацию о вашем существовании?

Хворостов. Вы верно мыслите... я кое-чему научен за семьдесят лет. Я предвидел возможный путч в общегосударственном масштабе и сообщил об этом за два года самому президенту. Мало того, что он не принял во внимание мой сигнал, меня упрятали на три года в психушку...

Вонави. Ну допустим. Но как вы сумели определить, кто же преступник, по каким признакам вы казнили его? И как это вы сумели претворить чисто технически?

Хворостов. Отвечу без утайки и на эти вопросы. Уверен: вам лично не нужно указывать пальцем, чтобы вы быстро определили предрасположенность человека к совершению преступления. Вы чувствуете его измененную энергетику. Так?

Вонави. Да, этот момент я как-то воспринимаю интуитивно, особенно, если посмотреть человеку в глаза. Они действительно зеркало души...

Хворостов. Я также очень четко могу отследить таких людей. Но я пошел дальше. При желании могу научить и вас.

Вонави. Желаю!

Хворостов. Договорились. Да вы пейте, пока я говорю, свой чай. Остынет ведь...

Вонави. Спасибо.

Хворостов. Как я представляю преступника? Моделирую себе его образ, фантом, так будет вернее. Мысленно окрашиваю его подкорку в синий цвет и уж после этого посылаю запрос в подсознание: «Этот человек совершил убийство (грабеж, насилие, кражу) «Да?» «Нет?» «Да?» «Нет?» «Да?» «Нет?» При положительном ответе мозг фантом меняет свой «цвет» на черный либо коричневый... иногда он может быть серым.

Вонави. Сообразил. По похожей методике некоторые целители-биоэнергетики диагностируют своих пациентов.

Хворостов. Примерно так...

Вонави. А что, у вас никогда не было сомнений при подобном подходе к определению человека к принадлежности его к преступному клану? А вдруг вы совершаете роковую судебную ошибку, ценой в человеческую жизнь?

Хворостов. Никогда!

Вонави. Ну, если предположительно?!

Хворостов. Я не ошибаюсь!

Вонави. Ладно. Тогда ответьте, чем, по-вашему, виноват перед обществом Розенберг?

Хворостов. Виктор Сергеевич занимался, пожалуй, самым отвратительным бизнесом, подделывая картины знаменитых художников, выдавал, используя свое служебное положение за подлинники, наживая на этих операциях огромное состояние. Сейчас во многих музеях страны находятся эти, так называемые, «произведения». А Розенберг подогревал себя мыслями типа: «Нате, вам тупицы и бездарности! Я умру, но мое энергетическое «я» в полотнах, придуманных мной, будет вечно...»

Вонави. Хм... я, признаться, кое-что слышал об этом. Но все равно любопытно. А чем же не угодил обществу мой высокий начальник Новенко, генерал?

Хворостов. Он глава мафии. Я не случайно указал на факт некоторого спада преступности. Приутихла маленько крими-

ногенная братва. Не привыкла без командорма действовать и у многих из них в голове прочно засела мысль: кто следующий? Об этом, кстати, недавно писала и газета. Очень боятся, чтобы в этой зловещей очереди не оказалось бы собственное «я».

Вонави. То, что вы сейчас сказали, трудно доказать или опровергнуть. Но тогда ответьте на такой вопрос, ответ на который мне известен. Клевцов и Буравкин — наемные убийцы?

Хворостов. Да. Вы что, тоже можете определять по фантому их склонность к преступному миру?

Вонави. Нет, Владимир Ильич. После посмертной дактилоскопии Клевцова и Буравкина мы вышли на этот факт несколько часов назад. Ряд убийств теперь объяснен. А Лебедун изнасиловал девочку? Пропавшую без вести Катю?

Хворостов. Да! И еще раз «да!». Но тогда откуда это знание у вас? Ведь труп пострадавшей не найден?

Вонави. Подумалось... были соображения... хм... а, кстати, где труп жертвы не подскажете?

Хворостов. У вас с собой фотография ребенка?

Вонави. Да. вот она.

Хворостов. Секундочку... так-так-так... эге-ге... м-м-м-м... ищите ее в канализационном люке в районе кинотеатра «Победа». Сказал бы точнее, если бы у меня была схема подземных коммуникаций города.

Вонави. От вас можно позвонить?

Хворостов. Желаете проверить полученные вами сведения? Звоните. Фирма проколов не делает.

Вонави (говорит по телефону). Голиков? Добрый вечер. Это я. Организуйте проверку всех канализационных люков в регионе кинотеатра «Победа». Как поняли меня? Да. Именно так. Правильно. Действуйте!

Хворостов. Не сомневайтесь. Так оно и будет, как говорю.

Вонави. А Парфенов повинен чем?

Хворостов. Каннибализм. В подвале дома, где он живет вы обнаружите куски мяса. Они не свиные, а человеческие... Тьфу!

Вонави. Еще можно задать вопрос?

Хворостов. Конечно!

Вонави. Ну, Рокотов тогда?

Хворостов. Эта мымра — правая рука Новенко, вашего бывшего милицкого шефа. Одна шайка-лейка... остальных вы, кажется, вычислили самостоятельно. Так?

Вонави. Так... они-то и навели меня на мысль, что причины их смерти нужно искать в вашей квартире... Но вы не ответили еще на один вопрос: как практически их казнили? И последний: кто следующий?

Хворостов. Каждый человек, как только рождается на свет, имеет определенный шифр жизни и смерти, полученный им от Космического разума, если верите в него, а нет, то тогда считайте, что этот код он получает от природы. Приведу, может быть, не совсем удачную аналогию. У Кощея бессмертного он, шифр бытия, находился в игле, хранящейся в яйце, а яйцо — в утке, утка — в зайце, а тот — в кованном сундучке, висевшем на крепких цепях высокого дерева. Шесть позиций. У человека смерть закодирована в цифрах, но что означает каждая цифра, я пока не узнал. Так вот таких символов шесть. Первый — игла, второй — сундук, третий — заяц, четвертый — утка, пятый — яйцо, шестой — игла. Таков энергетический ключ, оставленный нам далекими предками и зашифрованный в устном народном творчестве, но начисто утерянный в средние века. Мне посчастливилось обнаружить этот «ключ», после чего я находил качественную характеристику биополя человека, вычислял «по запросу» из него шесть цифр, чувствуя себя в роли судьи, а затем становился палачом — звонил по телефону преступнику, здоровался с ним и называл ему его код смерти, который, воздействуя на подкорку и ядра, а затем на таламус, перестраивал энергетику в необходимую программу, заменяющую им с «живи» не «умирай» и у моего клиента в психике выстраивалось задание, связанное с самоубийством. Далее все зависело от приговоренного. Он сам решал, как ему умереть... Кстати, Алексей Иванович, вы что-нибудь слышали о психотронном оружии?

Вонави. Да, естественно...

Хворостов. На таком принципе, оно думается, и работает: идет от генератора определенной частоты энергетический сигнал, от которого невозможно уберечься и его воспринимает определенный тип личности. На другом диапазоне действия — сигнал направлен на людей с иными психологическими характеристиками, и так далее... Возможно создать такое кибернетическое устройство, которое, работая на белковой основе и самообучаясь, будет через какой-то промежуток времени моделировать все мыслимые установочные сигналы и за относительно короткий промежуток времени эта машина уничтожит все живое на земле. Живое и мыслящее. Еще Энгельс, которого мы так дружно и скоро стали забывать, в своей ра-

боте «Диалектика природы» во «Введении» верно указывал на тот факт, что человеческое общество должно с железной необходимостью уничтожить свой мыслящий дух, чтобы создать его в другое время и в ином месте... возможно, этот бородатый ясновидец имел в виду это оружие... а кто следующий? Очень скоро узнаете... по телефону...

Вонави. И все же...

Хворостов. У Новенко были левая и правая руки в водстве мафией. Левая рука — Рокотов, правая — полковник Голубенко...

Вонави. Кто-кто?

Хворостов. Полковник Голубенко.

Вонави. Этого не может быть! Факты!

Хворостов. Хм-м-м-м-м... знаете, как давайте поступим: я указал вам на матерого преступника, а вы попробуйте сами эти факты обнаружить и если у вас не получится ничего, то тогда, милости просим, ко мне приходите за вещественными доказательствами... идет, Алексей Иванович?

Вонави. Согласен! Но, умоляю вас, Владимир Ильич, не нужно более смертей! Давайте по закону...

Хворостов. Не готов ответить положительно, но, обещаю, подумать над вашими словами. Договорились?

Вонави. Хорошо. А что мне остается делать? И я подумаю, как мне быть с вами, Владимир Ильич. Я ведь исполняю служебный долг...

Хворостов. Понимаю. Как решите — так и будет. Но главный мой сюрприз для вас впереди. Завтра утром узнаете, но какой — не скажу. И не просите. Еще вопросы, кроме последнего?

Вонави. На сегодня их больше нет.

Хворостов. Ну, что по третьей чашечке чая? На прощание?

Вонави. С удовольствием. Где и когда бы я попил такого вкусного чая? Спасибо вам от всей души. У вас явный талант кулинару.

ДЕВЯТЫЙ СЛУЧАЙ

После общения с Хворостовым Вонави в задумчивости шел домой. Был поздний вечер и людей на улицах, несмотря на тихий вечер, было совсем немного. Алексей понял причину — по телевидению сейчас демонстрировался сеанс знаменитого

психотерапевта, обещавшего излечить сразу всех от любых недугов.

Душу майора раздирали противоречия — имел ли он моральное право совершать то, что делает: ведь в принципе, если допустить, что он не ошибается, то гипнотизер совершал добро, понуждая, возможно, правосудие совершенствоваться. А служебный долг Вонави? Преступник найден. Тогда почему он на свободе, тем более, что и не отрицает своих противоправных действий, которые также нуждаются в доказательствах. А как это сделать? Суд не примет к рассмотрению криминальные мотивы без фактов. А их, аргументов, кроме признания самого Хворостова, нет. И в этом случае Владимиру Ильичу грозит одно: психиатрическая больница. Мол, человек с нездоровой психикой возомнил себя невесть кем и подстраивает под свою болезнь ряд случайностей, чтобы обратить на себя внимание. А Алексей потворствует ему. Ну-ка, направим и майора на психиатрическую экспертизу! Как, Алексей Иванович, вы серьезно утверждаете, что по телефону можно дать приказание и человек убьет себя сам? Да вы в своем уме? Код из шести цифр, говорите? Интересно, интересно! Таких случаев нами еще не зарегистрировано. Скажите, а вы сами не считаете ли себя человеком с экстрасенсорными способностями? Голоса, возможно, посторонние слышите, биополе видите, ауру в цвете? Не стесняйтесь, говорите, мы вам обязательно поможем...

Да никогда в жизни Вонави не сможет такое заявить без строгих вещественных доказательств! Он же не сумасшедший!

С такими грустными мыслями Вонави пришел домой. Едва он снял плащ, как пронзительно зазвонил телефон. Звонил Голиков.

— Алексей Иванович, опять происшествие!

— Самоубийство? — у него заняло под ложечкой, а в затылок вонзилась игла боли и смятения: он немедленно вспомнил Владимира Ильича и его предостережение о сюрпризе, который тот обещал на утро — неужели поторопил события?

— Да... десять минут назад позвонил участковый и сообщил, что на улице Пушкина прямо на скамейке вскрыл себе вены некто Хворостов. В прошлом артист эстрады. Демонстрировал феноменальные опыты на сцене. Спасти не удалось.

Вон оно что... бедный Владимир Ильич. И несчастный.

— Что там еще?
— Голубенко бесится, все интересуется как проходит дознание. Что-то с ним творится непонятное. Он просил передать, что срочно желает с вами переговорить.

— Понял. Полковник у себя?

— Да.

— Спасибо за звонок. До свидания.

— Всего доброго!

Вонави, нервничая, набрал номер телефона Голубенко. Боли в желудке и в затылке усиливались.

— Здравия желаю! Просили позвонить?

— Да. Как дела?

— Плохо. Пока не могу обнаружить причин для объяснения суицидов.

— Жаль... как старший по должности и званию обязан сделать вам предупреждение о слабой службе. Непрофессионально работаете, майор. Я недоволен вами. Весьма...

— Мне жаль...

— И мне тоже, что у меня такой заместитель... так что делайте выводы, майор...

— Хорошо...

— Вот и договорились, — грозно шумел голос Голубенко. — Доложить мне о ходе дознания в письменном виде. Ясно?

— Так точно! — громко ответил Вонави и в досаде положил трубку. Боли исчезли.

В О Н А В И

(конец расследования)

Начальнику городского отдела внутренних дел полковнику Голубенко
зам. начальника, майора МВД Вонави А. И.

Р а п о р т

Прошу Вас освободить от занимаемой должности и уволить со службы.

Майор Вонави

— Вставай, вставай — голос требовательный и нежный, принадлежащий Светлане, разбудил Алексея.

Жена, причесанная и одетая в синий атласный халат, тормошила его за плечи и улыбалась.

Фу, ты!

Так, выходит, что диалог с Хворостовым, телефонные разговоры с Голиковым, Голубенко, написание рапорта — то был сон? Но до чего впечатлительны картины! Алексей посмотрел на часы. Они показывали половину восьмого утра. На восемь у него запланирована встреча с бывшим артистом эстрады гипнотизером Хворостовым Владимиром Ильичом. Хм... А кто это звонит?

Алексей, зевая и потягиваясь, подошел к телефонному аппарату.

— Алло!

— Доброе утро, Алексей Иванович! — радуется на конце провода голос Медведкина.

— Здравствуйте! Говорите!

— Опять случай! Самоубийство...

— Кто?

— Хворостов Владимир Ильич. Вскрыл себе вены вчера поздним вечером. Полковник Голубенко шумит и требует вас.

— Понял. Что еще?

— Ночью в одном из канализационных люков обнаружен труп девочки.

— Возле кинотеатра «Победа»?

— Эге, да вам уже все известно?

— Догадывался...

— Что передать полковнику?

— Скоро буду...

А может права Матрена Фоминична, предсказывая Алексею, что выше майора он по служебной лестнице не пойдет? Хм... он быстро перекусил на кухне яичницей с салом, выпил чай с булкой и вышел на улицу: у него вдруг возникло непреодолимое желание навестить квартиру Хворостова.

Когда он прибыл по нужному адресу, то жилище Владимира Ильича уже собирались опечатывать. Гипнотизер жил один, а сыну недавно послали телеграмму о смерти отца. Алексей прошел в жилую комнату и вздрогнул: на столе стояли две фарфоровые чашки, расписанные ромашками, сахарница и хрустальное блюдо с баранками, посыпанными маком.

У Вонави слегка закружилась голова.

Похороны ожидалась по прибытии сына и Алексей понял, что он просто обязан попрощаться с Хворостовым.

Это что же получается? Хворостов сам себе вынес приговор и исполнил его? Судья и палач? Один в двух лицах?

А может это продолжение сна? Или же Владимир Ильич, используя свой дар, отправил Алексея мысленным приказом домой, заставил лечь спать, а по пробуждении считать, что вчерашняя встреча была милым сновидением? Хм...

Внезапно Вонави высветил для себя две истины: самоубийств в городе более не будет, и только в том случае диалог с Хворостовым был во сне, если окажется, что полковник Голубенко никакого отношения к мафии не имеет. А долг Алексея как раз и заключается в том, чтобы опровергнуть эту дьявольскую идею или подтвердить ее. И этим он займется немедленно! С этого момента.

И все же: весна, действительно, самая замечательная пора года!

Не правда ли?

СОДЕРЖАНИЕ

Черный колдун	5
Проделки нечистой силы	16
Вурдулак	23
Проклятие императора Максимилиана	36
Гиблое место (размышление)	46
Человек-телефон (анекдот)	50
Только правду (эпизод)	57
Вор	66
ДЦП	71
Судья и палач (повесть)	77

«ЧЕРНЫЙ КОЛДУН»

Редактор Ю. А. Лебедь

Художник Л. Л. Пестина

Технический редактор О. А. Князько

Сдано в набор 18.02.93. Подписано в печать 5.07.93.

Формат 60x84/16. Бум. тип. № 1.

Способ печати высокий. Услов. печ. л. 6,74.

Услов. кр.-отт. 6,79. Уч.-изд. л. 7,25. Тираж 5000 экз.

Изд. № 4. Заказ № 386. Цена договорная.

РИО обласного управления по печати,

340002, Донецк, пр. Б. Хмельницкого, 102.

Донецкая городская типография, П/К «Полиграфист».

**БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ
МИСТИКИ**

